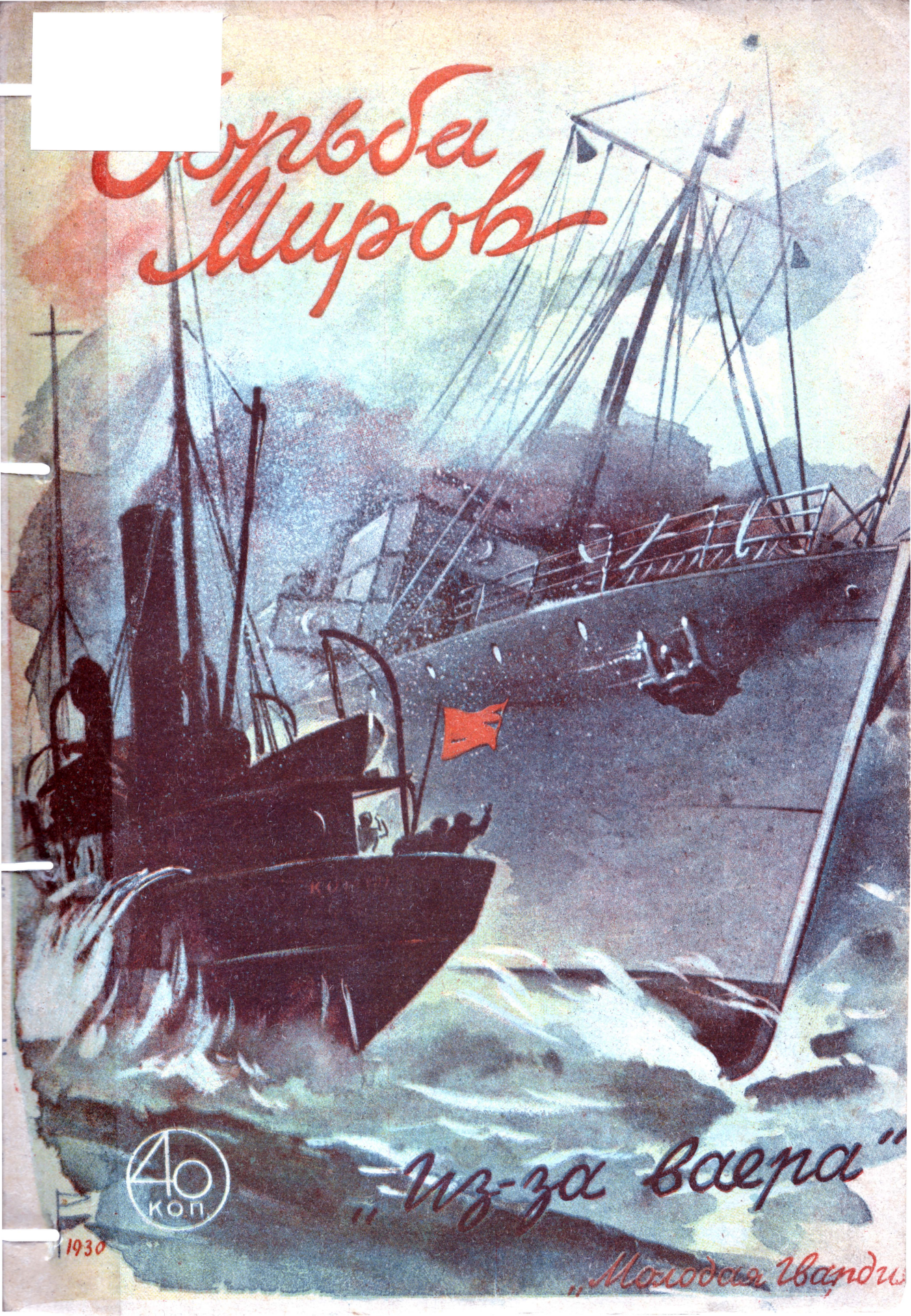

Борьба
Миров
„Из-за моря"
40 коп
1930
„Молодая гвардия"

23/II 1918 г.

ГЕРОИЧЕСКОЙ КРАСНОЙ АРМИИ,

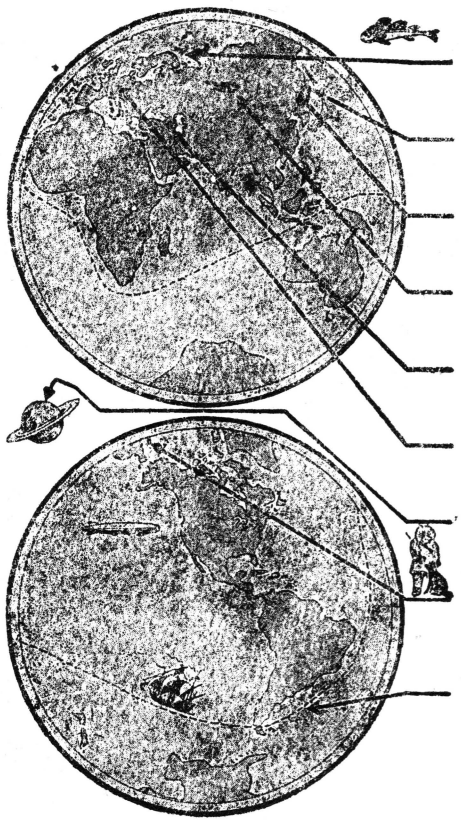
23 II 1930 г.

ОПОРЕ ДИКТАТУРЫ ТРУДА,

ПРИНИМАЮЩЕЙ САМОЕ ГОРЯЧЕЕ УЧАСТИЕ В БОРЬБЕ МИРОВ И КЛАССОВ,

КОМСОМОЛЬСКИЙ БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПРИВЕТ!

ОБЕЩАЕМ ЕЙ К КОНЦУ ПЯТИЛЕТКИ ПОСТРОИТЬ УДАРНУЮ БРИГАДУ КОМСОМОЛЬСКИХ ПОДВОДНЫХ ЛОДОК.



СОДЕРЖАНИЕ ФЕВРАЛЬСКОЙ КНИЖКИ

ИЗ-ЗА ВАЕРА — рассказ *А. Некрасова*, стр. 46.

ВОКРУГ ВИНТА — рассказ *М. Ковлева*, стр. 69.

ПОД ЛАХАССУСУ—рассказ *Г. Скворцова*, стр. 31.

НА ПОМОЩЬ АМЕРИКАНЦАМ — телеграммы *Б. Громова*, стр. 36.

ГРАНИЦА ПЕСЕН—рассказ *И. Лабомир*, стр. 39.

ЮБИЛЕЙ Д-РА ФРАЙСА—рассказ *Н. Панова*, стр. 2.

СЛЕДУЮЩИЙ МИР—роман *Э. Зеликовича*, стр. 57.

БОРЬБА ЗА ОСТРОВ—дневник нач. острова Врангеля *Г. Ушакова*, стр. 13.

ОТ МАГЕЛЛАНА ДО ЭККЭНЕРА—очерк *К. Григорьева*, стр. 79.

Отв. ред. **С. КЭМРАД** Зав. ред. **Г. ГИЛЬГЕНДОРФ**

Москва. Главлит А 60656. Ст. форм. Б. Тираж 50000 экз.

«Мосполиграф», 16-я типография, Трехпрудный переулок, 9.

ЕЖЕМЕСЯЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ИЗОБРЕТЕНИЙ, ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА

Приложение к журналу „СМЕНА"

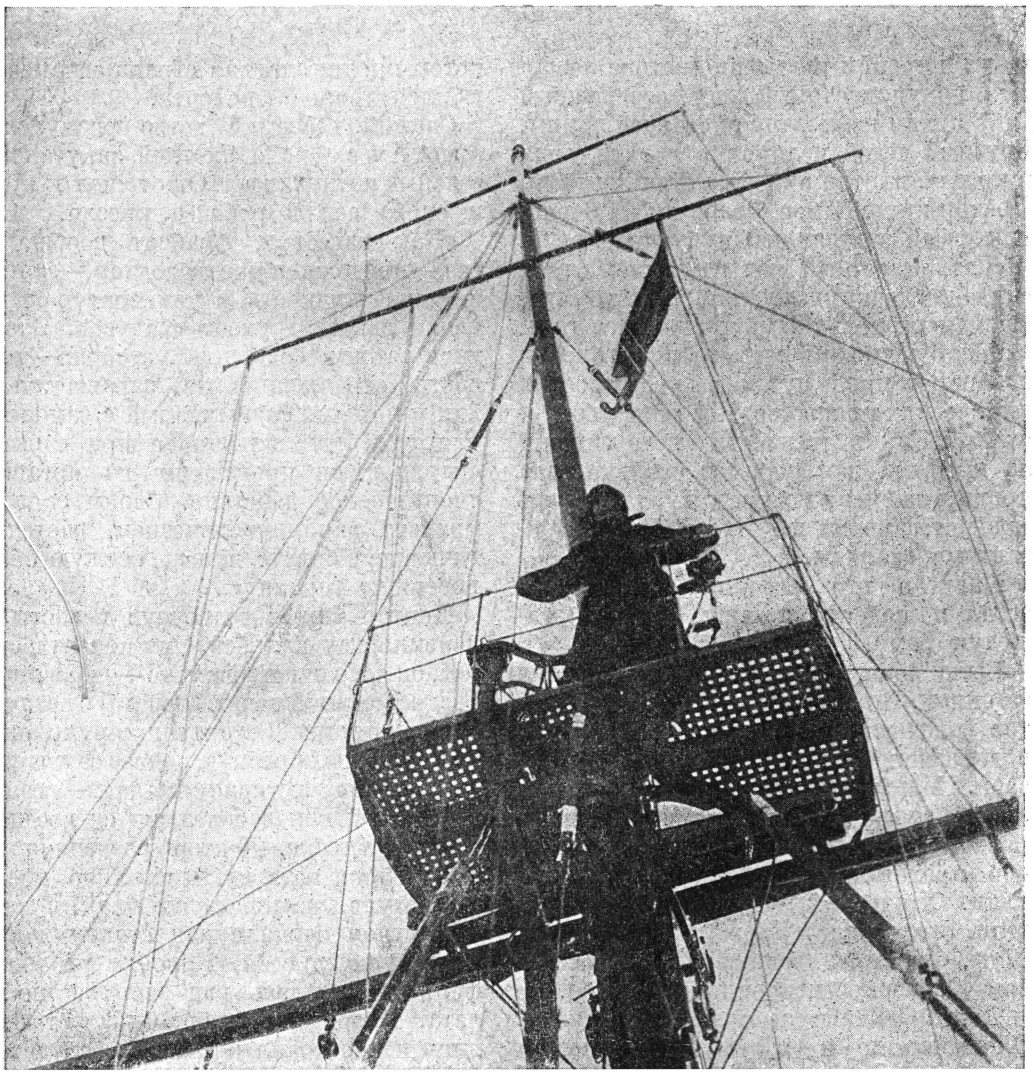
Адрес редакции: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия", телефон 2-35-26.

Условия подписки: „Борьба Миров" вместе с 10-дневным журналом „Смена": на год — 7 руб.; на 6 мес. — 3 р. 70 к.; 3 мес. — 1 р. 95 к.

ГОД ИЗДАНИЯ ПЕРВЫЙ

Борьба Миров

ФЕВРАЛЬ 1930 № 2



Автор рассказа «Под Лахассусу» Г. Скворцов на мачте монитора (см. стр. 31)

ЮБИЛЕЙ Д-РА

Рассказ Н. ПАНОВА. Рис. М. ХРАПКОВСКОГО

В Лондоне, Гааге, Женеве, Вашингтоне в шуме конференций по разоружениям готовится новая мировая война. Китайские события были хорошим экзаменом для наших бойцов. Угрозы новых нападений заставляют нас обращать особое внимание на боеспособность Красной армии и флота, справляющих свою славную 12-ю годовщину. Рассказ Н. Панова еще раз заставляет почувствовать, как важно порох держать сухим.

На широком письменном столе лежал полуисписанный лист, освещенный ярким рефлектором стоячей лампы. Грузный седой человек в халате, сидя в кресле, плотно налег на стол локтями. Доктор химии Амос Фрайс писал черновик своей завтрашней публичной речи.

«Газ, известный под названием фрайсит,—медленно писал доктор,—есть улучшенная разновидность горчичного газа, в просторечии именуемого ипритом. Он изобретен мной путем весьма простых химических процессов. Все гениальное—просто. Как в древности сталь заменила кремень, как порох в средние века пришел на смену мечу и луку, так теперь фрайсит заменил и вытеснил собой бризантные снаряды...»

Написав эти строки, Амос Фрайс встал и, подойдя к окну, открыл тяжелую раму.

Была ночь, но пылающий свет стоял за окном. С высоты восьмого этажа доктор видел улицу—многоцветный провал в движении бесчисленных авто и трамваев. Магазины выбрасывали сгустки людей, зеленые и синие сигналы регулировали движение. Яркие метеоры вагонов пролетали над бурной сутолокой улиц. Хрипло кричали громкоговорители, огни реклам дрожали на фасадах. Шум, скрежет, движение подымались снизу в черное непроницаемое небо.

Доктор Фрайс зевнул и потянулся. Он подумал о завтрашнем дне, о статьях бесчисленных газет, о торжественных речах и тостах, о всех почестях, которыми тщеславная страна ознаменует юбилей творца фрайсита.

Свежий весенний ветер рванулся в окно. Амос Фрайс плотней закутался в зеленый шелк халата. Он отошел к столу и снова сел в рабочее кресло.

«Как известно, фрайсит вообще не газ,—продолжал писать доктор,—это бесцветная жидкость с температурой кипения свыше двухсот градусов. Благодаря этому фрайсит устойчив—местность, отравленная им, заражается на дни и недели. Распыляемый с самолетов или распространяющийся при взрывах снарядов, он производит на организм смертоносное действие. Своим запахом фрайсит напоминает чеснок, растения, гниющие в болоте или же свежую обыкновенную горчицу».

Доктор Фрайс вздрогнул и застыл с пером между пальцев. Ему показалось—нет, он ясно чувствовал это—он различил раздражающий запах горчицы в воздухе, идущем от окна. Он протянул руку, схватил плоскую коробку и поднес ее к груди.

Звякнула жестяная крышка—резиновый серый ком заболтался на соединительной трубке. Доктор раздвинул резину и стал натягивать на лицо маску.

Наступил на мгновение мрак, и затем в круглом зеркале над столом доктор снова увидел себя. Коробка угольного фильтра качалась над застежками халата. Коленчатый хобот бежал от нее к лицу и переходил в плоскую серую маску. Два круглых стеклышка, два мутных мертвенных глаза смотрели на Фрайса.

ФРАЙСА

Доктор взглянул на свои руки. Они дрожали мелкой дрожью. Он подбежал к окну и потянул к себе раму.

В круговом повороте стекла вновь на секунду мелькнули потоки огней, движение толпы и темное небо. Доктор захлопнул окно и бросился в спальню.

Противогаз сжимал лицо и затруднял дыхание. У кровати доктор сбросил халат и распахнул дверцы шкафа. Газоуловитель — круглый блестящий инструмент—стоял на ночном столике. Со смутной надеждой Амос Фрайс мельком взглянул на него.

Лаковый диск прибора менялся у него на глазах: из ярко-желтого он становился мутным, кровавотемным. Фрайсит, смертельный газ, в сильной концентрации наполнял воздух.

Доктор извлек из шкафа груду одежды. Он быстро натянул на себя поверх белья желтые клеенчатые брюки и такие же сапоги до колен с твердой и толстой подошвой. Коробка фильтра, подскочив, стукнула его по глазам, когда он рванул через голову узкую резиновую куртку и затянул ее у горла шнурком.

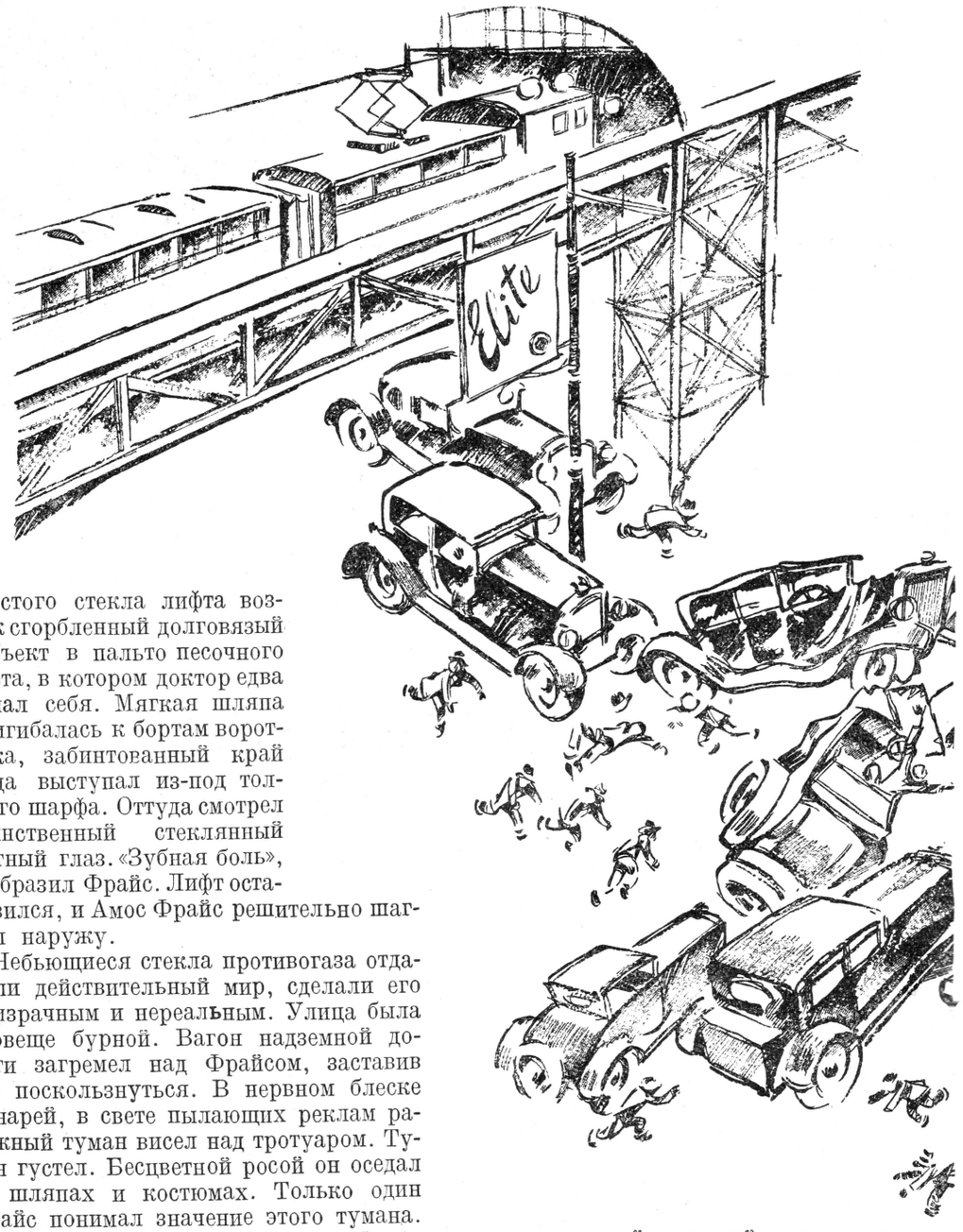
Только надев на руки перчатки из того же материала, Амос Фрайс перевел дух. Теперь он был одет в боевой костюм химического солдата.

Торопясь и дрожа, прошел он в кабинет и рассовал по карманам бумаги и деньги. Ночная атака... Нужно бежать... Много дней город будет негоден для жизни. Бежать сейчас же, пока не началась паника. Он открыл дверь в прихожую и на цыпочках подошел к комнате прислуги.

Там было тихо. Затаив дыхание, Фрайс приоткрыл дверь—девушка спала. Доктор секунду поколебался, снова закрыл дверь и подошел к вешалке.

Он надел пальто, мягкую шляпу с полями и, что-то вспомнив, снова прошел в кабинет. Марлевым длинным бинтом он обмотал лицо поверх противогаза. Потом снова надел шляпу, поднял воротник и поверх всего закутался в пуховый шарф...

Среди нежной бархатной обивки, металлического блеска ручек, мерцания



толстого стекла лифта возник сгорбленный долговязый субъект в пальто песочного цвета, в котором доктор едва узнал себя. Мягкая шляпа пригибалась к бортам воротника, забинтованный край лица выступал из-под толстого шарфа. Оттуда смотрел единственный стеклянный мутный глаз. «Зубная боль», сообразил Фрайс. Лифт остановился, и Амос Фрайс решительно шагнул наружу.

Небьющиеся стекла противогаза отдалили действительный мир, сделали его призрачным и нереальным. Улица была зловеще бурной. Вагон надземной дороги загремел над Фрайсом, заставив его поскользнуться. В нервном блеске фонарей, в свете пылающих реклам радужный туман висел над тротуаром. Туман густел. Бесцветной росой он оседал на шляпах и костюмах. Только один Фрайс понимал значение этого тумана.

Молодая девушка в поношенной короткой кофте внезапно закашлялась, прижимая руку к груди. Она задержалась около Фрайса. Карие удивленные глаза поднялись к его лицу. «Она умрет,—с легкой тошнотой подумал доктор,—умрет через два часа». Он отступил, сжимая зубы. Но девушка уже прошла. Фрайс двинулся к краю тротуара и шагнул в такси.

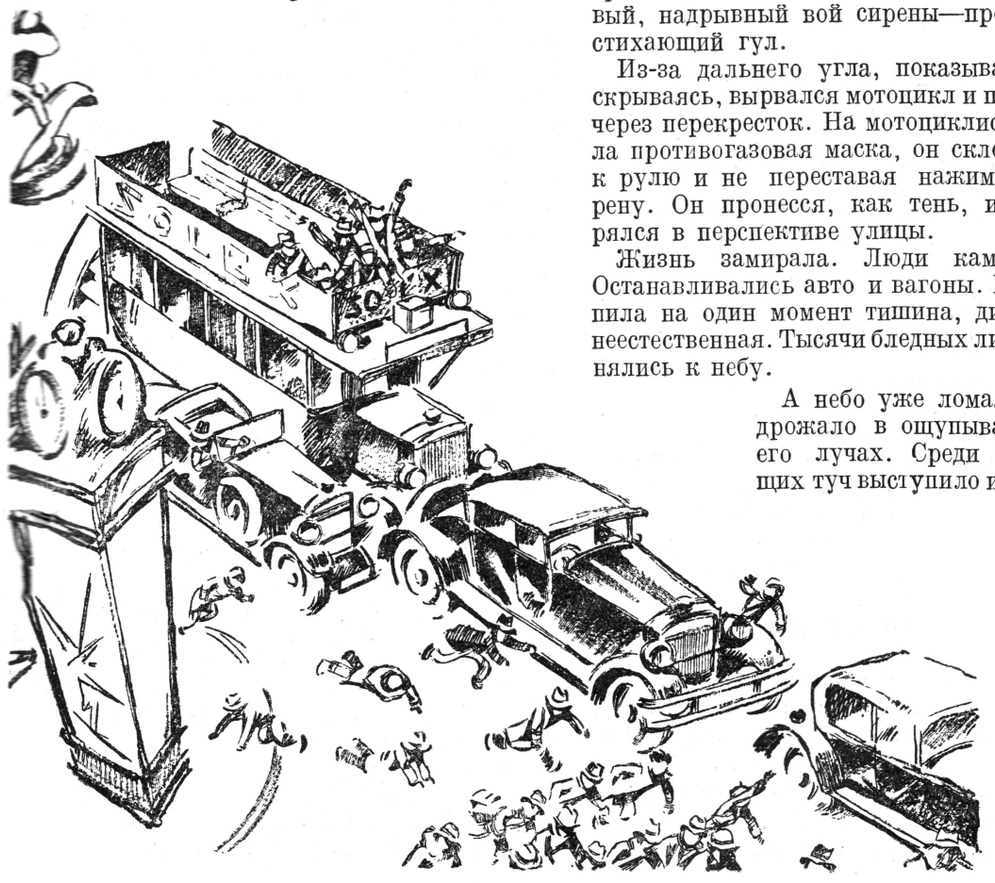
— Сэр?—спросил оборачиваясь толстый шофер. Он не спускал с доктора узеньких красных глаз. «Он умрет!—снова подумал доктор, сжимаясь под этим взглядом,—он заподозрил меня».

— Взморье, к Северным дачам,—крикнул он и с ужасом услыхал свой невнятный голос. Сейчас узнает, сорвет шляпу.

Но шофер ничего не подозревал. Он налег на руль—и мотор рванулся вдоль улицы...

Доктор Фрайс не любил людей. Вернее, погруженный в науку, он не видел их, не обращал на них внимания. Двадцать лет прошло со времени рождения фрайсита, и ни разу с тех пор не подумал он о том, что будет, когда фрайсит ворвется в жизнь. Только теперь...

Возможно, что личная опасность повлияла на его нервы. Но эта девушка, шофер, радужный туман...—главное выбраться самому, уехать подальше. С тошнотой, подступившей снова, он увидел, как оборванный газетчик, задержавшись на углу, сжав худыми коленями серую пачку, усиленно начал тереть кулаками глаза...



Авто задержалось на перекрестке. Три противоположных потока скрещивались здесь, регулируемые световыми сигналами. Здесь плотной массой сжимались автомобили и люди. Легкая тревога, подобно смутному предчувствию, уже зарождалась в этой толпе.

И внезапно разгадка наступила. Три далеких невнятных удара врезались в уличный гул. Над уносящимися в воздух домами мелькнул белый луч, и чудовищный палец прожектора остановился посредине неба. И еще один звук—тоскливый, надрывный вой сирены—пронизал стихающий гул.

Из-за дальнего угла, показываясь и скрываясь, вырвался мотоцикл и понесся через перекресток. На мотоциклисте была противогазовая маска, он склонялся к рулю и не переставая нажимал сирену. Он пронесся, как тень, и затерялся в перспективе улицы.

Жизнь замирала. Люди каменели. Останавливались авто и вагоны. Наступила на один момент тишина, дикая и неестественная. Тысячи бледных лиц поднялись к небу.

А небо уже ломалось и дрожало в ощупывающих его лучах. Среди зловещих туч выступило и вновь

исчезло плоское крыло аэроплана. И в то же время дробный гром пропеллеров, падая сверху страшной музыкой, проник в цепенеющее сознание обреченных.

И тогда улица ожила. Люди поняли, в чем дело, поняли, что нужно бежать. Две машины с треском сшиблись на углу. Ехать было нельзя,—все устремилось в одном направлении.

Бежать, укрыться куда-нибудь, все равно куда. Люди соскакивали с машин и бежали на тротуары. Надписи вспыхивали вдоль домов:

«Граждане, спокойствие! Граждане, надевайте противогазы! Не толпитесь у противогазовых убежищ!»

— Амадей Брукс с семьей бежал на самолете!—крикнул голос с тротуара.

Фрайс взглянул. Курчавый рабочий выкрикнул эти слова. Его выпуклый лоб был рассечен, кривая струйка крови медленно текла по щеке.

— Капиталисты приготовились,—кричал рабочий,—у них есть свои убежища, туда пускают за большие деньги. Я хотел попасть туда, видите! Он поднял руку ко лбу. В следующий момент толпа унесла его.

Амос Фрайс растерялся. Не то чтобы растерялся, но в строгий, выработанный заранее план вдруг ворвалась сама жизнь, нарушив его логическое развитие. Оставаться здесь—среди авто, на виду у всех—это будет самое лучшее. Но наверху начинается бой, за распылением последует обстрел снарядами. Бежать вместе с другими...

Дикая сцена разыгралась в двух шагах от него. Толпа бежала неизвестно куда, противогазовых убежищ нехватало. Из-за масок уже сражались. Богато одетый человек в маске выбежал из дома и остановился на ступеньках подъезда. Несколько других с криком бросились к нему.

Они требовали противогазов. Человек в маске опустил руку в карман, в его кулаке блеснул револьвер. Размахивая им, он стал пятиться к двери.

Кто-то из толпы бросился к нему и упал, размахивая руками. Джентльмен выстрелил два раза. Потом на него навалились. Разорванный противогаз взлетел в воздух. И тут обычный здравый рассудок изменил доктору Фрайсу.

Он решил скрыться в более безопасное место. Уйти от толпы куда-либо в переулок, забежать в какой-нибудь дом, спрятаться. Фрайс вылез из авто и слился с людским потоком. Подхваченный толпой, потеряв возможность двинуть хотя бы одним членом, он побежал вперед, семеня ногами, думая об одном—не упасть под ноги этой живой лавине.

Вверху начался бой. Гремели зенитные орудия, самолеты города тусклыми крестами скользили вверх, к неподвижно ждущей их враждебной эскадрилье. Небо рушилось и возникало снова, вырывая из тьмы отдельные эпизоды боя.

А толпа неслась вперед и вперед, слишком испуганная, чтобы остановиться, слишком плотная, чтобы предпринять что-либо разумное. Люди выбегали отовсюду, из всех домов, из всех переулков. Люди падали под ноги друг другу. И все же толпа росла и росла. Со страшным сердцебиением, задыхаясь в плотной резине, Фрайс все быстрей перебирал ногами.

Поток свернул в переулок. Блестящие магазины кончились—здесь чаще встречались бакалейные и закусочные лавки. Перед глазами Фрайса в диком танце мелькали пестрые вывески. Противогаз на нем сполз, он видел только одним глазом. Новая картина на миг приковала его внимание.

В двух шагах перед ним бежал рабочий с израненным лбом, верней не бежал—толпа, стиснув, тащила его. Рот его был судорожно сжат, кровь из раны текла все сильнее.

И вдруг голова нырнула вниз. Рабочий что-то крикнул, кровавое, полное яркого ужаса лицо показалось снова, затем исчезло совсем. Бегущие сзади приподнялись, как бы минуя невысокую горку. Под своими ногами доктор Фрайс почувствовал что-то мягкое, скользкое, еще не перестающее шевелиться.

Это было сверх человеческих сил. Доктор рванулся вбок, в сторону, куда угодно, только не в ногу с этими одичавшими людьми. Толпа подавалась.

Острым локтем он уперся в женскую обнаженную грудь. Стены надвигались на него. Он рванулся снова и, ступив в пустоту, с ужасом начал падать в темный бездонный провал...

Когда он очнулся, ему показалось, что огромный камень навалился на ногу. Тело сильно болело, нога же, огромная и омертвелая, ныла, будто схваченная тисками. Он сел, поправил противогаз и с трудом повернул голову.

Он сидел на каменной площадке, перед открытой дверью какого-то помещения. Две лестницы, параллельные мостовой, спускались сюда от тротуара. Наверху слышались топот и гул бегущей толпы. Доктор шевельнулся и со стоном пополз в помещение.

Круги красные и черные плыли перед его глазами. В этих кругах проступила сначала фигура человека в пиджачной паре, с русой бородкой и бледно-голубыми глазами на белом испуганном лице. И уже затем прояснился фон—внутренность закусочной с полными блюдами на прилавке, с рядом бутылок вдоль полки на стене.

Человечек отступал, не сводя глаз с Фрайса. Доктор был страшен в эту минуту. Он был без шляпы, серый резиновый череп и стеклянные глаза смотрели из-под бинта, съехавшего набок. Он попробовал встать и удержался на одной ноге, обеими руками опираясь на прилавок.

— Что случилось?—резко спросил человечек, и его голос, как сквозь сон, прозвучал в сознании Фрайса.—Революция? Землетрясение? Хозяин ушел узнать и не вернулся. Кто вы такой и как сюда попали?

— Налет аэропланов!—хрипло крикнул Фрайс, он покачнулся и еле удержался за стойку.—Налет аэропланов. Город в газовом тумане. Живей, есть у вас противогаз? Скорей надевайте его.

Приказчик секунду стоял в нерешимости, потом схватил с полки противогаз и торопливо натянул на голову.

— Подвал, есть у вас подвал?—снова крикнул Фрайс. Он кричал, склоняясь к самому уху лавочника.—Это одно спасет нас. Дайте ключ, дайте же ключ, говорю вам!

Приказчик колебался. Фрайс снова схватил его за плечо.

— Вы не верите? Вы боитесь ловушки? Верьте мне,—я Фрайс, доктор химии Фрайс. Вы слышали обо мне? Откройте подвал—и вы избежите смерти. Вы слышите?

Наверху, заглушая все звуки, заглушая гул толпы и звон разбитых стекол, раздался громовой удар. Минуту царило молчание, потом гул снова возобновился.

— Это первый газовый снаряд,—крикнул Фрайс.—Там смерть! Город заливают газом. Торопитесь—или мы опоздаем.

Доктор шагнул вперед, и невыносимая боль кольнула его. Холодный пот покрыл лицо. Стиснув руки, он повалился на стойку.

— Помогите мне,—тихо сказал он,—я, кажется, сломал ногу.

Человечек с бородкой и голубыми глазами не слышал его. Он быстро взял ключ и направился в заднюю комнату. Фрайс пополз за ним.

В стене этой комнаты была тяжелая низкая дверь. Приказчик открыл ее. Фрайс сорвал зараженное пальто, бесполезный теперь бинт. Они закрыли дверь и спустились по лестнице вниз.

Продуктовый погреб закусочной лавки был низкой небольшой комнатой с земляным полом и кирпичными стенами. Здесь было холодно и сыро—это с радостью заметил Фрайс. Слабая лампа освещала боченок в углу, груды мешков, телячью ногу, свисающую с потолка. Фрайс снял противогаз и обернулся к приказчику.

— Здесь холодно, и дверь крепка,—бодро сказал он.—Газ не проникнет сюда. Но на всякий случай—придвиньте к двери эти мешки. Нужно хорошенько закрыть ее. Ну, теперь мы в безопасности.

Он сел на пол и закрыл глаза. Его нога болела меньше. Он был почти счастлив, так удобно устроившись на первое время. Но тихий голос приказчика привел его в себя.

— Доктор Амос Фрайс,—зазвучал этот голос, и Фрайс задрожал, услышав свое имя,—сэр, вы знаете, конечно, какой газ пустили на город. Это, конечно, не фрайсит, не газ, изобретенный вами. Но почему вы в этом странном костюме.

Наступило молчание.

— Прошу вас,—сказал Фрайс упавшим голосом,—прошу вас, дайте мне чего-нибудь выпить. Я очень устал, и у меня болит нога...

Приказчик возился с бутылкой, а тем временем Фрайс старался собрать свои разбросанные мысли. Да, этот человек на краю смерти... Нет, не то..—он сделал огромный промах, открыв свое имя... Ведь, этот человек—труп, по крайней мере, десять минут он жил и двигался в смертельном тумане. Знает ли он свойства газа? Из его кармана торчал номер вечерней газеты, в которой в статье о Фрайсе было изложено действие великого изобретения. Но тогда... он будет умирать, зная... Зубы Фрайса звякнули о стакан, когда он залпом выпил душистое и крепкое вино.

— Я еще не знаю, что за вещество этот газ,—отрывисто сказал он.—Нужен анализ... Вы... вы, ведь, не чувствуете себя плохо?

Они снова долго молчали.

— Сэр, — доверчиво сказал человечек,—но вы уверены, что это не ваш газ? Я читал: он действует не сразу... Он покрывает нарывами тело. Прежде всего глаза...

Страшно побледнев, он вдруг зажмурил веки. Стоя посреди подвала, он поднес к ним сжатый кулак. Он попробовал улыбнуться, но улыбка не вышла на задрожавших губах. Он сильно протер глаза и растерянно взглянул на Фрайса.

— У меня,—сказал он отчетливо и хрипло,—у меня немного жжет глаза... Если я ослепну... Доктор...

Его фигура потонула в густом мраке. Лампочка мигнула и потухла. Веки Фрайса заполнила густая ночь.

Слабый крик раздался около него. Дрожащие руки схватили его за пл чо. Вскрикнув от резкой боли, он оттолкнул от себя цепкое тело.

— Не хватайтесь за меня!—крикнул Фрайс, и сам не поверил своему голосу.— Слышите, не смейте за меня хвататься! Вы не ослепли, стала электростанция, служащие истреблены или разбежались. Вы спасетесь, уверяю вас, вы спасетесь, как и я.

Ответом было молчание. Кто-то тяжело сел на пол. Вино горячо разливалось по жилам Фрайса.

— Сэр,—снова сказал человек из мрака, голос его заставил Фрайса похолодеть,—сэр Амос, ради всего святого, есть у вас спички?

Спички были у Фрайса в боковом кармане. Он вытащил их и сжал в кулаке.

— Ради Христа,—продолжал голос,— дайте свет, мне очень нехорошо.

Прыгающими пальцами—что-то нечеловеческое было в этой мольбе—доктор чиркнул спичкой. В желтом свете возник маленький приказчик. Он сидел в углу, скорчившись, сжимая голову руками. Из его глаз катились крупные слезы.

Спичка обуглилась и канула в мрак. Доктор ждал. И снова тот же голос послышался из дальнего угла.

— Доктор Фрайс,—сказал этот голос,—я просил вас зажечь спичку. Разве они отсырели? Я слышал чирканье! Горела спичка.

— Нет, она не зажглась,—Амос Фрайс замолчал, задыхаясь:—спички отсырели, у нас нет света.

— Вы лжете,—завизжал человек из угла!—Вы—лжете—спичка горела! Я ослеп, я совершенно ослеп. Умоляю вас, зажгите спичку снова.

Снова деревянными руками доктор Фрайс зажег тусклый огонек. Он оглянулся: боченок стоял у стенки не совсем вплотную, за ним было место для одного человека. Приказчик сидел, опираясь на скрюченные руки с устремленными вперед огромными и мутными глазами. И снова, медленно обгорев, спичка выпала из разжавшихся пальцев.

— Вы зажгли свет?—прорыдало в углу.

— Зажег, — хрипло ответил Фрайс.

— Но я не видел его. Я ослеп, ослеп, как крот, и у меня так жжет внутри. Доктор, это фрайсит. Дорогой сэр, спа-

сите меня! Вы ученый, вы умный, о вас так много писали в газетах. Скажите, он пропитывает одежду? Говорят, вода помогает против него. Я разденусь. Доктор, скажите же мне!

Доктор не отвечал. Сдерживая стоны, он подполз к боченку и сел, прижавшись к нему. Ледяная сырость пронизывала его тело.

В углу слышалось шуршанье одежды. Упали башмаки, человек лихорадочно раздевался. Затем заструилась вода— приказчик старательно обмывал лицо и тело. Потом вода затихла. Снова наступила тишина.

— Доктор Фрайс,—зашептал голос,— доктор Фрайс, я вымылся. Зажгите спичку.

Фрайс молчал, затаив дыханье. Человек в углу всхлипнул. Потом послышались шаги. Босиком человек направился к нему.

Звук неудержимой рвоты наполнил воздух. Гнилой, противный запах ударил доктору в нос. Приказчик топтался на месте, потом упал на пол. Он дрожал и давился в резких конвульсиях...

Рвота прекратилась, только легкие стоны доносились до слуха Фрайса. Стоны перешли в вой: человечек выл жалобно и безнадежно, все повышая свой страшный и тонкий голос.

Доктор химии Амос Фрайс сидел за бочкой и замирал, придерживая прыгающее сердце. Он знал: через несколько часов этот человек умрет. Вот теперь лопается его кожа, пухнут глаза, внутренности покрываются нарывами. Это действие фрайсита, его обычное действие, проверенное во всех лабораториях мира. Тысячи наверху, наверное, гибнут таким же образом. И это вещество изобрел он, вызвал его к жизни!

— Доктор Фрайс,—неожиданно позвал окрепший голос,—доктор Амос Фрайс!

Переждав минуту, голос зазвучал снова.

— Доктор Фрайс, откликнетесь, говорю вам, скажите мне, могу ли я спастись? Я пойду, я нащупаю вас, доктор, я задушу вас своими руками. «Великий Фрайс», гордость отечества, как еще называли вас газеты? Я пойду, я искусаю вас, подлый отравитель.

Он тяжело встал. Приказчик шел, ощупывая стену. Доктор стиснул зубы—и под своей ладонью ощутил горлышко винной бутылки.

— Доктор Фрайс,—над самым его ухом послышался голос,—доктор, умрем вместе, мне страшно одному. Доктор...

Слабая рука коснулась его груди. Доктор вжался в стену. С хохотом и визгом маленький человечек кинулся на него. Что-то лязгнуло, что-то мокрое коснулось его лица. Дико закричав, Фрайс ударил его тяжелой бутылкой...

Фрайс пришел в себя в полной тишине. Сильно тошнило, болела голова, едко жгло глаза и сухое горло. Доктор встал на колени и зажег спичку.

В двух шагах от него лежало что-то бесформенное, голое, с вздувшимся животом и тонкими ногами. Фрайс поспешно отвернулся. Но он успел заметить, что это нечто было человеком с разбитой головой. Багровая краснота и белые пузыри покрывали темно-синюю массу.

Покачиваясь и припадая, зажигая спичку за спичкой, доктор Фрайс проковылял в другой конец подвала. Там валялся смятый противогаз. Надев его, он начал яростно оттаскивать мешки от двери.

Он был почти в полубреду. Только бы уйти отсюда, расстаться с этим страшным гниющим трупом. Он распахнул дверь и упал от резкого усилия. Волоча ногу по земле, он выполз наружу.

В лавке была тишина, слабый свет проникал в открытую дверь. Закуски на блюдах приобрели жемчужно-серый оттенок, стенки бутылок были покрыты нежным зернистым налетом. Свет шел из входной двери.

Доктор выполз на площадку и стал подниматься по лестнице.

Наверху тоже было тихо: мертвая, неестественная тишина простиралась со всех сторон.

Здесь и там тяжелые прозрачные лужи скоплялись на сером асфальте. Около этих луж раскинулись люди в противогазах и без них, в неестественных положениях подвернув руки, отворотив распухшие лица. Вся улица была покрыта трупами.

Новенькое блестящее авто стояло у тротуара. В бредовой задумчивости доктор подошел к нему.

На шоферском месте скрюченный труп сидел, наклонившись к рулю. Рука, покрытая белыми нарывами, сжимала рулевое колесо. Доктор толкнул его, и труп отшатнулся. Фрайс напряг все силы, и труп, перевалившись через край, тяжело упал на мостовую.

Доктор сам сел на шоферское место. Перед ним были рычаги управления. Он понимал кое-что в этом деле.

Он нажал рычаг мотора. Контакта не было—рычаг вяло поддавался давлению пальца.

Доктор вспомнил—газ, изобретенный им, действует не только на человеческий организм, он отравляет и металл: сталь, обрызганная фрайситом, становится мягкой и вялой. Авто испорчено, и ни один мотор в городе не поможет ему выбраться отсюда.

Амос Фрайс сошел с автомобиля. Он испытывал чувство, похожее на голод, но пища в домах была пропитана страшным невидимым ядом. У него разламывалась голова, но он не смел снять мучительную маску. Он сделал неверный шаг, и нога, огромная и неуклюжая, отозвалась в нем острой болью. Не удержавшись, Амос Фрайс упал лицом вперед, в бесцветную лужу.

Он приподнялся и сел на сырой тротуар. Рассветное небо было прозрачно; темные тучи покрывали его. Круглый месяц, как белый нарыв, стоял на небе. Но ночь уже прошла, и красный свет солнца окрасил горизонт и тучи.

Наступил новый день, день юбилея доктора Фрайса. Амос Фрайс хорошо встречал его, окруженный плодами своего великого изобретения. Неожиданным движением он сорвал с себя противогаз.

Его широкое полное лицо было неподвижно и сурово; так, верно, склонялось оно над бесчисленными препаратами в светлой лаборатории. Доктор сидел, расставив ноги, упершись руками в асфальт, полной грудью вдыхая прозрачный отравленный воздух.

И вдруг он завыл—сначала тихо, потом все громче и громче, как тот в подвале. Доктор замолкал и начинал снова, и его старческий голос рвался к небу между рядами опустошенных зданий...

— А... да... что?—пробормотал доктор, выпрямляясь в кресле.

Возле него стояла прислуга—молодая девушка с озабоченным лицом. Яркий дневной свет вливался в окна. Недописанный лист бумаги лежал на столе.

— Мистер Фрайс, простите,—сказала девушка,—вы, кажется, совсем не ложились. Но я должна была разбудить вас. Сейчас десятый час, торжество начнется ровно в десять.

— Да, это так,—хрипло сказал доктор,—торжество... Это был сон... Я подумаю...

Он думал, сидя в прохладной воде ванны, растираясь махнатым мягким полотенцем, застегивая перед зеркалом ослепительные углы воротничка. Чудовищные воспоминания сна теснились в его мозгу. Он обдумывал их всесторонне, подвергал научной оценке.

Да, все это так. Именно таким образом будет действовать фрайсит. Его сон был правдой, он только воспроизвел, предвосхитил действительность завтрашнего дня. Он, Фрайс, изобрел новый вид смерти. Там на юбилее он должен взять себя в руки, встать, бросить в лицо всем страшную правду о фрайсите.

★

Грохот аплодисментов, напоминающий падение рвущихся снарядов, приветствовал его выход на эстраду. Вокруг парадного стола сидели в ряд члены юбилейного комитета—сливки страны, цвет науки, политики, капитала. Дальше—из лож, из партера, с балконов—отовсюду тысячи пар глаз скрещивались на юбиляре. С сосредоточенностью обреченного на казнь Амос Фрайс погрузился в бархат почетного кресла. Начались приветственные речи.

Мистер Габриэль К. Джонс от имени правительства поздравил его с юбилеем

и пожалованным почетным орденом. От лица объединенных университетов выступил достопочтенный Иеремия Смит, известивший Фрайса о присвоении ему профессорского звания. Вереница приветствующих—военных, ученых, капиталистов—проходила через эстраду в громе растущих оваций.

Доктор Фрайс прослезился. Это были радостные слезы умиленного человека. Под градом этих блестящих речей он опять начинал верить в значительность своих заслуг. Но он был тверд. В заключительном слове он скажет все. Он развернет перед собранием истинную подоплеку дела...

Встал Амодей Брукс, «некоронованный король», главный пайщик большинства предприятий страны. Амодей Брукс был стар, но неутомим; его морщинистое румяное лицо херувима улыбалось под серебряным облаком волос.

— Я скажу два слова,—произнес Брукс и благосклонно взглянул на поднявшегося юбиляра.—Доктор Фрайс, вы сделали большое и славное дело. Вы дали могучее оружие нашей стране. Как лицо неофициальное, далекое от политики (перья всех репортеров сейчас же отметили эту забавную шутку), в связи с вашим праздником я позволю себе бросить некоторый взгляд вперед.

Может быть, настанет день, тысячи дирижаблей, груженных вашим замечательным составом, подымутся с наших аэродромов, чтобы покарать страну, искушающую благость бога. Я говорю, может быть, и не называю этой страны... Может быть, еще скорее нам придется применить фрайсит против внутренних врагов, подрывающих промышленность и наносящих удар культуре...

Мы не дети,—продолжал оратор и угрожающе поднял дрожащий розовый, украшенный перстнем палец,—мы знаем, что каждое оружие о двух концах. Но, направив фрайсит против врагов, мы сумеем обезопасить себя от его обратного действия... Что же касается вас,—Брукс опустил палец, и лицо его снова детски просияло,—в связи с вашими заслугами, я предлагаю вам пост главного директора синдиката по выработке фрайсита. Скажу между нами, в тесном кругу (новая шутка была встречена одобрительным гулом собрания), это место не будет совсем бездоходно. Помимо жалованья, главному директору причитается один процент со всех доходов синдиката.

Амодей Брукс сел, протирая пенсне кончиком голубого платочка. Амос Фрайс поднялся для ответа..

Сверкающий зал гремел аплодисментами...

Новая лаборатория, свой автомобиль, вилла на морском берегу, яхта для летних прогулок—все последствия нежданного богатства сразу возникли перед ним. Он не мог говорить,—его захлестнул новый восторг, восторг человека, вступившего в мощную семью капиталистических магнатов. Аплодисменты стихли, юбиляр начал говорить.

— Я благодарю нацию за любовь и оказанную мне честь,—сказал он, и волнение снова сдавило ему горло.—Я постараюсь не обмануть доверия моих сограждан. Я постараюсь улучшить качество фрайсита. По мере моих сил я буду поднимать производительность заводов синдиката.

Н. ПАНОВ

★

БОРЬБА за ОСТРОВ

Из дневника нач. о-ва Врангеля Г. А. УШАКОВА
Фото автора

С карт стерты белые пятна. Кажется, весь земной шар уже исследован и нет уже неизведанного на земле. Но все новые экспедиции и путешествия приносят доказательства того, как мало мы знаем о земле, на которой живем. Только имея в руках точные планы, мы можем работать и строить.

Карта острова

Первая карта острова Врангеля составлена в 1881 г. капитаном парохода «Роджерс»—Берри. Материалом для составления карты послужила работа нескольких партий, произведенная во время стоянки парохода в бухте, получившей имя корабля. Одна из этих партий обошла на шлюпке почти вокруг всего острова.

Некоторые исправления в эту карту внесены в западной части острова работами «Вайгача»—судна гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, посетившего остров в 1911 г. С последними исправлениями, в целом оставшаяся тою же, карта Берри и была издана Гидрографическим управлением, причем в этом издании только западная береговая линия, исправленная «Вайгачом», нанесена сплошною линией, остальное же все намечено пунктиром.

Ближайшее знакомство с островом показало, что существующая карта во многом не совпадает с действительностью. Особенно ярко бросалось в глаза это несоответствие на северной стороне острова. Когда я летом 1926 г. с четырьмя своими спутниками пересекал остров пешком, то, полагаясь на имеющуюся карту, рассчитывал достичь северного берега острова, пройдя четыре-пять километров от северной горной гряды. В действительности же предполагаемые пять километров с трудом уложились в двадцать. Ту же картину я нашел и на северном берегу. Его очертания не изъявляли ни малейшего желания уложиться в пунктиры карты. В то время как на карте галечные косы, опоясывающие северный берег острова, занимали огромную площадь и сильно вытягивались в долготном направлении, в действительности они ничтожно узкими лентами тянулись вдоль берега в широтном направлении.

Все это поставило меня вплотную перед задачей исправления карты острова. Я располагал бусолью Імалькалдера и двумя одометрами. Опорными точками я имел три астрономических пункта: на

Увокай

мысе Томас, определенный «Вайгачом» в 1911 г., и два пункта Давыдова Б. В., определенные им в 1924 г. Один из пунктов находится в бухте Роджерс, другой в бухте Сомнительной.

План работ был следующий:

1. Обойти маршрутной съемкой вокруг всего острова, приняв за исходную точку астрономический пункт Давыдова в бухте Роджерс.

2. Приняв за исходную точку тот же пункт, дойти до северной горной гряды и повернуть на запад, пройти вдоль упомянутой гряды, вдоль всего острова, после чего перевалить южную гряду в ее западной части и выйти к астрономическому пункту «Вайгача» на мысе Томас.

3. Взяв за исходную точку астрономический пункт «Вайгача», долинами пройти посреди южной гряды до исходной точки в бухте Роджерс, увязавшись в середине (приблизительно) пути с астрономическим пунктом Давыдова в бухте Сомнительной.

Выполнение этого плана обещало дать не только правильные очертания острова, но точную карту его внутренней части.

Но планы часто так и остаются планами. Особенно часто они рушатся в суровой Арктике. Природа не желает считаться с дерзким человеком, располагающим коротким отрывком времени и составляющим календарное расписание борьбы с ней. Сегодня она бушует, свирепствует и дает знать человеку о своей мощи. И человек, чувствуя себя беспомощным существом, сидит в своем логове. Ему предоставляется право заниматься проклятиями, скрипеть зубами и уточнять свой план. Он должен помнить, что этот план будет выполнен только с разрешения Арктики. В антрактах между периодами бурного проявления своих сил природа замирает в величественном покое. Эти моменты и коротки и редки, ими и надо пользоваться.

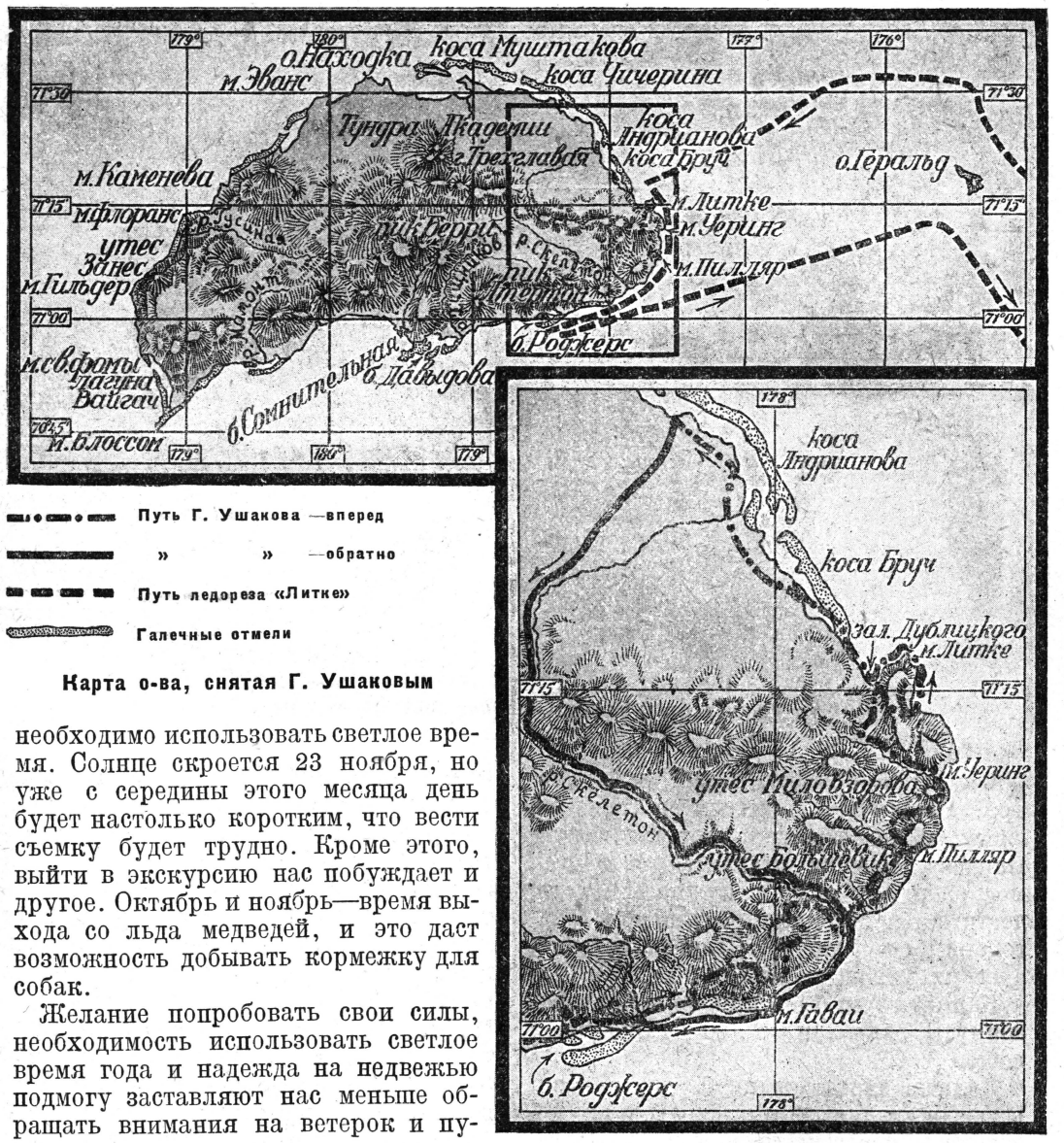
Карта о-ва Врангеля до съемки острова Г. Ушаковым

Так было и с моим планом. К осуществлению его я приступил осенью 1927 г. Как только установился санный путь, я со своим спутником И. М. Павловым выехал на съемку острова и попал в период снежных бурь и туманов. Больше двадцати суток мы делали усилия провести намеченную работу, но беспрерывные метели, чередующиеся с густыми туманами, и приближавшаяся полярная ночь свели к нулю все наши силы. Мы не могли сделать невозможное и принуждены были вернуться домой. Весной 1928 г., воспользовавшись хорошей погодой в марте и апреле месяцах, я с тем же тов. Павловым и эскимосом Анакулей обошел в 28 суток вокруг всего острова и заснял береговую линию и прибрежную полосу, выполнив, таким образом, первую часть своего плана. Остальная же часть намечавшейся работы так и осталась в проекте. Попытки выполнить ее весной 1929 г. не привели ни к чему. Пять раз выезжали мы на работу и возвращались обратно. Беспрерывный густой туман окутал остров и настолько суживал горизонт, что вести в горах сколько-нибудь точную съемку не было возможности.

Первая попытка

8 октября 1927 г.

С утра свежий западный ветер. Время от времени начинает мести снег. Мыс Гаваи то скрывается во мгле, то снова четко вырисовывается на бледно-голубом фоне неба. Есть некоторая надежда, что погода выправится. Мы хотим скорее начать работу и решили поездку не откладывать. Санный путь установился, и



Карта о-ва, снятая Г. Ушаковым

необходимо использовать светлое время. Солнце скроется 23 ноября, но уже с середины этого месяца день будет настолько коротким, что вести съемку будет трудно. Кроме этого, выйти в экскурсию нас побуждает и другое. Октябрь и ноябрь—время выхода со льда медведей, и это даст возможность добывать кормежку для собак.

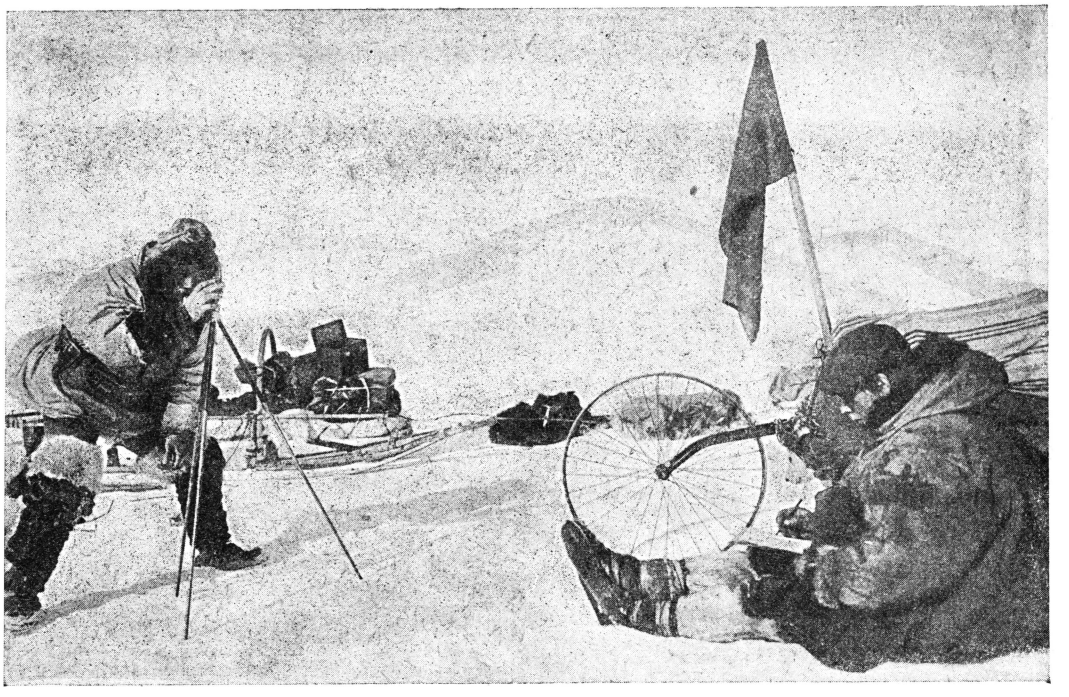
Желание попробовать свои силы, необходимость использовать светлое время года и надежда на недвежью подмогу заставляют нас меньше обращать внимания на ветерок и пускаться в путь.

А ветер, кстати, понемногу слабеет. К 10 часам он дует ровнее и не превышает трех метров в секунду. В путь!

У меня один спутник—тов. Павлов. Двинулись мы на двух нартах при 18 собаках. Поездку рассчитываем на 650 километров и думаем пройти это расстояние в месяц-полтора.

Сначала ветерок как-будто бы благосклонно относится к нашей затее. Полтора часа мы двигаемся без всякой помехи с его стороны и уже подходим к вершине бухты Роджерс. Но тут ветер резко меняет свое настроение. Сначала меняется из западного в северо-западный, а скоро переходит и в чистый норд, достигая десяти метров в секунду, а отдельные шквалы переходят и десять. Подымается метель.

Пользуясь промежутками между отдельными шквалами, с трудом успеваю взять несколько азимутов. Налетевший



Г. Ушаков берет азимут, Павлов записывает показатели

шквал валит приборы и рвет нить диоптра. Исправлять приходится лежа на снегу с подветренной стороны нарты. Павлов всячески старается защитить мою работу от ветра и, нужно признать, достигает некоторых результатов благодаря... своей толщине, вернее, не своей, а своих меховых одежд.

Как бы то ни было прибор исправлен, азимуты взяты, и мы снова понукаем собак.

Дальше двигаться по берегу нельзя. Впереди скалистый мыс Гавап, и его необходимо пересечь несколько севернее, чтобы попасть на небольшую лайду позади скал.

Но попадем ли? Метель разыгрывается не на шутку. С трудом держимся взятого направления. А добраться до лайды нужно. Оставаться в метель на возвышенности нет никакой охоты. На одной из наших нарт стоит камелек, а на лайде есть плавник. Там мы будем иметь дрова, и их хватит нам на всю метель, сколько бы она ни продолжалась. Добраться до этих дров, укрыться от метели за тонкой парусиновой палаткой и иметь горячую пищу—наша цель.

Покрепче надвигаем малахаи и, укрывая лица от режущего ветра и несущейся снежной пыли, продолжаем путь. Метель усиливается с каждой минутой и к сумеркам достигает такой силы, что дальнейшее продвижение становится невозможным. Но нам она теперь не страшна. Мы уже поднялись на водораздел и почти в темноте, под свист ветра, с бешеной быстротой слетаем по крутому склону на лайду. Ветер, словно озлобленный нашим достижением, бешено набрасывается на нашу палатку, валит ее, а потом подымает полотнище на воздух. Боясь потерять свое жилище, мы судорожно цепляемся за него и точно под парусом едем прямо в воду. На самом берегу нам все же удается прижать палатку к земле, и мы снова принимаемся устанавливать ее. Однако тяжело загруженные нарты оказываются недостаточным баластом для двухметровой палатки. Они также съезжают к воде, и палатка валится. Наконец несколько бре-

вен плавника и нечеловеческие усилия заставили палатку «встать на ноги». Потрачено на это больше часа времени, а в хорошую погоду мы разбиваем бивуак в пять минут. Но как бы то ни было, наше жилище готово. Сухой плавник весело потрескивает в камельке. Разостланные шкуры и спальные мешки создают тот уют, больше которого получить мы и не мечтали. Пусть завывает ветер и бушует метель, сейчас это нас не касается.

9 октября

То затихая, то усиливаясь, метель продолжается в течение всего дня. Видя, что продолжать путь нет ни смысла, ни возможности, я утром задержался в спальном мешке. Павлов, расставшись с этим благодетельным изобретением человека, пошел посмотреть берег. Не успел он пройти и сотни метров, как заметил спускающихся с горы двух медведей. Помешал ли ему бьющий в глаза снег или излишний охотничий азарт, но в результате четырех его выстрелов медведи клубком скатились со склона и бросились наутек по узкой прибрежной полоске.

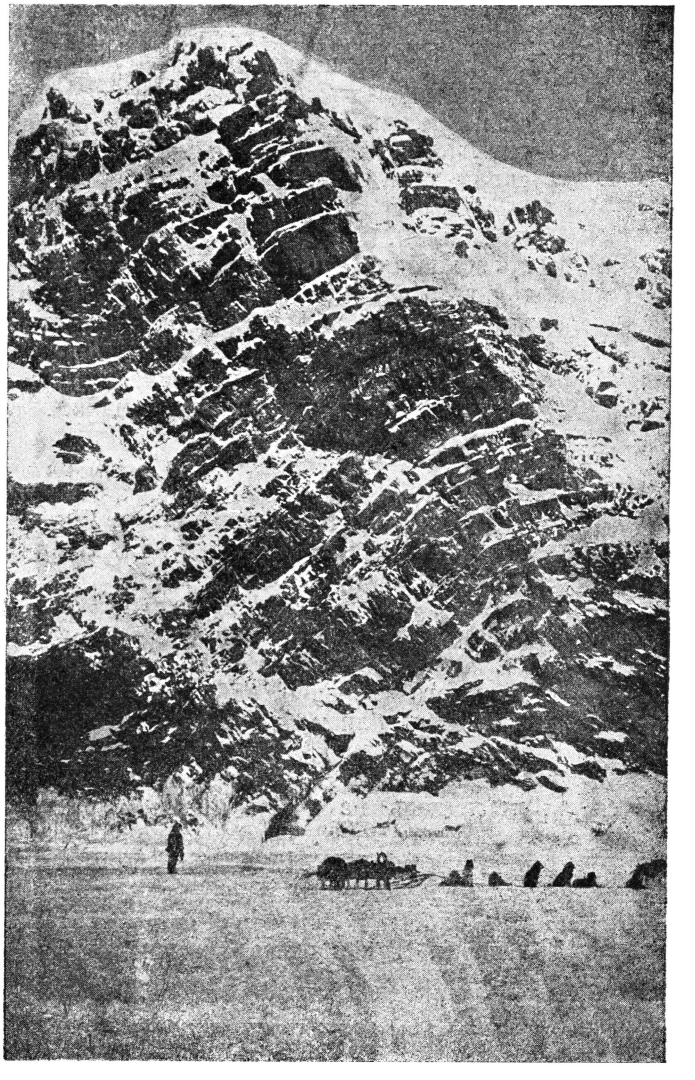
Неудачливый охотник поднял, по его выражению, душераздирающий крик, прося меня пускать собак, но глас вопиющего потонул в снежном вихре. Тогда он бросился к палатке, пуская в воздух выстрел за выстрелом. Один из выстрелов достиг, наконец, палатки.

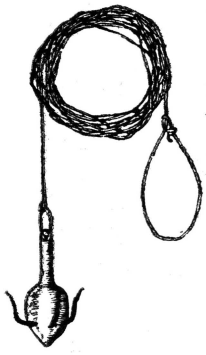
Вдвоем, со спущенными собаками, мы снова начали погоню, но было уже поздно. Пробежав около километра и осилив две отвесно падающие в море скалы, мы уперлись в третью, которую медведи обошли вплавь. Одна из собак рискнула последовать их примеру и через две минуты уже скулила на плавающей льдине, метрах в тридцати от берега.

Отправив Павлова к палатке и подождав, пока выбралась собака, я пустился обратно на бивуак. Дорога, казавшаяся при погоне такой легкой, теперь преобразилась. Мы пробрались мимо таких скал, которые в нормальной обстановке, конечно, остановили бы нас.

Занимались ли психологи той разновидностью психоза, которая гонит человека под нависшую над морем скалу, заставляет бросаться в ледяную воду ступать на хрупкий, как стекло, лед и называется охотничьим азартом? С такими мыслями, укрываясь от снежного вихря и посильнее притопывая правой ногой торбаз, который был полон жгуче-холодной водой, я приближался к нашему полотняному жилищу. Вот, наконец, и оно. Рядом вижу фигуру Павлова. Он воинственно размахивает винчестером и не менее энергично жестикулирует свободной рукой. Что-то случилось! Ускоряю шаги, жесты стано-

Открытые породы на мысе Гаваи





Бросалка

вятся ожесточенными,—бегу. Павлов бросается от меня. Случись посторонний наблюдатель, он, наверное, подумал бы, что двое ненормальных людей играют в снежном вихре в догонялки. Наконец догоняю товарища и слышу хрип:

— Медведи!

Пока мы гонялись за первыми, самка с медвежонком вышла с другой стороны. Заметив Павлова, она увела свое детище к воде. Через пять минут мы увидели медведей. Самка плыла обратно к берегу, а за ней в трех шагах плыл пестун. Над водой были видны только их головы. Звери вылезли на лежащую на берегу льдину в двадцати шагах от нас. Самка, заметив собак, начала пятиться обратно к воде, но две пули заставляют ее остаться на месте. Следующие две настигли уплывающего пестуна, и волна выбросила его на отмель.

Метель продолжается, но уже с меньшей силой. К вечеру небо наполовину проясняется. Луна заливает мягким светом весь пейзаж. Около восьми вечера на северо-западе появляется лунная радуга. Изредка вспыхивает полярное сияние, но сегодня оно очень слабое и не задерживает долго нашего внимания.

10 октября

С утра резкий северный ветер. Шквалами идет густой, сырой туман. Время от времени метет снег. Горизонт не больше $^3/_4$ километра. Работу продолжать невозможно. Остаемся на месте. На воде много тюленей. Подходят они очень близко к берегу. И бить их можно без промаха. Но мы не можем убитого зверя достать из воды, так как лодки у нас нет. Единственная надежда на «бросалку»—это снаряд, изобретенный эскимосами для охоты на тюленей в полыньях. Такая охота происходит весной, когда убитый зверь бывает настолько жирным, что достаточно долго держится на поверхности воды.

Байдару трудно перевозить по торосам, да в ней нет и нужды, если в руках эскимоса имеется «бросалка». Этот снаряд представляет собой короткое толстое веретено из какого-нибудь тяжелого дерева, в которое вбиты три или четыре загнутых назад железных заостренных крючка. Вот и весь снаряд. Он прикрепляется к длинной ременной лесе, имеющей на втором своем конце петлю. Последнюю при бросании снаряда охотник надевает на ногу. Пользование этим снарядом требует большого искусства. Необходимо бросить его так, чтобы он упал в одном-двух метрах позади зверя и леса покрыла последнего. Когда снаряд займет такое положение, охотник резко дергает лесу, и крючки впиваются в добычу. Среди моих спутников эскимосов были специалисты, умевшие таким способом достать добычу на расстоянии 50—60 метров.

У нас есть «бросалка». Павлов достаточно хорошо владеет ею, и мы в надежде полакомиться тюлениной начинаем охоту. Звери не заставляют долго ждать себя. Вот матерой тюлень показался на воде. Я беру его на мушку и жду, когда он подойдет ближе к берегу. Но инстинкт, очевидно, подсказал ему об опасности. Он высоко поднимает голову, внематель. но осматривает своими круглыми глазами берег и поворачивает в сторону. Нажимаю курок. Зверь с пробитой шеей замирает на воде. «Бросалка» свистит в воздухе и летит к добыче. Но... разочарование. Как струна, натягивается леса, и снаряд падает в воду, не достигая нескольких метров до зверя. Ремня нехватает. Убитый зверь скоро попадает в течение, огибающее скалу, и мы с грустью наблюдаем, как его дальше и дальше уносит от нас.

Пестрый

Второго нам удалось подстрелить у самого берега. Но и тут неудача. Пуля попала в череп зверя, смерть наступила моментально, и он утонул, прежде чем

Передышка в пути

Свинопас

Павлов успел схватить «бросалку». Решили прекратить охоту. К тому же ветер снова взбесился. Не только охотиться, но и оставаться на воздухе становится трудно. Кормим собак, устраиваем их на ночь и забираемся в палатку. На наших глазах, против входа в нее наметает сугроб. К утру сугроб придвинется, и выход будет закрыт. Ничего, выберемся!

11 октября

Целый день продолжается сильная метель. Из полузанесенной снегом палатки выбираемся в случае крайней необходимости. Занимаемся бесконечным чаепитием. Сегодня уже четвертый день, то затихая, то усиливаясь, продолжается пурга, а мы третий день сидим на месте.

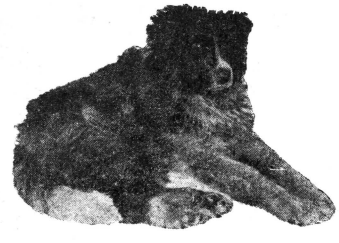
Моря не видно.

12 октября

Ясное морозное утро началось неудачно. Снимаясь с бивуака, я хотел его сфотографировать. К моему огорчению, камеру я вынул из футляра по частям. Во время пути рамка, держащая объективную доску, лопнула пополам, и последняя вывалилась. Пришлось оставить мысль о фотографировании. Но этого мало. Пробираясь с собаками между нагроможденными на берегу льдинами, я сильно ушиб себе ногу.

Как бы то ни было мы расстаемся с задержавшей нас на три дня падью, решив воздать ей должное, присвоив название «Вьюжной», и двигаемся дальше.

«Вьюжная» состоит из двух рукавов, каждый из которых не превышает длиной четырех километров. Первый, по которому мы спустились вечером 8 октября, идет с мыса Гаваи, а второй, более крутой, с севера, с последнего повышения южной горной гряды. На берегу это повышение резко обрывается к морю и образует непроходимый участок около 10 километров в длину.



Кудлан

Сегодня мы направляемся в северный рукав

пади. Подъем очень крутой. Последние полкилометра нарты идут под углом в 45°. Собаки выбиваются из сил и часто останавливаются. С трудом сдвигаем их с места, но, оттащив нарту на 10—15 метров выше, они снова останавливаются. Мы измучились не меньше собак. Мокрые от пота с головы до ног, несмотря на мороз, сбрасываем меховые одежды и, буквально, шаг за шагом пробиваемся вперед. Вдобавок снег рыхлый, собаки бредут в нем по брюхо, а полоз нарты зарывается целиком.

Наконец мы выбираемся из пади. Я гляжу на часы и счетчик. В пути мы ровно три часа, а прошли $3^1/_4$ километра.

Дальше двигаемся без помех. Почти сразу попадаем в падь, идущую в северо-западном направлении, почти по прямой линии, на протяжении $7^1/_2$ километров. Пройдя это расстояние, попали в русло реки, в устье которой Берри нанес на карту остров Скелетон. Пройдя еще $4^1/_2$ километра, достигаем устья реки, но к своему удивлению никакого острова не находим. Река здесь образует небольшую лагуну, около $1^1/_2$ кв. километров, отделенную от моря галечной лайдой. Последняя в середине прорезана и дает выход водам реки. Во время же посещения Берри (1881 г.) река, по его описанию, проходила через лайду двумя рукавами, образуя, таким образом, небольшой галечный островок, на котором лежал скелет кита. От этого скелета мы нашли только одну лопатку.

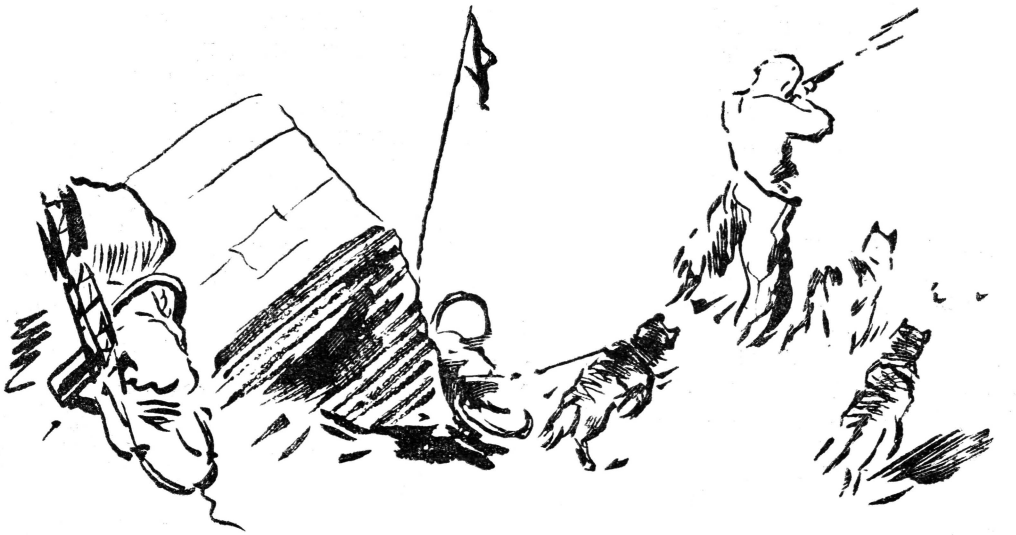
Уже поздно. Разбиваем бивуак.

Сегодня погода благоприятствовала нам. День был тихий, ясный, морозный, и лишь временами на высоких вершинах появлялись клочья тумана, но и те скоро рассеивались. С высот, по которым мы проезжали, горизонт в сторону моря не менее 30 километров; прекрасно был виден остров Геральд. Вынесенный 10 октября на горизонт лед вчерашним ветром снова унесло в море.

Около 8 вечера над Орионом вспыхнул метеор. Несясь к югу, он был виден несколько секунд. Около двух минут после него оставался след молочно-белого цвета.

13 октября

За ночь около берега образовалась кромка молодого льда. Ширина кромки от 15 до 40 метров. Толщина льда у берега около 5 сантиметров. Приливом кромку изломало, а потом унесло в море. С утра в северо-восточном направлении снова показался крупный лед. Двигаясь в юго - восточном и



южном направлении, к вечеру лед подошел на расстояние трех-четырех километров от берега.

Целый день в сторону моря горизонт чистый, а на острове лежит густая белая мгла, суживая горизонт до трети километра. К обеду мгла еще более усилилась, а вечером все окутал густой туман. Около 9 часов вечера подул сильный северо-западный ветер, а в 10 уже бушевала метель.

Днем, в одном километре к северу от бивуака, на обрыве мы разыскали мачту, на которой в 1881 г. капитан Гупер поднимал флаг Соединенных Штатов. Никаких документов не нашли. Мачту срубили на дрова.

Здесь весь берег исхожен медведями. Встречаются совсем свежие следы, но зверей не видно. Стаями проносятся чайки. Теперь они, против обыкновения, молчаливы и не нарушают тишины. Одни вороны не унывают и оглашают воздух громким карканьем.

14 октября

Ветер немного спал, но все еще продолжается метель. Двигаться дальше нельзя. Делаем попытку поискать медведей, но, не пройдя и километра, принуждены вернуться обратно. Соорудили шахматы и коротаем время.

К вечеру ветер сильно ослабел и перешел к западу. Метель прекратилась. Лед снова скрылся с горизонта.

15 октября

Утром, в начале пятого, Павлов, вынувшись из спального мешка, растопил камелек и к пяти уже готов был чай. Не вылезая из мешков,—а покидаем мы их всегда неохотно,—мы приготовились к завтраку, как вдруг снаружи раздался собачий лай. Высунувшись из палатки, Павлов, словно еж, быстро втянул голову обратно:

— Медведи!

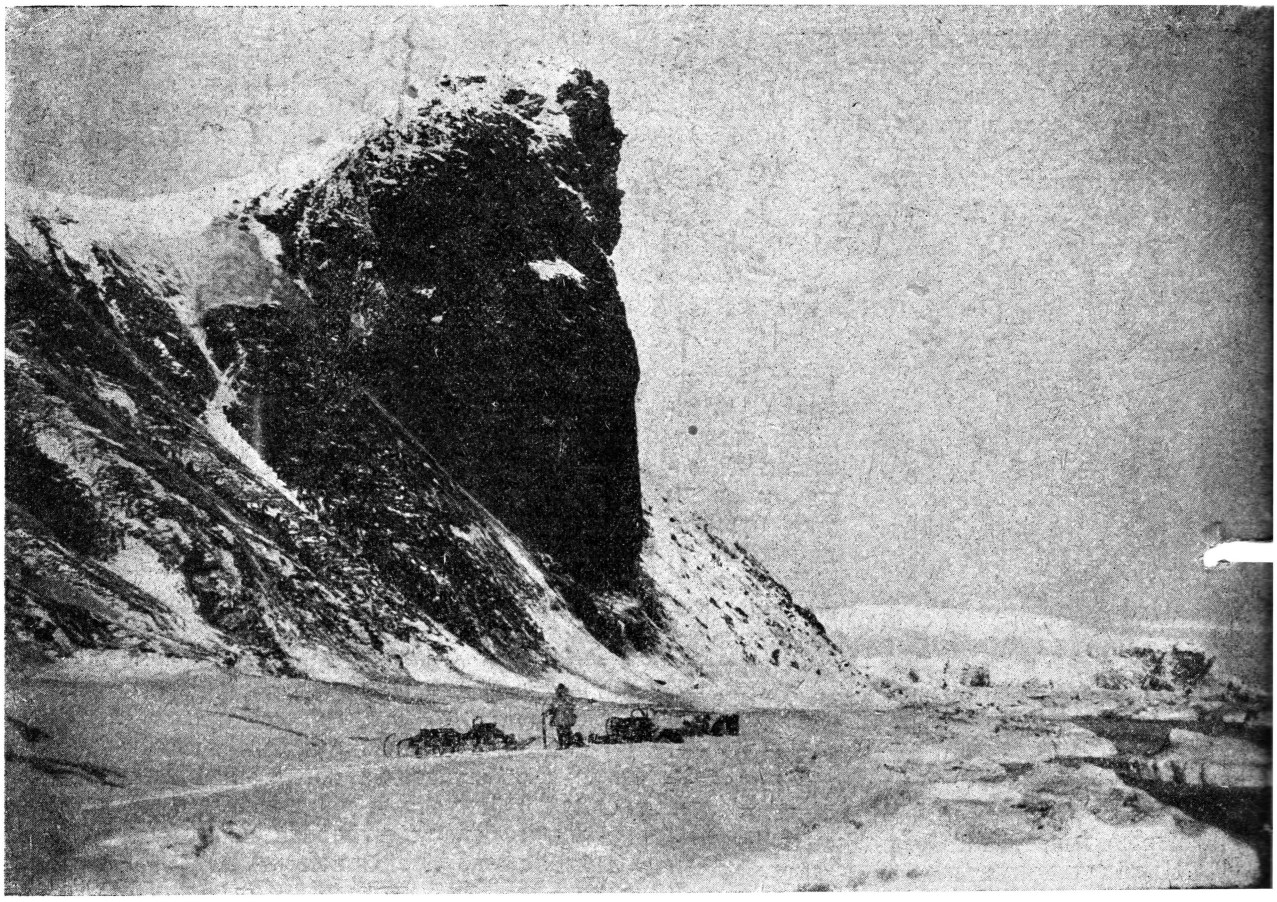
Завтрак забыт, и мы в одних рубашках, полуголые, обстреливаем косолапых. Из трех один становится нашей добычей, а два, оставляя кровавые следы, спасаются в воде. Только очистив от патронов магазинные коробки, мы заметили, что стоим босиком на снегу и почувствовали, как ломит ноги.

Освежевав добычу, отремонтировав с помощью ножа и ниток фотографическую камеру и, наконец-то, позавтракав, снимаемся с бивуака и продолжаем путь.

Отсюда берег идет почти по прямой линии на север, опускаясь к морю обрывами приблизительно метров от 15 до 90. Приходится двигаться в стороне от берега.

Здесь же начинается подъем на северную горную гряду. В восточной своей части она невысокая и падями разбита на отдельные куполообразные вершины, не превышающие по высоте 150 метров над уровнем моря.

Продвинувшись без всяких затруднений девять километров по отлогому подъему, вдруг оказываемся перед глубокой падью, прорезывающей возвышенность с запада на восток и выходящей к морю вблизи мыса Пилляра с южной его стороны. С северной стороны пади на самом берегу расположена подковообразная гора с тремя вершинами, высотою около 150 метров. Со стороны моря гора кончается высоким обрывом, отделенным от берега пятью кекурами мыса Пилляр. Подвязав полозья нарт, цепями делаем головокружительный спуск в падь, а за-



Утес Миловзорова

тем трехчасовой мучительный подъем на противоположную сторону и — оказываемся вплотную к описанной выше горе с ее юго-западной стороны. Отсюда по руслу речушки, идущей сначала к северу, а потом почти под прямым углом поворачивающей к востоку, огибаем гору и на берегу моря останавливаемся на ночлег. Здесь вплотную к берегу прижат крупно-битый торосистый лед, заметно продвигающийся к югу. На восток и северо-восток открытой воды не видно.

Весь берег буквально истоптан медведями, но самих зверей опять нет. Очевидно, мы запоздали к их ходу.

Погода снова хмурится. Лишь временами ненадолго проясняется.

Морозно. Легкий северо-западный ветерок.

16 октября

Густой туман. Остаемся на месте. Лед медленно продвигается на юго-восток. Пространства между отдельными льдинами заполнены салом и местами тонким, легко пробиваемым палкой, молодым льдом. Снова ремонтируем фотографическую камеру.

17 октября

Северо-западный ветер, сильная метель. Остаемся на месте и сражаемся в шахматы.

Лед продолжает продвигаться в юго-восточном направлении.

18 октября

Совершенно чистое небо. Сильный мороз. Двигаемся быстро. Перевалив не-

большую возвышенность, через $^3/_4$ километра достигаем скалы Юлии, знакомой по прошлогодней охотничьей поездке. Состояние льда не дает возможности обогнуть мыс Уэринг, и, чтобы избежать сильно утомительного для собак пути через гористую местность, я решаю немного удлинить путь и поворачиваю на запад—по руслу речки, восходящей к утесу Юлии.

Продвинувшись в этом направлении 13 километров, выезжаем на северную тундру.

В этом участке северная горная цепь разветвляется на две гряды. Одна продолжает общее направление цепи к востоку и заканчивается мысом Пилляром, а другая, с более высокими вершинами, идет к северо-востоку и обрывается скалами Уэринга. Последняя ветвь с самой цепью образует тупой угол, на вершину которого мы и выехали. Отсюда же берет начало новая речка, идущая в северном направлении и устье которой видно отсюда по азимуту 13°. По этому направлению и продолжаем путь к берегу моря, куда прибываем уже в сумерки, сделав от вершины речки 6½ километров.

19 октября

С утра густой туман. Горизонт не более 500 метров. Работу вести невозможно.

Отпустив Павлова на мыс Уэринг, сам иду пешком в северо-западном направлении. Пройдя около трех километров по косе Бруч, свертываю на лед. Туман рассеялся, и к полудню горизонт раздвинулся до 15—20 километров.

Признаков открытой воды даже в отдалении нет совершенно. Во все стороны над морем небо белесо-голубое, каким бывает оно надо льдом, а не над водой. Сравнивая свои прошлогодние наблюдения во время двух октябрьских и одной ноябрьской поездок с тем, что вижу сегодня, поражаюсь огромным массам льда в этом году.

25 ноября прошлого года лед тянулся вдоль северного побережья острова узкой полоской, не шире трех километров, а местами она не превышала и полкилометра. Сегодня же только 19 октября, и лед уже сплошной массой заполнил все видимое пространство. Уже около пяти километров я прошел от берега по неподвижному льду, и дальше все лед и лед. Вдоль берега полосой в километр стоит мелко-битый торосистый лед, среди которого изредка попадают льдины высотой до шести метров. Дальше, на пространстве около 2 километров, редко рассеяны огромные льдины.

Из трех измеренных мною льдин одна оказалась 13½ метров высотою и 78 метров в окружности, другая 12 высотою и 94 метра в окружности и третья 15½ высотою и 128½ метров в окруж-

На бивуаке утром

ности. Пространство между этими ледяными великанами заполнено молодым, совершенно гладким, словно ковром, покрытым пушистым инеем льдом. Над уровнем последнего и указана выше высота измеренных льдин.

Все эти большие льдины состоят из пресного льда, нежно-голубого цвета. Очевидно — это многолетние огромные торосы, а не айсберги, родившиеся где-то на земле. Так заставляет думать их форма.

За полосой этих великанов снова тянется, насколько охватывает взгляд, мелкий торосистый лед, и лишь изредка глаз находит крупную льдину.

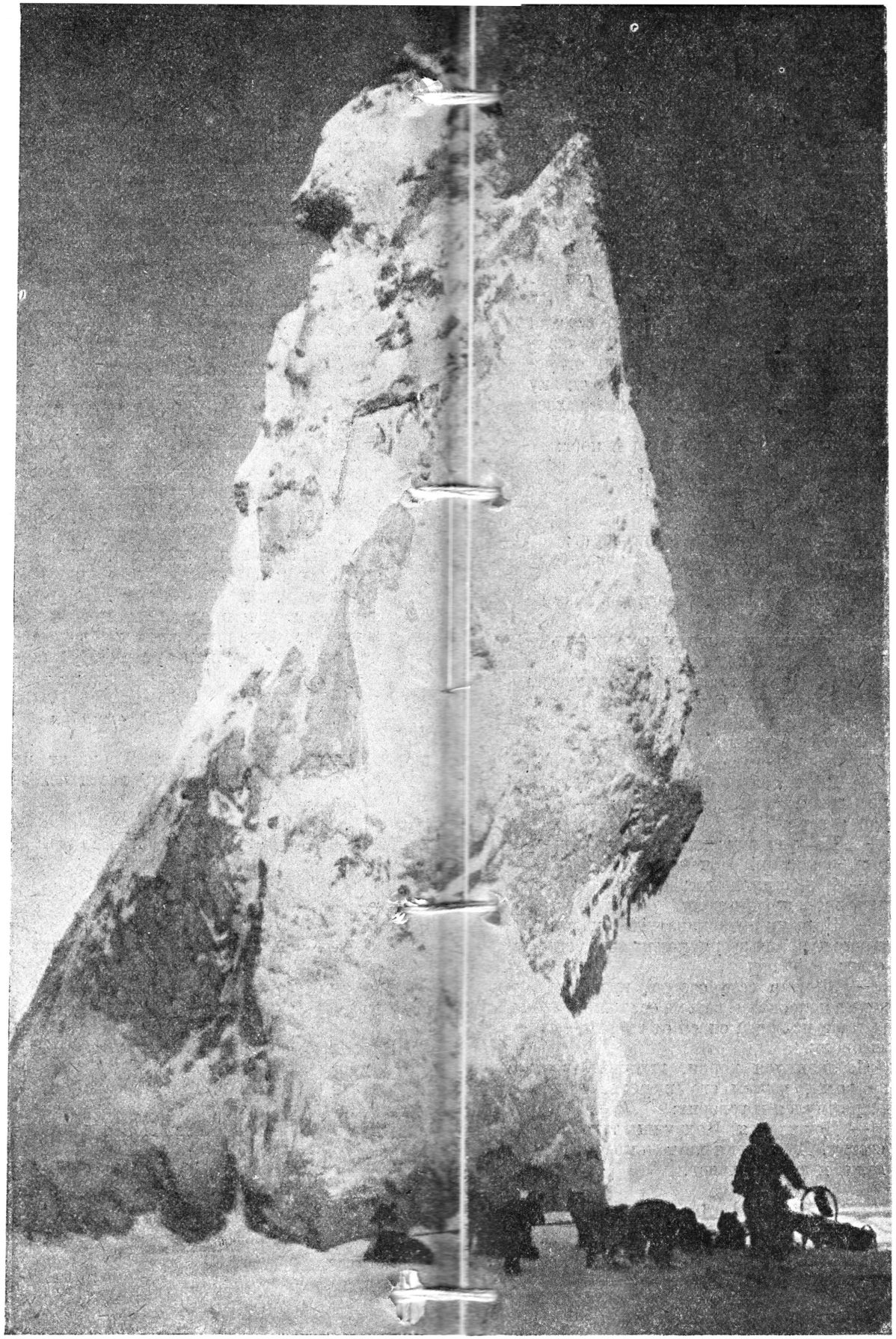
20 октября

Вчера перед сумерками снова налетел густой туман и продержался всю ночь. Лишь на рассвете туман начам рассеиваться и к восходу солнца исчез совершенно.

Продвинулись до утесов Уэринга. Предполагая осмотреть в этом районе обнажения, решил пробыть здесь три-четыре дня. А так как собачий корм на исходе, завтра Павлов отправляется к эскимосской стоянке, в 30 километрах к западу. Путь сюда во много раз легче, чем к оставленному нами позади медвежьему мясу.

21—24 октября

Четыре дня в районе Уэринга. Здесь я впервые на острове встретил мощные обнажения порфиров. Глаз привык к черно-серым сланцам, слагающим остров, и теперь отдыхает на гигантской стене изверженных пород. Уже от Пилляра глинистые сланцы заметно метаморфированы, а в одном километре к северу от утеса Юлии начинается порфировый утес Уэринга. На протяжении свыше пяти километров этот утес высится на 80—140 метров над уровнем моря. Волны просверлили в нем огромные арки, а гроты оторвали три мрачных гигантских кекура. На вершине утеса ветер и мороз создали больше сотни таких же гигантов. Весь утес производит впечатление фантастически огромной готической постройки с башнями, башенками и балконами самой причудливой формы.



За этим утесом, к западу, на расстоянии 2½ километров идет галечная отмель, а потом берег снова отвесно спускается в море и сложен из тех же пород. Но здесь он уже не превышает 18—21 метра в высоту, идет сначала на север, потом на северо-запад, юго-запад и, наконец, на юг, где изверженные породы снова сменяются темными глинистыми сланцами и берег поворачивает на северо-запад.

К югу от этого выступа лежит куполообразная гора, на двух вершинах которой высятся скалистые обнажения глинистых слапцов, издали четко напоминающие развалины больших построек. Последнее и послужило нам поводом назвать гору «Замковой».

За эти дни я успел собрать образцы горных пород, разыскать границу глинистых сланцев и заснять район Уэринга.

Погода все время стоит очень неустойчивая. Почти ежедневно до 10 час. утра стоит туман, потом он рассеивается, но начинается ветер, обычно северный или северо-западный и отличающийся крайней непостоянностью по своей силе. 22-го в течение дня четыре раза начиналась метель, три раза накрывал туман и два раза, при полном штиле, крупными хлопьями начинал падать снег.

25 октября

Прекрасный морозный день. Это второй день с момента нашего выезда из колонии. Если бы погода была такой, то мы теперь были бы у мыса Флоренса. А теперь только покидаем Уэринг. Если погода не установится, придется отложить мысль об объезде острова до более благоприятного момента.

Сегодня, несколько задержавшись на осмотре контакта изверженных пород со сланцами, продвинулись на косу Бруч и в трех километрах от ее основания уже в сумерки разбили бивуак.

Днем встретили эскимосов: Етуп, Анукулю и Навоко, посланных заботливым Аналькой нам навстречу с кормежкой для собак и табаком. Делимся новостями

и применяем все наше уменье сократиться и сделать двухметровую палатку пригодной для ночлега пяти человек с их мехами и спальными мешками.

26 октября

Снова сырой туман, то рассеивающийся, то сгущающийся. Съемку вести трудно. Два раза пришлось, достигнув намеченных точек, останавливаться и ждать пока рассеется туман, чтобы взять хотя бы самые необходимые азимуты. Мороз и сырость, и мы сегодня мерзнем сильнее, чем 18 октября, хотя в тот день температура была ниже, чем сегодня.

Как бы то ни было сегодня мы прошли 22 километра, достигли эскимосской стоянки, и эти строки я пишу, сидя в натопленной Аналькиной землянке. Уже скоро полночь. Сейчас пришел Павлов и сообщил, что снова усиливается северо-западный ветер и начинает мести снег. Проклятие!

27—28 октября

Три дня сидим в юртах и слушаем, как над крышей свистит и завывает ветер. На улицу выходим, только чтобы посмотреть собак. Их всех пришлось спустить с цепей, и бедняги жмутся с подветренной стороны юрт.

Когда же конец этой погодке?

Встреча с эскимосами

29 октября

Сегодня метель настолько сильна, что трудно устоять на ногах. Эскимоски без мужчин не решаются переходить из одной юрты в другую.

Почти все мы сидим в Аналькиной землянке и коротаем время излюбленным эскимосским способом—по очереди рассказываем сказки. Самый искусный рассказчик—Аналько.

Кивьяна долго ломался, но все-таки на него так насели, требуя или рассказывать, или уходить на метель, что он решился рассказать коротенькую сказку про ворона и волка. Кивьяна вздыхает и говорит:

— Ворон катается с горы и поет:

А-ля-ляй-гум!
А-ля-ляй-гум!
Ага?

Подходит к нему волк и говорит:

— Двоюродный брат! Я тоже буду кататься.

— Катайся, только смотри, в воду не упади,—отвечает ворон.

— А я когти выпущу и удержусь,— говорит волк и подымается на гору.

Первый раз скатился волк; выпустил около воды когти и задержался. Еще раз поднялся, покатился, не удержался на когтях и упал в воду. Плавает волк и кричит ворону:

— Двоюродный брат! Берег крутой, не вылезу. Вытащи, пожалуйста!—А ворон отвечает:

— Не буду вытаскивать! Я тебе говорил, упадешь! Почему не слушался?

— Я тебе пушного зверя дам, только вытащи,—просит волк.

— Не хочу вытаскивать! Не надо мне твоего пушного зверя, у меня свой есть,— отвечает ворон.

— У меня есть сестра, красивая, с двумя полосками, возьми ее, только меня вытащи из воды, спаси от смерти,—просит волк.

Соблазнился ворон, вытащил волка из воды, выжал его шерсть. А волк встряхнулся и говорит:

— Дожидайся! Получишь ты от меня сестру. Да у меня не только сестры, а даже и рукавиц нет.

Ворон посмотрел на волка, помолчал, а потом спрашивает:

— В какой распадок ты пойдешь?

— Я на север,—говорит волк.—А ты куда?

— А я на юг,—отвечает ворон.

Пошли. Скрывшись от волка, ворон упал и превратился в мертвого оленя. Волк услышал запах оленя и вернулся. Ходит вокруг и думает:

— А это не мой двоюродный братец?

Походил, походил, понюхал и не утерпел, начал есть. А когда съел всего оленя, вдруг слышит внутри себя крик:

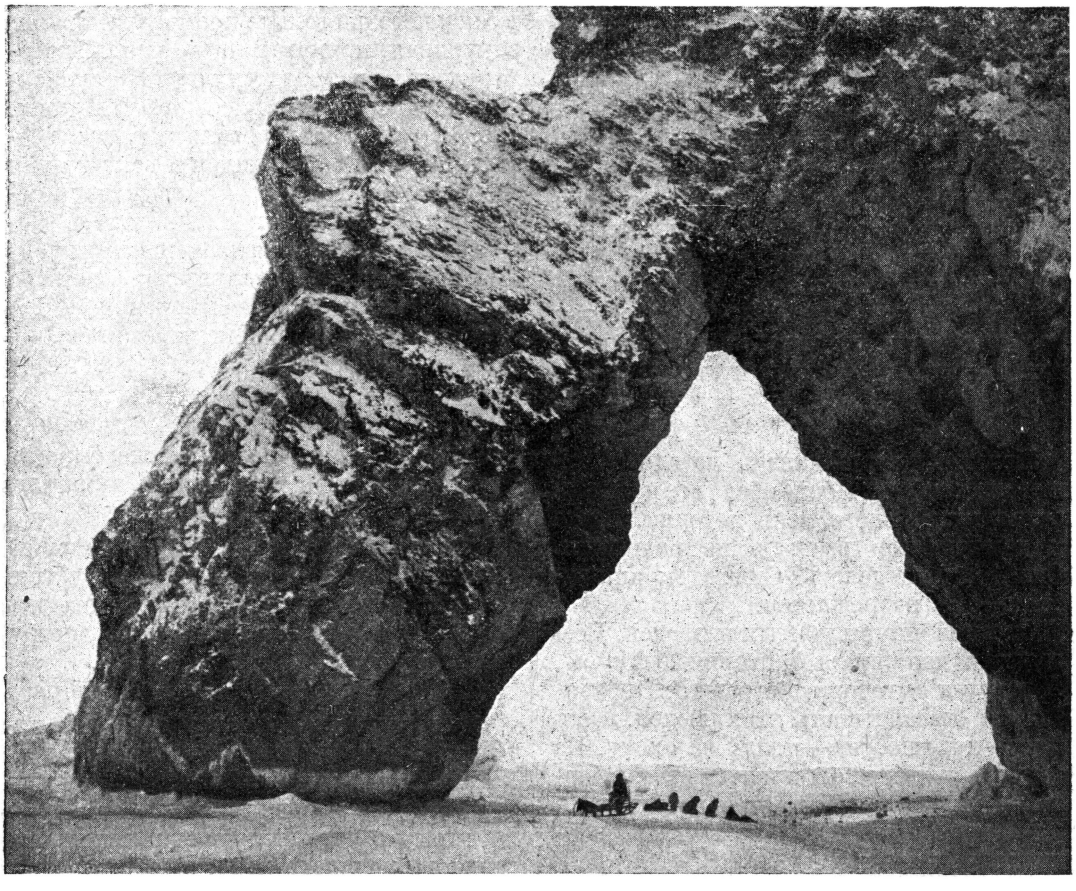
— Каррр! Каррр! Каррр! Двоюродный брат! Что я держу в руках, как тебе приходится?

— Наверное, печонка, — говорит волк.

Тогда ворон вырвал печонку и выбросил ее через задний проход волка. И снова кричит:

— Каррр! Каррр! Двоюродный брат! А это что такое будет?

— Наверное, желудок!—стонет волк.



Кайровый грот на мысе Уэринга, сев.-вост. оконечность о-ва Врангеля

И желудок волчий ворон выбросил той же дорогой.

И опять кричит:

— Каррр! Двоюродный брат! А это что такое?

— Наверное, сердце, которым я живу!—прошептал волк.

Ворон вырвал и выбросил сердце. Волк умер. Ворон проклевал волку бок, вылез и улетел.

30 октября

Вероятно, проклятия действительно непригодное средство для исправления погоды. Она словно издевается над нами. Утром стоял полный штиль, горизонт был совершенно чистый, и ни одного облачка на небе.

Взяв все азимуты, в 9 час. покинули гостеприимных хозяев, но не успели сделать и пяти километров, как начался легкий северо-западный ветерок и пригнал такой туман, что мы, наконец, потеряли из виду мысок, на который держали направление, и вернулись к юртам.

Очевидно, природа не учла, что в октябре месяце здесь кто-то пожелает вести топографические работы. Ну, что-ж! Мы терпеливые. Подождем более благоприятного момента.

А теперь возвращаемся обратно, так как при таких условиях полярная ночь захватит нас на средине пути.

31 октября

Ночью снова началась метель и бушевала до обеда. После обеда все накрыла белая мгла. Снова день потерян. Даже и домой ветер выехать не разрешил. Сила! Что же делать? Сиди и скрипи зубами—это разрешается.

Смотрел шкуры убитых медведей. Всего у пяти должников фактории 23 шкуры. А долгу и выговорить страшно. Поразительна беззаботность этих людей. Есть мясо—хорошо, нет—пойду на охоту. Из всех 23 медведей 18 пришли сами к юртам и только 5 убито при поездках. А что можно было бы сделать здесь энергичному человеку?

Аналька снова шаманил. Дал нагоняй. Случай слишком старый, чтобы отбить у старика охоту к шаманству. Больше всего меня удивляет, что и клиенты-то его тоже шаманы, хотя и более низкой марки. Неужели и они верят в его магию? Насколько же сильна вера в чорта у эскимосов, не искушенных в махинациях шаманов!

1 ноября

Легкий северо-западный ветер и редкий сырой туман. Сильный холод. Едем домой через Медвежий перевал. Его ворота прямо на юг от юрт. На карте он, как и вся горная гряда, чуть ли не вплотную к берегу, а нам приходится делать 25 километров, прежде чем мы въезжаем в ворота. Точность сомнительная. Сегодня изрядный мороз, усугубляющийся сыростью.

Перед перевалом я смеялся над Павловым и называл его мерзляком, так как руки у него настолько промерзли, что он, закуривая, прилагал много усилий, чтобы сжать в пальцах спичку. Но скоро и ему представился случай отвести душу. Желая взять на перевале образцы горных пород, я остановился и взял в руки молоток. Но мои руки отказывались повиноваться, и молоток вывалился. Потребовалось минут пять энергичных усилий, чтобы привести пальцы в нормальное состояние. Закусив здесь мерзлой сырой медвежатиной и пройдя перевал у подошвы Поворотной горы, разбиваем бивуак.

2 ноября

Сегодня теплее, но такая же сырость от окутывающей все белой туманной мглы.

Спускаемся вниз по руслу большой речки и к вечеру достигаем ее устья, где мы из-за метели просидели два дня (13 и 14) и оставили медвежью шкуру и мясо.

3 ноября

Все видимое пространство моря занято мелко-битым торосистым льдом с редко рассеянными большими обломками торосов. Лед продвигается на юг. Только вдоль берега неподвижная полоска гладкого молодого льда. Вчера вечером мы попробовали ее крепость, но смогли пройти не более 50 метров. Здесь лед еще выдерживал тяжесть человека, но при небольшом напряжении пробивался стволом. Спугнутый нами медведь в 70 метрах от берега провалился и дальше до торосов прошел вплавь по салу.

За сегодняшнюю ночь кромка окрепла, и мы решились ехать на мыс Гаваи по льду. Уж очень тяжела дорога по горам. Едем осторожно, часто выходя вперед нарт и пробуя крепость льда. Между отдельными старыми льдинами проби-

раемся над салом. Все же до Гаваев добираемся благополучно.

На Вьюжной нас ждет сюрприз. Здесь мы оставили мясо и шкуры медведей, убитых 9 октября. Опасаясь проказ медведей, мы повесили шкуры на козлах на высоте около трех метров. Сегодня, подъезжая к старому бивуаку, видим висящей только одну шкуру медведицы. Ниже же висевшей шкуры пестуна нет. Подошли ближе, и загадка стала ясна. Вся площадь покрыта совсем свежими следами медведя. У верхней шкуры оторвана лапа, а пестун изодран в клочки. Правда, эти клочки совершенно чисты от сала. Очевидно сало-то и соблазнило медведя, а, счищая его, он изодрал и шкуру. Жаль, что медведь такой неосторожный мастер, действуй он немного осторожней и оставь шкуру целой, мы были бы ему очень признательны. А теперь ругаемся и заочно уверяем его, что если бы застали на месте работы, то научили бы чистить шкуры.

Да вот и он! Выскочив из-за берегового тороса, медведь удирает во все лопатки. Расстояние больше 400 метров. Подымаем прицельные рамки, гремят выстрелы, пули не долетают. Еще подъем рамок, и те же результаты. Подымаю до отказа, стреляю, и задняя нога зверя становится красной. Но он все же уходит. Спускаю собак — Пестрого и Фрама, гонимся за медведем по льду. А лед тонкий, и при беге из-под ног идут волны. В десяти шагах сбоку от меня проваливается Фрам и верещит, пытаясь вывраться на лед. Слышу, как трещит лед и левая нога погружается в воду. Падаю на живот и... отступаю. Медведь уже переплыл полынью и удирает по движущемуся льду. Пестрый возвратился через два часа весь обледенелый.

4 ноября

Вот мы и дома. Бесславная поездка и почти месяц потерянного времени. Результаты поездки:

1) Засняго около 200 километров маршрута.

2) Собраны образцы пород из 10 обнажений.

3) Убито три медведя.

4) Получена изрядная тренировка для будущей работы по съемке острова.

Сличаю отчетную ведомость по метеорологической станции с моими наблюдениями и поражаюсь огромной разнице погоды, особенно при подсчете дней с туманами. Из 25 дней пути 11 суток бушевала метель и 9 суток стоял туман, иногда суживающий горизонт до 100—150 метров.

В то же время в бухте Роджерс отмечено 7 дней с легкой метелью и ни одного тумана. Очевидно, ветер отклоняется, а туманы задерживаются на южной горной цепи, значительно большей по высоте, чем северная цепь.

На грустные размышления наводит одно наблюдение, сделанное в экскурсии. Во всем пройденном районе замечено очень мало песцовых следов. Надо думать, что наступающий охотничий сезон на песца будет плохим.

Г. УШАКОВ

ИЗ МОЕЙ ЖИЗНИ

1 мая 1930 года кончается конкурс на рассказ «Из моей жизни», объявленный редакцией **«Борьба Миров»**.

Напишите и пришлите в редакцию не позднее 1 мая 1930 года рассказ о самом интересном и замечательном случае из вашей жизни или из жизни вашего отца, брата, сестры, матери или товарища.

Случай должен соответствовать одному из трех основных разделов ежемесячника **«Борьба Миров»**.

КИМ — Как вы участвовали в грандиозной революционной борьбе, которую ведут рабочий класс СССР и революционные партии и рабочие в капиталистических странах; в борьбе, которую ведут угнетенные народы колониальных стран против своих поработителей.

ПЛАН — Как вы работали на одном из бесчисленных участков великого социалистического строительства; над выполнением пятилетнего плана в 4 года. Какие препятствия вы преодолевали, борясь за индустриализацию, обобществление сельского хозяйства и культурную революцию.

ФЛОТ — Как вы служили во флоте: в царском ли—боролись вместе с революционными матросами за пролетарскую революцию, в советском ли—отбивая наскоки белых генералов, сражаясь в тяжелых условиях гражданской войны; на стройке ли Красного флота, поднятого до нужной нам высоты энтузиазмом миллионного шефа—комсомола.

Рассказ должен быть написан четко, на одной стороне листа. Размер его не должен превышать 15 страниц писчей бумаги.

Лучшие рассказы будут напечатаны в ежемесячнике **«Борьба Миров»**. За выдающиеся рассказы, кроме обычного гонорара, будут выданы 3 премии:

1-я премия—20 книг «Библиотечки экспедиций и путешествий».

2-я премия—подписка на год на декадный журнал «Смена» с ежемесячником **«Борьба Миров»**.

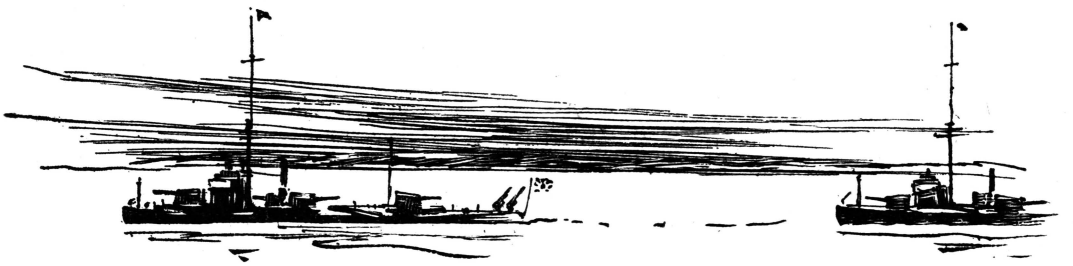
3-я премия—ежемесячник **«Борьба Миров»** в течение 1930 г.

Жюри конкурса: Завед. изд-вом «Молодая Гвардия»—*Я. Цванкин*, ответ. ред. журн. «Молодая Гвардия»—*Б. Ольховый*, ответ. ред. журн. «Смена» и «Борьба Миров»—*С. Кэмрад*, зав. ред. «Борьба Миров»—*Г. Гильгендорф*, зав. ред. журн. «Смена»—*Я. Юдицкий*, редактор «Биб-ки экспедиций и путешествий»—*В. Узин* и комсомольский писатель—*Марк Колосов*.

БУРЖУАЗИЯ УЧИТСЯ НОСИТЬ ПРОТИВОГАЗЫ

Несмотря на миротворческую болтовню, все без исключения буржуазные страны лихорадочно готовятся к новой, грядущей войне. Последнюю считают, между прочим, столь близкой и столь неизбежной, что западно-европейская буржуазия уже сейчас начинает приучаться носить противогазы в частной повседневной жизни. По мнению специалистов, грядущая война будет по преимуществу химической, и опасности воздушно-газовой бомбардировки подвергнутся широкие массы населения.

На снимках—библиотекарь, работающий в противогазе и кухарка, готовящая в противогазе обед.



ПОД ЛАХАССУСУ

Рассказ Г. СКВОРЦОВА

3 ч. 30 м. Медленно ползет часовая стрелка, я сижу в своей каюте и думаю о предстоящем бое, перебираю все, что сделано, напрягаю мозг, чтобы найти что-нибудь забытое, какую-нибудь мелочь, могущую помешать и подвести во время боя. Кажется все в порядке, нет ничего забытого, карта с вероятными местами врага рассчитана для разных точек прицела, целика и расстояния.

Я сам все проверял, щупал, подкручивал гайки и осматривал приборы.

Сверху убрали все лишнее и подкрепили везде болты, чтобы не было лишних осколков, но я беспокоюсь—«все ли?» Появляется сомнение, а вдруг отменят, и это отравляет мое обычно хорошее расположение духа.

Даже в ванной, принимая душ, меня не оставляет мысль: экзамен мы должны сдать.

Команда нашего монитора дружна и крепка и не только между собой, а и со всем комсоставом без исключения. Команда видит в нас своих искренних старших товарищей, и мы так же уверены в них, как они в нас.

Перебираю и представляю себе каждого в отдельности командора замочного, и нет ни в ком даже тени сомнения о возможности потери духа.

ДОРОГИЕ ТОВАРИЩИ!

Шлю коммунистический привет и посылаю рассказ о советско-китайском конфликте.

Сейчас, когда конфликт улажен, полезно поделиться своими впечатлениями. Я сам бывший комсомолец, на флоте с 1921 года, 1-го комсомольского призыва. Сейчас краском и партиец. Окончил ВМУ и СККУФ.

В рассказе я описал то, что испытывал каждый из нас, краскомов. Картина службы будет не без пользы для ребят, собирающихся итти во флот. Сейчас у нас на флотилии особо крепкая связь со своим шефом. Мы усилили формы этой связи личным общением, письмами и т. п. К нам приезжали многие краевые организации. Был устроен большой вечер встречи флотилии комсомолом Д-В. края, в г. Хабаровске—торжественное заседание и раздача наград сорока особо отличившимся краснофлотцам, командирам и политработникам. Получил и я револьвер с надписью.

Г. Скворцов

(Ст. артиллерист монитора Дальневосточной военной флотилии)

Телосложение?.. Пожалуй, сможет сдать только один снарядный, но и то вряд ли, хотя мал, худощав, но мускулист и ловок.

Стрелка уже подходит к 4 часам, и скоро наступит момент экзамена на члена партии, красного командира и бойца. Неужели не сдадим? Нет, лучше смерть, чем это. Вспоминаю сухопутные далекие, уже в прошлом, моменты, но и тут мысль, как злой дух, говорит: то сухопутье, то самому непосредственно наносить удар своей рукой, все в движении, а здесь...

И страшит отсутствие достаточного опыта водного боя, когда ты сам вынужден бездействовать, когда должна работать только голова. Стараюсь вспомнить перечитанные книги и описания морских и речных боев, чтобы учесть их опыт.

Вдруг стук в каюту—зовут есть в кают-компанию. Итак, прочь сомнения,— экзамен должен быть сдан!

5 ч. 30 м. Последний раз захожу в каюту, теперь, если приду, то уже после боя. Уложил в походную сумку таблицы, кнопки, бумагу и два бинта с пузырьком иода. Сейчас сыграем боевую тревогу. Как-то сразу полегчало, нет уже больше сомнения, голова чиста, и только одна мысль: «Разбиться в лепешку, но экзамен сдать».

. . . . . .

Бой прошел, и я снова сижу в каюте и пишу. Китайской флотилии на Сунгаре почти и следов не осталось. А дело было так:

В 5 ч. 50 м. сыграли боевую тревогу. Я залез на марс, приколол кнопками кой-какие вычисления и карту под ногами, взял бинокль в руки и скомандовал:

— Товсь!

Флагман поднял «Н». О сигнале флагом с радостью докладываю в рубку, хотя знаю, что и там хорошо его видят. Китайские суда на траверзе, на ходу. Ниже виден еще один, и совсем смутно виднеется несколько судов у города. Я опять испытываю сильное беспокойство, как бы не отменили операции.

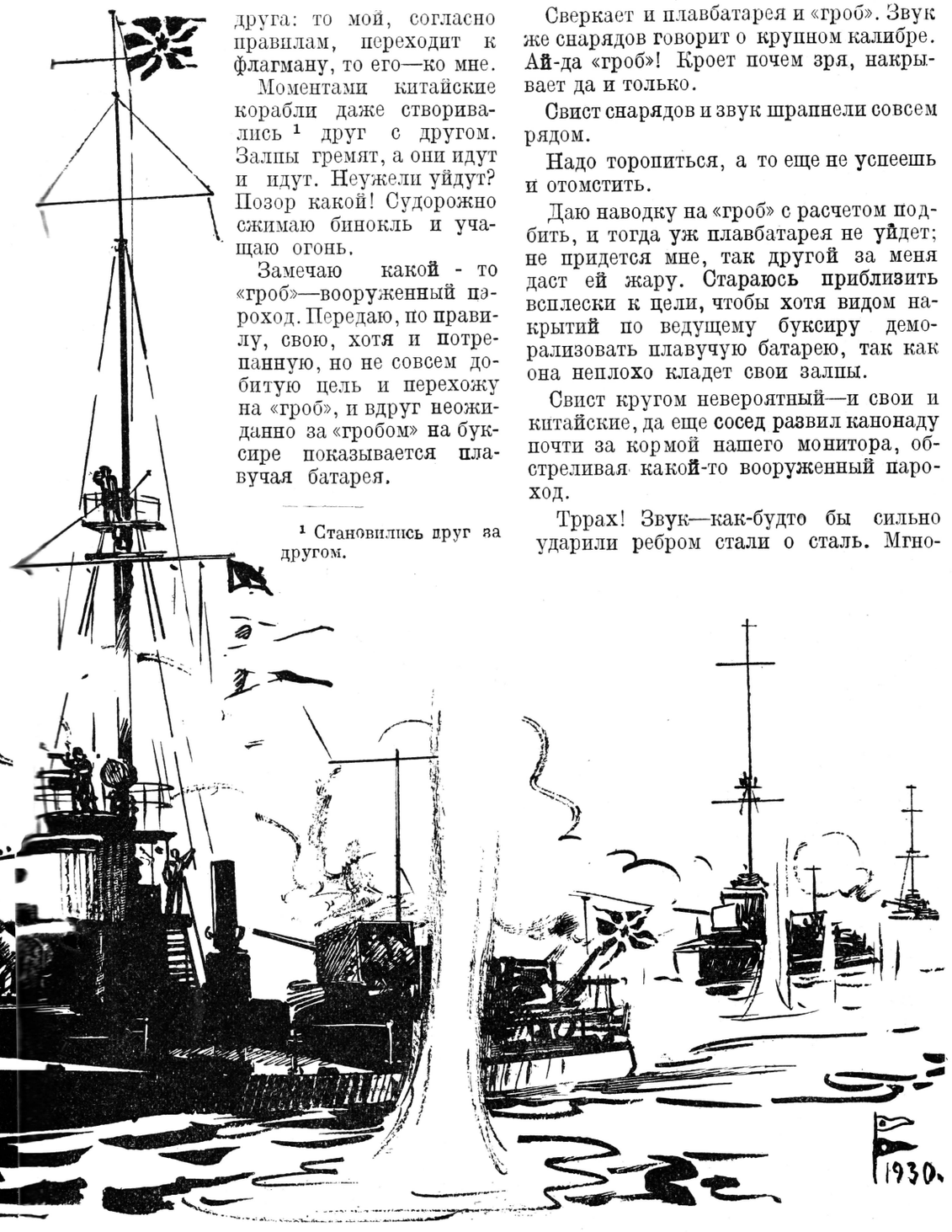
Вдруг флаг подымают до места, и раздается долгожданный залп.

Уррра!.. сомнений нет, теперь уже не отменят.

Громко кричу:

— Залп!

Не успели отгрохать наши пушки, как я вижу падение снарядов спереди, совсем рядом. Что это? Неужели какая-то башня так навела. Но нет, слышен свист. Ага! Так вы, голубчики, на «товсь». Наваливаюсь огнем на противника, но стрелять страшно плохо — наши всплески совершенно сливаются, цели беспорядочно меняют свои места относительно друг друга: то мой, согласно правилам, переходит к флагману, то его—ко мне.



Моментами китайские корабли даже створились [1] друг с другом. Залпы гремят, а они идут и идут. Неужели уйдут? Позор какой! Судорожно сжимаю бинокль и учащаю огонь.

Замечаю какой-то «гроб»—вооруженный пароход. Передаю, по правилу, свою, хотя и потрепанную, но не совсем добитую цель и перехожу на «гроб», и вдруг неожиданно за «гробом» на буксире показывается плавучая батарея.

[1] Становились друг за другом.

Сверкает и плавбатарея и «гроб». Звук же снарядов говорит о крупном калибре. Ай-да «гроб»! Кроет почем зря, накрывает да и только.

Свист снарядов и звук шрапнели совсем рядом.

Надо торопиться, а то еще не успеешь и отомстить.

Даю наводку на «гроб» с расчетом подбить, и тогда уж плавбатарея не уйдет; не придется мне, так другой за меня даст ей жару. Стараюсь приблизить всплески к цели, чтобы хотя видом накрытий по ведущему буксиру деморализовать плавучую батарею, так как она неплохо кладет свои залпы.

Свист кругом невероятный—и свои и китайские, да еще сосед развил канонаду почти за кормой нашего монитора, обстреливая какой-то вооруженный пароход.

Тррах! Звук—как-будто бы сильно ударили ребром стали о сталь. Мгно-

венно оборачиваюсь и сверху вижу на правой бортовой башне громадную огненную искру, как-будто замыкание проводов высокого напряжения. Сердце екнуло за прислугу башни, и я думаю: «Одной стало меньше»...

Жму телефон на ответ, посматриваю на башню и вдруг — о радость!— вижу, как из амбразуры высовывается недоуменная, удивленная голова старшины башни—Тряхова. Он рассматривает, куда попал снаряд. Я громко кричу ему: «Долой голову!»

Значит, все благополучно. Наблюдаю в бинокль за неприятелем и скоро вижу, что не только попадаю в «гроб», но он уже начинает гореть с кормы. Даю еще и еще, и становится очевидным, что он уже не жилец. Радостно кричу в рубку: «Товарищ командир, поздравьте с удачей, «гроб» горит, перехожу на плавбатарею, передайте об удаче по башням».

Быстро меняю наводку, но цель низка и снизу плохо заметна, торчит только рубка. Из башни доносят, что цели не видно. Ну, ясно, что не видно—домик и домик! Даю залп с тем же прицелом и вижу, что вылезает снизу на палубу плавбатареи масса людей и, как муравьи, кишат на палубе. Дальномерщик возбужденно кричит:

— Товарищ сударт [1], товарищ сударт, людей-то сколько—вот дать!

Отвечаю ему, не отрываясь ни на секунду от бинокля: «Ничего, ничего, дадим».

Вдруг вся куча людей начала «сигать» с плавбатареи на берег. Кричу в трубу:

— Товарищ командир, больше нет смысла стрелять—люди убежали, сообщите в башню!

Затем осматриваю горизонт и не вижу ни одной подходящей цели. Тогда перехожу на цель, обстреливаемую другим монитором, чтобы помочь поскорее угробить противника. Даю десяток залпов и тут же вижу, что больше нет смысла, т. к. цель исчезла не только у наводчиков, но даже из моего зрения, окутавшись паром, как завесой. Тогда я без дела осматриваюсь кругом. В горле пересохло, закуриваю и спрашиваю дальнейших распоряжений. Прошу дать мне воды, которую мне подают в графине на фале, пью, спускаю обратно и только тут замечаю, что время еще немного— 7 ч. 40 м. Очень холодно, а шинель на мне расстегнута, застегиваю ее и, чтобы не так мерзли ноги, прошу поднять мне брезент. Дают плащ, и я расстилаю его на рыбинах марса.

Вдруг звук полевой и почему-то сзади. Оборачиваюсь и вижу искусно спрятанную нашу сухопутную батарею. В сторонке у орудий стоят три командира. Я снимаю с головы шапку, радостно махаю им и вижу в бинокль, как они смеются в ответ.

Раскланиваюсь с встречными кораблями, вижу ловко сделанную на них «броняшку» из дерева и камней.

В это время становится видна мачта «Ли-Суй». Командую установки, но успеваю сделать только один залп, так как поворот и «отбой».

Вижу, как ловко работает сухопутная, слышу протяжные «вжик» и разрывы, и все почти на одном месте мыска.

Сзади другой наш корабль долбит берег. Наверное, кроет береговушку. Мы подходим к этому месту и опять начинаем получать по себе хорошие накрытия.

Стреляют шрапнелью, а откуда—даже не видно, думаю: «Раз сосед бьет в берег, значит и «она» там». Командую прицел и даю залп.

Получаю недолет в воду. Накрытия по нас все чаще и лучше.

Оглядываюсь на сильный и необычный звук, вижу здоровенный всплеск на траверзе левой башни и носового погреба, стреляю в самую береговую черту и тут получаю приказание от командира: обстрелять концевой у берега. Он как-будто бы уже совсем покинут экипажем.

— Дальномер?!—Даю прицел 35 и получаю ясно небольшой недолет. Второй залп—и водяные, и земляные всплески за кораблем и рядом. Дал несколько залпов, но тут получил снова приказание—прекратить огонь. Одновременно слышу чей-то голос:

[1] Судовой артиллерист.

— Как у вас? Есть убитые и раненые?—Знаю, что это у левой № 2 и слышу чей-то тихий голос:

— Все... живы и невредимы.—Сжавшись, как от удара, свободно вздыхаю. Неуверенный тон голоса навел меня на мысль, что есть убитые. Стрельба прекратилась, я смотрю кругом и вижу всю картину боя с марса, как на ладони. Но любоваться приходится недолго. Мы опять попали под батарею.

Шрапнель летит кругом со свистом, стреляют здорово, мой марс изрядно пострадал, штаги левого борта и передние перебиты, реи нет, переговорная трубка сбита, и весь марс наклонился на правый борт. Телефонный провод оборван, передача приказов только голосовая, и стрелять еще пока нельзя. Наконец для наводчиков открылась канлодка у края города. Я открываю огонь и сразу ощущаю результаты повреждений марса. От сотрясения своих же залпов марс так раскачивается и прыгает, что я теряю цель из поля бинокля.

Наш корабль заходит за берег, накрытия становятся реже, и, наконец, больше в нас уже не стреляют вовсе. Немного погодя, я просил у командира разрешения прекратить огонь. Канлодка больше не отвечает, авось, захватим для себя. Дал «отбой» и тут же получил известие о нашем десанте, о захвате им укрепленного рубежа. Это означало для кораблей прекращение артиллерийского огня на неопределенное время. Мы стали на якорь. Я получил разрешение слезть вниз и осмотреть повреждения в башнях, и помочь их исправить. Спустившись, я зашел в рубку; тут обступили меня ребята и подают мне мой хлястик от шинели. На полах шинели обнаруживаем две дырки.

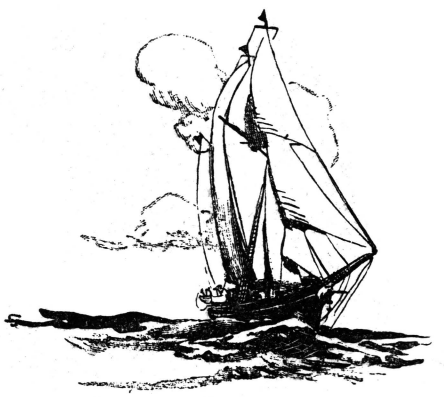
— Эге,—говорю смеясь,—хотели гады снять!

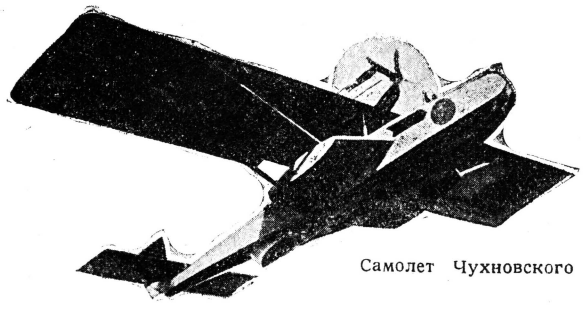
— Ну, да в тебя попасть не так-то легко,—говорят товарищи,—поражаемое пространство мало, есть, значит, преимущество быть маленького роста.—Ребята намекают на мою противоположность на корабле—длинного радиста Бенкина.

После обхода и осмотра повреждений перешли к мирным требованиям желудка. Мы рассаживаемся кругом в боевой рубке и наваливаемся на консервы.

Настроение прекрасное, мы знаем, что экзамен сдан всем монитором, и сдан недурно. Будут помнить урок Лахассусу китайские бандиты-генералы. Мы тоже его не забудем, мы учтем и примем к сведению все недостатки, чтобы следующий экзамен сдать еще лучше.

Г. СКВОРЦОВ





Самолет Чухновского

АВАРИЙНАЯ—КРАСНОЯРСКА
118 300 18/I 17 30 МОСКВА
БОРЬБА МИРОВ—АВАРИЙНАЯ

НА ПОМОЩЬ АМЕРИКАНЦАМ

Подготовка экспедиции Чухновского закончена. Новенькие моторы тщательно промыты, бесчисленные трубопроводы старательно обернуты в теплую изоляционную ленту. Главная забота Чухновского—о своем экипаже, трех верных друзьях-товарищах, с которыми он в течение полутора лет проводит третью экспедицию.

Измазанному в масле чумазому бортмеханику Георгиади соорудили металлическую трубу для прохода из его гондолы к моторам. Перед местами обоих пилотов установлены козырьки из целлюлоида, которые хоть отчасти предохраняют людей от страшного холода и диких ветров.

Экстренный поезд Чухновского...

...прибыл в Красноярск

Фото нашего сотрудника *Б. Громова*

Надо спешить на помощь погибающим во льдах американцам. Острым лезвием врезалась эта мысль в сознание каждого участника, от голубоглазого командира до лучшей няни своего любимого крылатого питомца—механика.

Дружно кипит работа; маленькие фигуры людей день и ночь, круглые сутки копошатся в огромном теле гигантской птицы, бесцеремонно залезая внутрь.

Сделали пробный полет. Диким ревом оглушил, словно взбесившийся, мотор. Поднимая тучи блестящей, искрящейся на тусклом, негреющем солнце снежной пыли, вовлекая в бешеный водоворот бумагу, подвернувшиеся щепки, низко припав грудью к земле, быстро скользнул по снежной поверхности самолет. Еще минута, и он превратился в маленькую изящную стрекозу, летящую мимо раскинувшегося по берегам Енисея Красноярска к аэродрому.

Старт Эйельсона на Аляске, отправляющегося в неудачно закончившийся полет к шкуне «Нанук»

Испытание окончено блестяще. Радостно возбужденный Чухновский, вылезая из узкого места кабины, говорит:

— Что, здорово работает игрушечка? Такой машине не страшно совершить самый рискованный полет.

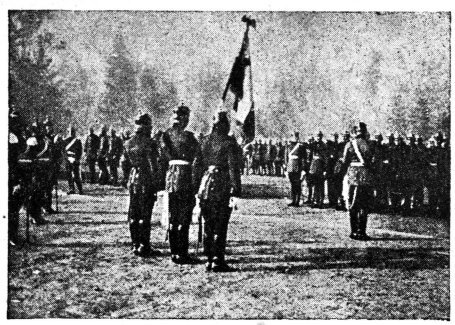
Огромная стальная птица готова к трудному, тяжелому путешествию. Готовы и люди, с радостью идущие на помощь гибнущим во льдах. Но коварная природа, видимо, не хочет пустить в царство холода и вечной мерзлоты. Красноярск и окрестности закутаны в серую непроходимую вуаль тумана, так что самолет не может вылететь и должен ждать перемены погоды. Но терпение смелых летунов уже приходит к концу. «Если через два дня,—говорит Чухновский,—не прояснится, то мы все равно полетим». И полетят, ибо советского летуна не испугают никакие трудности, не остановят никакие препятствия.

Борис ГРОМОВ

ЭКСПОРТ ГЕРМАНСКИХ ГЕНЕРАЛОВ

В первые годы после заключения мира германское офицерство было «нужно» правительству для подавления революционных выступлений: лейтенанты, майоры и обер... получали «подачки» довольно исправно и жили, в общем, не плохо.

Но вот наступил 1923 г., положение в Германии стабилизировалось, власть окрепла, и полиции с ее шефами, социал-демократами, было вполне достаточно для подавления уличных беспорядков.



Парад боливийских войск в полной германской форме

Не только старые пушки, но и старая форма нашла применение

Генерал Ганс-Кунд

Для военщины наступили тяжелые времена: вместо развеселой свободной жизни с попойками и мордобоем приходилось поступать на службу и садиться за толстые скучные бухгалтерские книги. Не все, конечно, офицеры германской армии смогли примириться с переходом на чиновничье положение: наиболее энергичные и склонные к приключениям отправились искать счастья в заморские страны и, главным образом, в экзотические республики Латинской Америки. С этого времени и начался «экспорт» прусско-германских милитаристов.

Чили, Перу, Боливия, Колумбия, Парагвай и Венецуэлла обзавелись германскими инструкторами, которые обмундировали местные армии по германскому образцу, и муштруют южноамериканских солдат совершенно так же, как муштровали своих соотечественников при Вильгельме.

Особенно «посчастливилось» Боливийской республике, где немецкий генерал Ганс-Кунд и полковник Гауптман (один из героев Гитлеровского путча) нарядили солдат в германские каски и устроили в Боливийской столице Паце нечто в роде старо-прусского Постдама.

ГРАНИЦА ПЕСЕН

Рассказ И. ЛАБОМИР. Рисунки В. БЕХТЕЕВА

Перс Хаким существует в действительности. Все происходящее в рассказе — быль и «Граница песен» И. Лабомира — литература факта. Перо и винтовка революции нашли в саазе Хакима верного соратника...

Нас было четверо за столом, покрытым рваной клеенкой, в чай-чи дряхлого Амира: Заир-Задэ, печник, чье ремесло было просто смешно в этом городе, где согревались зимой у горшков с углями, Гуссейн из селения Неграм, Ализаман Кариев, который учился у «моментального» фотографа, приехавшего в эту глушь на заработки с бульваров Эривани, и я. Дело происходило в знойном пограничном городке, на нашей территории. Мы прятались от ветра. Наши жилища не могли служить защитой от стихии: три моих друга, как многие здешние горожане, обитали в старых развалинах гражданской войны, я — на постоялом дворе со скорпионами и верблюжьими клопами.

В чай-чи шла игра на деньги в нарды и в домино. Старик разносил рубиновый персидский чай в стаканчиках, похожих на кровососные банки. Шло к полночи. За окнами чайной свирепствовал песчаный ветер, сжигавший губы и глаза. Кальян в этой чай-чи был богатый, расписанный розовыми цветочками по толстому граненому стеклу и обнесенный узорной серебряной оградой, как стакан подстаканником. Хороший курильщик извлекал из длинной резиновой кишки рокочущий и гремящий хрип. Дорогой кальян был единственно стоящей вещью в нищей харчевне Амира. Хозяин держал его для почетных посетителей: здесь нередко коротали досуг люди с кольцами на лилово-черных пальцах и желтых шимми на ногах.

Мы сидели особняком и говорили о контрабанде. На дворе стоял сентябрь, а кто знает, как темен и глух сентябрь на Араксе, поймет, что контрабанда стояла, так сказать, на повестке ночей. Пропащие парни переплывали Аракс на бараньих бурдюках, в двух шагах от пограничников. За границу утекала наша валюта; из-за границы притекала к нам немыслимая дрянь, которую скупали приезжие спекулянты и кое-какие липо-

вые совторгслужащие. В отхожих местах на базаре воняло духами Коти; на базарной площади, приценяясь к корзинам с гнилым и дешевым виноградом, люди с кольцами на пальцах бросали:

— Сто хватит?

— Сто сорок стоит себе,—тихо возражал продавец. На дне корзины лежал шевиот номер 3003.

В этой чайной, единственной открытой так поздно ночью, наша четверка имела странный вид. Мы были хмуры, разговаривали негромко, не присоединялись ни к одной из игр и пили рубиновый чай со «своим» хлебом и овечьим сыром, рассыпавшимся от сухости, как известь.

— Завтра я починю плиту в красной столовой,—сказал очень озабоченно Заир-Задэ,—и пойду добровольцем на помощь пограничникам.

— Не возьмут тебя,—отрезал Ализаман.

Заир разозлился:

— Я говорю, возьмут. Когда пограничники устраивали вечеринку в Месник-Абаде, они говорили, что я хозяин всей страны. Они даже пели про это. Если я хозяин, я могу смотреть за порядком.

Заир считался у нас философом.

Гуссейн поддержал его:

— У меня тоже лопается желчь. С каким трудом мы сколачиваем состояние, а эти воры увозят его. Каждая копейка, каждая копейка обросла нашим мясом. Воры и бездельники. Днем они спят или жрут кебаб, ночью обкрадывают нас. Я ненавижу их.

Просто удивительно, до чего эти ребята из самой дикой глухомани понимали то, к чему приходится подолгу приучать самых культурных из нас. Я хочу сказать, что социалистическое хозяйство страны было их кровным хозяйством. Страна была их домом; каждый крестьянский буйвол был их буйволом, каждая пядь земли их землей...

Но Ализаман стал в эту ночь особенно зол и ядовит. На него действовали ветер и усталость. Его слова ложились тяжестью на наши плечи и делали еще более горьким горьковатый персидский чай.

— Я плюю на контрабандистов,—говорил Ализаман,—есть вещи много хуже. Пусть у вас болит сердце, как у меня. Я думаю про своего брата в Персии. Он живет там, как последняя собака, потому что он беден, а бедных за границей презирают, как собак. Но разве у меня одного должно болеть сердце, если у меня брат в Персии? Все бедные персы—наши братья. Посмотрите в окно—вот ночь. Через три километра Аракс, за Араксом люди живут, как звери в пустыне, и мы ничего для них не делаем. Вы не знаете их, а я знаю. Там есть даже такие, которые никогда не зажигают ночью огня. Тысячи наших братьев живут в унижении и умрут в унижении. Они никогда уже не увидят света.

Старик хозяин прислушивался к нашему разговору с недовольным лицом. В чайной гостили сегодня молодые базарные торговцы. Они ловко двигали нарды выхоленными, загнутыми кверху пальцами и время от времени бросали на нас искоса презрительные взгляды узких и длинных глаз. Наконец хозяин подошел к нашему столику. Вероятно, он надеялся уговорить нас уйти.

— Твой отец когда-то целовал мою руку,—начал он, обращаясь к Ализаману...

В это время распахнулась дверь. В чай-чи ворвался дикий ветер, одновременно горячий и знобящий, как лихорадка. Он швырнул мне в лицо пригоршню колючего песка.

— Салям алейкюм!—произнес осипший и разбитый голос.

В чай-чи ввалились два человека. Все сидевшие уставились на них. Купцы бросили свои нарды. Ализаман сначала сощурился, как рысь, готовая к прыжку, потом широко раскрыл странно посветлевшие от злобы глаза. Гуссейн насупился.

Заир крякнул. Безусловно, это были два перса, старый и очень молодой, два контрабандиста, промокшие до нитки и едва спасшиеся на Араксе от пограничников.

Шелковые малиновые косынки, поддетые под круглые шапочки рыжего ба-

рашка, узенькие, жалкие сюртучки, стянутые в талии, чувяки и цветистые шерстяные чулки изобличали хоросанских крестьян, наивно принарядившихся для города. Старый прижимал подмышкой большой сверток, укрытый куском домотканной материи. Они, очевидно, обнаглели, как бешеные, эти контрабандисты.

— Ай да молодцы!—крикнул по-персидски один из молодых купцов с дружелюбной насмешкой.

— Пей, садись,—подхватил другой,— я плачу.

Но персы уселись в самом уголке, у окна, завешанного тряпьем и ветхими ковровыми обрывками. Лицо младшего поражало меня. Это было истощенное и унылое, но по-детски красивое лицо с резкими, благородными чертами. Левую щеку пересекал недавно заживший рубец.

Хозяин быстро налил новым гостям светящегося, алого чаю.

— Что привезли?—снова крикнул молодой торговец.—Покупаю табак и джерсе. Не приставайте с коверкотом. Пудру? У меня пудра сидит вместо пыли на потолке и на полу.

Он даже не считал нужным стесняться.

Маленькая рука Гуссейна, лежавшая на столике, сжалась в кулак.

— Что привезли?—громко ответил за персов Ализаман.—Пирог с шакальим пометом вам и себе на угощенье.

— Ослиную падаль на шапки,—подхватил Заир.

Мы дерзко расхохотались.

Старый перс, продолжавший молчать, вскинул на нас умные, колючие глаза. Он терпеливо выждал, пока мы кончили смеяться, а торговцы визжать на нашу наглость. Его достоинство озадачило нас. Поднявшись, он четко сказал нараспев, несколько напыщенным тоном.

— Я привез беспошлинный товар, дорогие господа. Мой товар переходит моря и горы, как ветер. Мой товар невидим. В таможнях пропускают его, как пыль. О, мой свободный товар. Покажи себя. Открой свое лицо. Как жена перед мужем, сбрось свое покрывало перед народом.

Его сложная и цветистая речь была непонятна мне. Ализаман переводит ее мне на ломаный русский язык. Мы были озадачены и взволнованы.

Перс вышел со своим неуклюжим свертком на середину чай-чи. Его молоденький спутник тоже поднялся из-за стола и робко стал за спиной старшего. Резким движением перс освободил свой товар от холщевой наволочки. В руках старика очутился музыкальный инструмент—сааз.

По чай-чи прошел шопот.

— А-а,—протянули купцы.

Хозяин покинул свое место за самоваром. На Востоке любят музыку и почитают странствующих певцов.

Старик рванул струны и запел высоким, надтреснутым голосом:

— Старые песни,—цедил сквозь зубы Ализаман в конце каждой строфы,— знаем. Старые песни.

— Розы цветут по берегам,—пел перс.—Виноград, как яхонт, горит в садах. У женщин поступь газелей, походка барса у молодых мужчин. Но прошло твое величие, моя родина.

— Уаш!—кончалась каждая строфа.— Оэй!—начиналась новая.

— Бывало, видные купцы приезжали из далеких стран за плодами гранатов и шкурами овец, хной и сушеным виноградом, кожами и хурьмой, шелком и самшитом, скотом и коноплей. Ты красовалась, страна моя, на всех рынках мира. Нищие мы стали, нищими умрем.

— Уаш! Оэй!

— Я пришел в чужую страну и говорю: Эй, братский народ, настало время твоей славы. Ты богатеешь, ты цветешь. Скоро между баранами нельзя будет пройти, придется ползать между конскими задами. Твои женщины рожают богатырей, красных, как мокрая киноварь. Что ни сын, то силач с царским взглядом. Ты торгуешь, ты живешь.

— Уаш! Оэй!

— Богатая земля, расцветающая, как роза весной, одари серебром странствующего певца. Да здравствует шура, да здравствует Страна Советов!

Купцы поморщились—они были разочарованы песней, но лениво полезли за кошельками. Старик не дождался ни возгласов одобрения, ни даже снисходительной похвалы.

— Ты стар, у тебя в горле завелись черви,—бросил кто-то.

Публика захохотала.

Вдруг из-за спины певца выступил юноша, пришедший с ним.

— Гей! Нам не надо серебра!—резко крикнул он.—Мы думали попасть туда, где собирается добрый народ, а попали в собачье место.—«Собачье место»—он так и сказал.—У нас тоже есть такие, как вы, с жирными руками. Укажите мне, где искать на здешнем базаре приют для честных людей. Для них мы будем петь.

Мы, сидевшие особняком, переглянулись и насторожились.

— Ты кто такой?—завизжал один из купцов, около которого лежала горстка монет, выигранных в нарды. Юноша сухо рассмеялся, закинув голову. Когда он отвечал обидчику, его лицо горело.

— Я—Хаким, воришка с улиц Тебриза, сын горшечника, ученик певца. Идем искать ночлега,—обратился он к старику.—Завтра соберутся носильщики тяжестей, каменщики и погонщики верблюдов. Мы споем им и будем сыты.

За нашим столиком произошло смятение. Ализаман вскочил, опрокинув свою табуретку. Гуссейн ударил кулаком о косяк стола.

— Я печник, а не собака!—крикнул Заир.—Нас тут четверо честных людей. Пой, иолдаш.

Но старик принялся заворачивать трясущимися руками свой сааз в холстину. Очевидно, он боялся скандала в чай-чи. Молодой перс улыбнулся нам; от улыбки его строгое лицо стало нежным и детским. Он вырвал сааз из рук недовольного учителя.

— Я спою вам правду про свою жизнь, как поют нищие на дороге,— сказал юноша.

Он играл и пел хуже старика; его молодой голос был неожиданно несвеж и сипл, пальцы путались в частых переборах. Но мы слушали его, как завороженные, и Гуссейн сидел, низко сгорбившись, закрыв руками лицо.

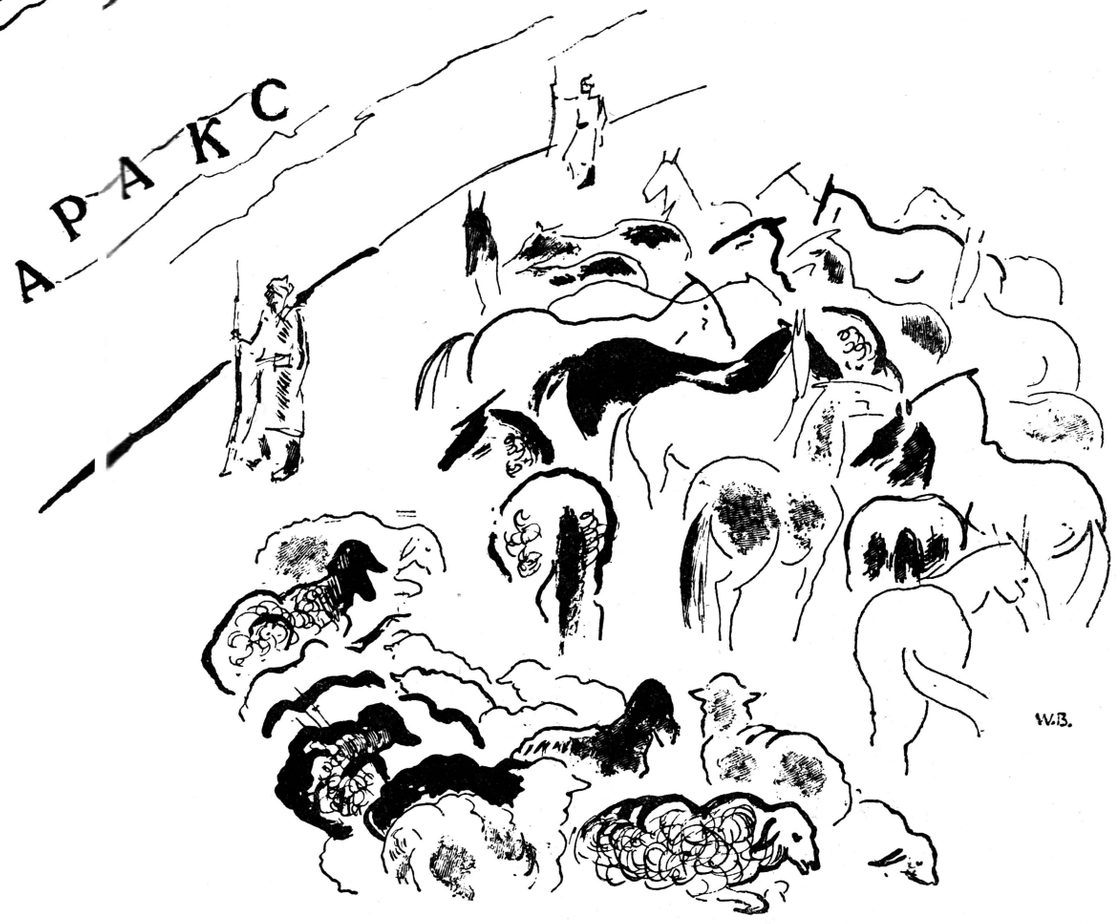
— Я молодой Хаким, житель Харсистана. У моего отца были глиняные горшки, но однажды сердитый заказчик опрокинул ногой все его состояние и всю нашу жизнь.

— Я молодой Хаким, житель Харсистана. Однажды я взял себе по праву один тонкий лаваш и один толстый хлеб, потому что я служил у хозяина пекарни и он меня не кормил. Лаваш я съел сам, а хлеб разделил со своим другом. Меня назвали вором и посадили в тюрьму.

— Я сидел в тюрьме весь месяц рамазан, когда люди молятся и раздают милостыню. Но тюрьма дала мне новых друзей. Они были молоды, как я, но читали книги и писали письма. Я узнал от них, во-первых, что Аллах вовсе не строил мира. И во-вторых, я узнал, что мир построили глупые: бедняки для хитрых богачей.

Друзья мне сказали: вот окно, вот двор.

За двором начинаются горы.



За горами степь, за степью гора.

За горою спрятанная в камышах река.

За рекою двор.

Во дворе—дозор.

За дозором лежит великая страна; в той стране бедняки строят мир для самих себя.

Там презирают богатых, там почитают труд.

Там в лица бездельников желчью плюют.

Там каждый, кто работает, имеют лаваш и приют.

Уаш!

По мере его песни, купцы покидали чай-чи. Хозяин сидел на нарах, покрытых ковром, как на иголках, весь пожелтевший от досады. Кончив петь, молодой перс, примостился на старом месте, в уголке у окна. Мы подошли к нему.

— Мы думали, что ты контрабандист,—хрипло произнес Заир на фарси, стыдясь своего волнения

— Что ты привез опиум,—подхватил Ализаман.

Гуссейн подсел к персу.

— А я почему-то решил, что ты пришел взять в нашей стране для Персии вино.

Хаким смело поглядел в глаза Заиру и перевел взгляд на Гуссейна:

— Вы правы оба: я пришел с товаром и за товаром. Без товара я не уйду.

Его ответ неприятно поразил нас. Мы были слишком прямолинейны и просты, чтобы понимать иносказания. Старый певец, учитель Хакима, тоже успел вернуться на свое место и хитро подмигнул нам. Он взял со стола сааз и, положив его на подоконник, укрыл своей тряпкой, как бы боясь, чтобы инструмент не продуло.

— Я не понимаю, как может быть поганым вором человек, узнавший правду о бедняках и богачах,—горько воскликнул Ализаман.

Щеки Хакима вспыхнули, как в ту минуту, когда он презрительно возражал купцу.

— А я не понимаю, как вы можете так искажать слова брата,—отрезал он.— Вы хотите знать, что я принес из Персии? Я принес песни черные, как опиум. Что я хочу украсть для Персии? Я хочу украсть ваши песни, красные, как вино. Меня ждут землекопы и каменщики в харчевнях Тебриза.

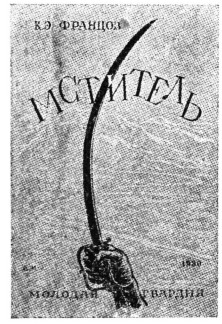
В эту глухую ночь в глиняной лачуге, подбитой ветрами, где жили Заир, Гуссейн и Ализаман, готовили для Хакима его контрабанду. Мы пели ему. Мы пели, я хорошо помню, «Интернационал» и гимн освобожденного тюркского народа, и «Варшавянку», далекую, как северная зима, и «Буденновскую» песню.

До утра я переводил слова с русского языка на тюркский, и мои друзья с трудом, со скрипом в натруженных горлах, с венами, вздувшимися от напряжения на лбах, перетаскивали их на фарси. Хаким не хотел ждать. Он торопился, как человек, одержимый предчувствием смерти. Старый перс заснул на кошме. Сааз стонал. Когда наступил день, мы решили переправить певцов за границу открыто и честно.

Но мимо глиняной лачуги три серебряных от пыли красноармейца провезли на тачанке начпогранотряда, умиравшего от малярии и от старой раны в живот. И мы простились с персами ночью над Араксом, чуть в стороне от поста в сырой яме. Мы долго выбирали дорогу и отпустили их там, где особенно густо росли глухие сентябрьские камыши.

И. ЛАБОМИР

МСТИТЕЛЬ



Было серое июльское утро; дождь лил, как из ведра; деревенская улица опустела; на полях не видно было ни души. Караульные около мостика забрались в сторожку и мирно храпели, их разбудил шум и топот на мосту. Шел отряд пехоты, и во главе его ехал на лошади офицер. Караульные сразу узнали его,—это был полковник Станчук. В ужасе выбежали они из сторожки и бросились к деревне, по дороге стреляя из пистолетов, чтобы дать знать об опасности.

Когда полковник подъехал к шинку, улица уже была загорожена несколькими опрокинутыми телегами; из ближайших домов тащили связки сена, и человек пятьдесят с ружьями наготове занимали наскоро построенную баррикаду. Станчук получил приказ по возможности избегать кровопролития. Он остановил солдат шагов за двести от баррикады, спокойно подъехал к ней и потребовал к себе судью.

К нему явились Симеон и его сын, трое старшин и священник. Судья сказал:

— Что тебе нужно, господин полковник? Если ты приехал заводить здесь свои порядки, так мы будем защищаться. Поле, во всяком случае, останется за нами, не то...

— Мне до вашего поля нет никакого дела,— отвечал офицер.—Мне приказано только арестовать Анисью с детьми.

— Ни за что на свете!—закричал Грицко запальчиво.

Старик Симеон выступил вперед и проговорил громко и торжественно:

— Господин, пока жив хоть один из нас, тебе не удастся взять эту несчастную и ее детей...

Он повернулся, чтобы уйти.

— Судья,—остановил его полковник,—пожалей свою деревню, не заставляй меня прибегать к крайним мерам. Посоветуйся со своими, я подожду еще четверть часа!

Симеон молча покачал головой и ушел, за ним последовали старшины. Когда они сообщили своим, чего требует полковник, в ответ раздался единодушный крик гнева и негодования. Молодой работник Галько побежал передать Анисье ужасную весть, а все прочие остались на местах и кричали:

— Мы этого не допустим!

Грицко взял на себя роль главнокомандующего. Он приказал вооруженным людям занять соседние с баррикадой дома.

— Подпустите их на тридцать шагов,— учил Грицко,—а когда я протрублю вам знак, палите все зараз.

Полковник ждал двадцать минут. Затем он сошел с лошади, обнажил саблю, стал во главе отряда и скомандовал итти на приступ. Барабаны забили, рота двинулась беглым шагом со штыками наготове.

Когда солдаты подошли достаточно близко, Грицко медленно поднес трубу к губам... В эту минуту чья-то рука легла на его руку и с силой отвела ее.

— Вы не будете стрелять!—произнес громкий, повелительный голос.—Я этого не допущу!

Грицко отступил на шаг. Перед ним стояла жена Тараса, держа на руках маленькую Терезку, мальчики следовали за ней. Дети плакали. Но Анисья стояла, гордо выпрямившись, с выражением мрачного спокойствия на своем подвижном, страстном лице.

— Вы не будете стрелять,—повторила она,—я пойду с солдатами. Я не хочу, чтобы из-за меня хоть одна женщина стала вдовой, хоть один ребенок сиротой...

— Анисья!—вскричал Симеон.

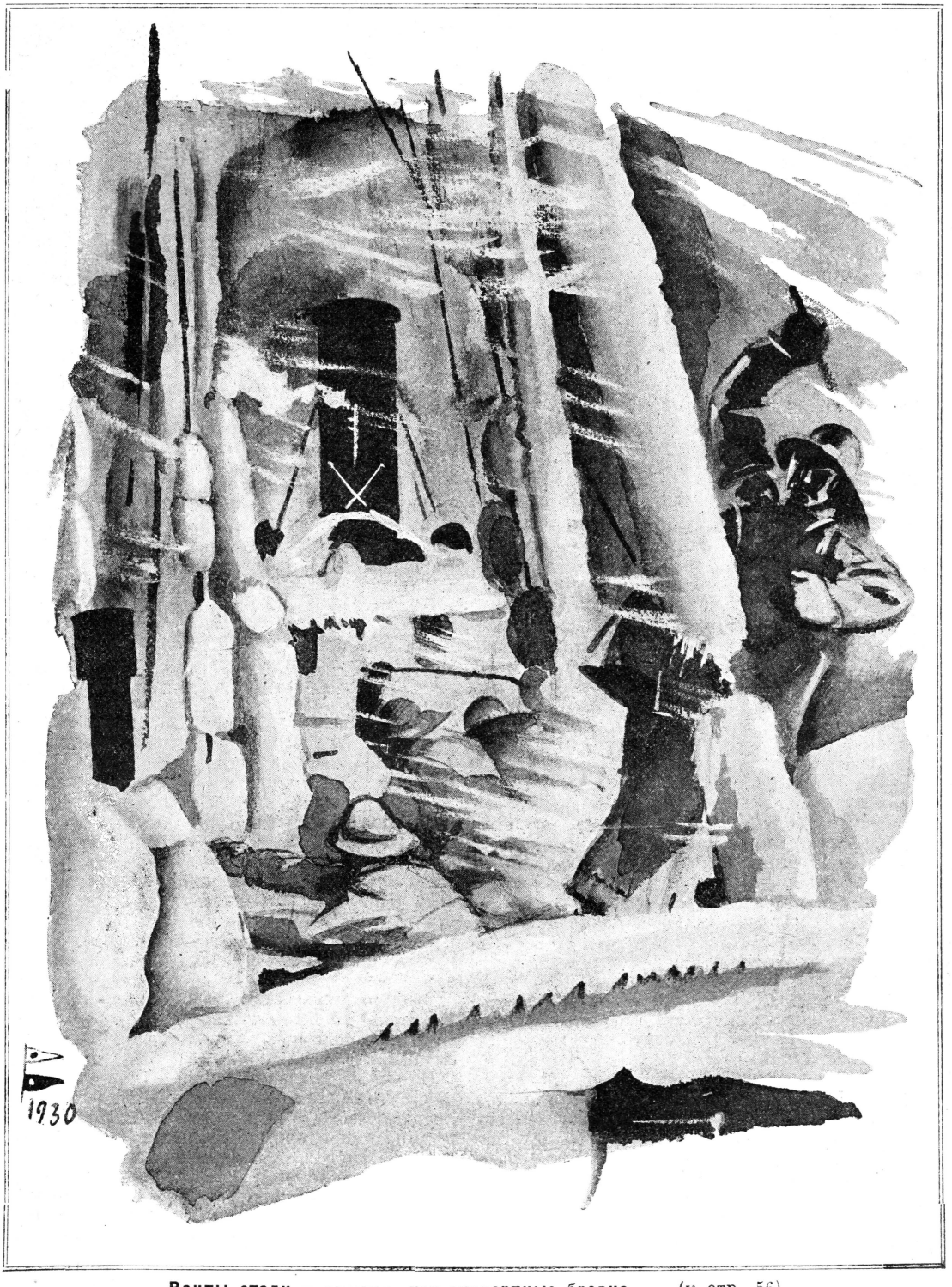
Но она уже подошла к полковнику.

— Я готова итти с тобой,—сказала она,— а вот и мои дети...

Это страничка из романа Француз К. Э., **Мститель.** Иллюстрации и обложка худ. В. А. Милашевского, изд. «Молодая Гвардия», стр. 127, ц. 1 р. 20 к.

В романе рассказывается о борьбе, которую вели галицийские крестьяне в 30-х годах прошлого века против помещиков-угнетателей и чиновников Австрийской империи. Герой романа Тарас Барабола—не историческая личность, а рядовой крестьянин-революционер, в котором ненависть к классовому врагу сочетается с религиозными предрассудками и с верой в торжество справедливости.

★



Ванты стали толстыми, как экспортные бревна . . . (к стр. 56)

ИЗ-ЗА ВАЕРА

Рассказ А. НЕКРАСОВА. Рисунки В. ГОЛИЦЫНА

Молодой журналист А. Некрасов по заданию редакции «Борьба Миров» провел 36 дней в Северном полярном море. Ему удалось поработать кочегаром, нести матросские вахты и шкерить рыбу... Беспрерывно бушевали яростные осенние штормы... В своем рассказе А. Некрасов показывает героическую работу советских моряков на крайнем Севере. Вылавливая тралом треску—ценный экспортный товар—пролетарии на борту способствуют скорейшему осуществлению пятилетнего плана...

В конторе траловой базы радист читал очередную сводку работы промыслового флота. Огромная карта висела на стене.

Карта разбита на десятимильные занумерованные квадраты. Короткая цифра сразу определяет положение тралера в море. Сообщая номера квадратов, капитаны судов спокойно говорят о ходе лова, не боясь, что около них появятся непрошенные помощники—англичане.

До разбивки карты иностранцы слетались на хороший улов, как вороны на падаль, поэтому теперь номера квадратов держатся в секрете.

Радист читал сводку, поступившую после жесткого шторма в одиннадцать баллов. Десять дней трепал он суда в Баренцовом море, не давая определиться.

В сводке нехватало «Комсомольца» РТ-50 или просто «Пятидесятки», как называли тралер в Мурманске.

Последнее радио с «Пятидесятки» гласило: «Груз 360, поднимаем 1½—2 тонны, квадрат 2...» На этом радио обрывалось, а на следующий день начался шторм.

С тех пор радист на «Максиме Горьком», исполнявшем в этот рейс обязанности флагманского судна, не принял ни единого слова с «Пятидесятки». «Пятидесятка» пропала...

В порту, в море все, кто знал «Пятидесятку», беспокоились за ее судьбу, а в Севгосрыбтресте обсуждали вопрос об организации розысков.

О «Пятидесятке» ходили различные слухи: говорили, что судно выбросило на берег у мыса Поной, что лопнули штуртросы, что тралер сел на банку где-то повыше Восточной Лицы, что заклепки в котле «Комсомольца» сдали—и теперь судно, лишенное машины, носится в океане по воле ветров и Гольфштрема.

Старшие не верили этим слухам. «Пятидесятка» была надежным новым судном, а капитаном на ней ходил Дмитрий Никитич Колупаев.

Все моряки и поморы, от Титовки до Архангельска, знали Колупаева. Он проплавал 31 год и из всех злоключений выбирался, как гусь из воды. Колупаев ходил в полярные походы, несколько раз зимовал во льдах на промысловых ботах, и, когда его считали уже погибшим, он неожиданно появлялся и рассказывал новую героическую эпопею, полную приключений, которыми так богаты плавания в полярных морях.

Когда «Пескарь» РТ-18 грузился углем, чтобы итти на восточное побережье и обследовать берега и банки, позвонили по телефону из Сеть-Наволока: «Комсомолец» в восемь утра вошел в Кольский залив без внешних признаков повреждений».

Силуэт «Комсомольца» выплыл в предутренних сумерках рыжий и некрасивый. Тралер стал подваливать к пристани.

Все было в порядке, на вантах висела свежая рыба, свидетельствовавшая о последнем трале, поднятом недавно.

Моряки высыпали на левый борт и махали руками и шапками; на полубаке суетился первый штурман в длинном норвежском рокане, а на мостике стоял сам Колупаев в своей бессменной форменке.

Без особой нужды Колупаев никогда не надевал кителя и капитанки. С тех пор как я его знал, он носил всегда один и тот же костюм: ватные брюки, заправленные в морские сапоги, короткую куртку из облезшего рыжего бобрика и шапку-ушанку, подбитую черным кудлатым бараном. Уши этой шапки торчали в стороны и особенно нелепыми казались тесемки, бесцельно болтавшиеся на ветру.

Приставал Колупаев мастерски: у самой стенки он перевел ручку телеграфа на «стоп», а минуту спустя заскрипели кранцы, и нос «Комсомольца» врезался в узкий промежуток между кормой «Пескаря» и стенкой.

Пока закрепляли швартовы я прыгнул прямо со стенки на спардек «Пятидесятки», влез по трапу на мостик и, очутившись рядом с Дмитрием Никитичем, стал вытирать о свои валенки ладони, испачканные в соленой грязи, налипшей на поручнях.

— Здорово, Никитич,—бормотал я,—что там с вами стряслось?

— Ты постой, я зайду в контору, а потом не плохо бы пойти подкрепиться: мы шесть дней сидели на рыбе и даже чифу она надоела, а он у нас, сам знаешь, штатный трескоед.

Я стоял на шканцах, кивал головой и восклицал, как автомат:

— Здорово, Вася! Здорово, Коля! Здорово, Алеша, жинка ничего, только соскучилась. Здорово! Здорово!..

Матросы выскакивали из кубрика, выбритые, приодетые и, перемахнув через трали [1], скрывались за углом рыбного склада.

Никитич застрял в конторе. Я успел сойти с судна, зайти в склад и вернуться к тому времени, когда на палубу положили сходни, а в трюм спустились женщины, работающие по разгрузке судна. Никитич вернулся, лишь когда из трюма понеслись пискливые женские выкрики «вира!», вслед за которыми появлялись полные рыбой корзины. Рабочий, стоявший на сходнях, опрокидывал над тачкой корзину и снова бросал ее в трюм с криком: «Полундра!»

— Как промышляли, Никитич?—спросил я подошедшего Колупаева.

— Хорошо промышляли, полный груз взяли,—ответил он и добавил,—ну уж и достался он нам в этот рейс. Без малого на берег сели, а то и хуже быть могло. Да пойдем-ка обедать,—спохватился Никитич, посмотрев на часы.

Мы сошли на берег и направились в город.

— Ты знаешь моих ребят,—продолжал Никитич,—команда—что надо! Не даром они первые вызвали на соревнование других тральщиков и идут впереди всех. Ты посмотрел бы, как они работают: шторм семь баллов, волна перекатывает через палубу, я объявляю манифест, но ребята не уходят пролеживать бока на койках, а чинят трал, а то и вовсе просят опять начать лов. Или ляжешь в шторм носом на волну, а тут приходит прямо целая делегация от команды и просит лечь в корыто: «Пускай, говорят, покачает, зато уголь целее». Приятно работать с такой командой, и дело идет хорошо. Хоть другой раз я и побегаю лишнего по морю, да зато как найдем рыбу, так ловим во-как,—и Никитич показал мне кулак с поднятым кверху большим пальцем.

— Почти всегда полный груз берем, а раз, перефулились так, что нас чуть не положило у Кильдина. Да что тебе рассказывать! Ты сам ходил со мной, знаешь!

— Как не знать,—ответил я, и мы помолчали немного. Никитич по привычке жевал спичку.

— Мы отбились от флота и ушли на Ост в 268 квадрат. Дней шесть никого кругом не было, но потом английский крейсер, который не ответил нам, как его зовут, пронюхал каким-то чудом

[1] Трали—фальшборт.

про наш улов, и вокруг нас появились огни англичан.

Ребята смеялись и говорили, что, мол, весело стало, как в большой деревне, но мне-то вся эта штука не нравилась. «Чего доброго, думал я, налетит снежица или падет туман, и тогда лежи и кричи, как недорезанная свинья, да смотри, чтобы какой-нибудь Чемберлен не поцеловал моего «Комсомольца» в щечку». Впрочем, на наше счастье погода была хорошая, и трюмы у нас быстро наполнялись треской и гольфштремским окунем. Угля и продуктов оставалось немного, и мы уже подумывали о том, чтобы дня через два итти в порт.

Вот тут-то и началось...

В это время мы подошли к ресторану, и, пока поднимались по лестнице, Никитич опять замолчал.

Я пошел заказывать обед, а мой славный капитан сновал между столиками и пожимал руки знакомым, которых у него было несчетное множество. То он подсаживался к матросу с транспорта, то подходил к штурману в капитанке с капустой, то перекидывался десятком слов с каким-нибудь финном. Наконец, он сел рядом с мрачным негром и затараторил с ним по-английски. Негр этот оказался коком с угольщика «Твайфорд», а в былые годы плавал на паруснике «Отелло», на котором Колупаев ходил матросом.

Обегав чуть не весь ресторан, Колупаев уселся за свободным столиком у окна. Нам подали борщ, и жадно проглотив несколько ложек, Никитич повернулся ко мне, улыбаясь всем своим широким, немножко лопарским лицом, от которого, несмотря на сорок два года, пышало молодостью и юношеским задором.

— Так вот, говорю я, началось,— сказал он, прожевывая капусту.—Говорят, на бедного Макара все шишки валятся, так на нас эти самые шишки валились прямо дождем.

Я стоял на вахте и невесело смотрел на барометр, который начал падать. Это было как раз накануне последнего шторма. Ветер крепчал, и начало немножко качать. Когда, сдав вахту, я пришел в кают-компанию обедать, наш чиф, дедушка Ильин, напустился на меня за то, что я завез в болото.

— Хреново ты, Никитич, дорогу знаешь,—смеялся он,—смотри по каким кочкам поехали,—и он показал на стол, по которому носились куски хлеба, ножи и вилки.—Вот подожди, придем в Мурманск, поедешь на оленях в Колу, тогда потрясешься, а пока, сделай милось, вези по ровной дороге.

Да! Ну еще кой о чем поболтали, и я пошел к себе в каюту подремать, а дед собрался итти в машину и заняться своей салогрейкой.

Я составил сводку и постучал в стенку радисту. Тот пришел, взял журнал, и, засыпая, я слышал, как внизу заскрипела его машинка.

Проснулся я от ужасной ругани за стеной: радист авралил и призывал все несчастья на голову деда, перебирая заодно всю его родословную.

Потом я услышал, как хлопнула дверь в соседней каюте, а две секунды спустя ко мне, как циклон, ворвался радист:

— Допрыгался трескоед проклятый,— размахивая кулаками, вопил он.—Говорил я ему: не суйся не в свое дело. Так нет, надо же... Из него песок сыплется, а он по машине лазает... Вот теперь остались мы без радио: спалил, сволочь, динамо!—и радист, выскочив из каюты, соскользнул со спардека на палубу.

Я надел шапку, рукавицы и тоже побежал в машину. Там, над маленькой динамо, работающей на радио, стоял на коленях дед и нюхал поднимавшийся из машины дымок, пахнувший ладаном и скипидаром.

Машина и в самом деле была сожжена.

Дед поскользнулся на трапе, уронил кусок проволоки в коллектор, и машина, жалобно взвизгнув, спеклась, прежде чем радист успел ее выключить. Тралер остался без радио... Дело выходило дрянь.

Тут Никитич снова взялся за борщ, с шумом глотая ложку за ложкой. Полным ртом он выбрасывал обрывки слов, из которых я составил себе приблизительно следующую картину:

В море капитан—хозяин судна, а Колупаев любит узнать мнение других. Он созвал спешное совещание.

Моряки набились в кают-кампанию. Поднялся галдеж. Все хотели плавать еще дня два, и, набрав полный груз, не отдать места по соревнованию. На худой конец помогут английские кэмрады, они ловят рядом. С ними можно сговориться огоньком, а они по радио передадут «Максиму».

Телеграмму, переписанную отдельными буквами по-английски, капитан передал радисту. Ждали подъема трала, а потом хотели попытаться сговориться с кем-нибудь из кэмрадов.

Колупаев замолчал. Я представил себе темно-синие волны Гольфштрема, украшенные белыми гребешками, ветер срывал их, нес над водой и брызгал на палубу жестким соленым дождем.

На палубе пусто. Матросы в неуклюжей непромокаемой робе, в зюйдвестках шумно и весело сидят в салоне на скамейках у столов, все время балансируя кружками с чаем, чтобы чай не вылился от качки.

В центре внимания—уродливый судовый пес Бобка, он скользит на кривых лапах по мокрой палубе и грозно лает каждый раз, когда налетевшая волна, перекатившись через фальшборт, тяжело ударяет в железную дверь салона. Тогда раздается взрыв хохота, и ребята во все горло орут:

— Куй ее, Бобка! Фью! Фью! Возьми!

И, стараясь перекричать всех, граммофон, крепко принайтовленный к низкому угловому шкафчику, надрываясь хриплым голосом, выводит:

Ночью морозной
Снег се-е-ребрился...

Где-то в глубине судна раздается звук, похожий на звонок телефона, и такой же звонок отвечает наверху, в рубке.

Пора выбирать трал. Выплеснув недопитый чай на палубу салона, матросы вешают кружки, засовывают ложки за трубы парового отопления и выходят на палубу, освещенную люстрой с мачты. Лебедка стучит, и толстые стальные тросы-ваера бегут по скрипящим блокам, накатываясь на огромные барабаны. В глубине черной воды возникает туманное голубое сияние, оно усиливается, и, наконец, показывается огромный голубой треугольник трала. Появляются окованные железом доски, привязанные к краям сети, и тяжело ударяются о дуги, на которых укреплены блоки. В пятнадцати метрах от борта всплывает огромный пузырь мотни, полный рыбы.

На борт вытаскивают бобинцы—тяжелые деревянные катушки, прикрепленные к нижнему краю сетки трала, потом железными крючками метр за метром тянут на борт мокрую сеть. Волна обдает матросов с головы до пят, сеть вырывается из рук, грозя утащить за борт людей, но они все тянут и тянут, пока мотня не подходит к борту.

Ее перевязывают канатом, зацепляют за крючок и на стреле поднимают лебедкой.

Мотня скользит по борту и, переваливаясь через трал, нависает над палубой, точно огромная серая груша.

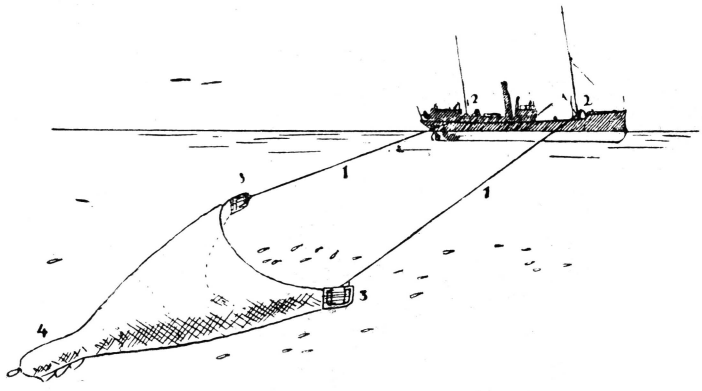
Тралмейстер развязывает узел на мотне. Она сразу тощает, а на палубе в ящике начинает биться скользкая серая треска, толстый красный окунь, камбала и мелкие селедки.

— Трал взяли на борт,—продолжал Колупаев,—я открыл окна рубки, стал у него, а радист, положив руку на ключ, выстукивал позывные огоньком.

Четверть часа нет ответа. Вдруг на мачте одного из англичан замигал огонек. Мы передали: «Говорит РТ-50 «Комсомолец», очень важно, просьба от 19 : 45 до 19 : 50, волна 406 метров, передать РТ-50 «Комсомолец» испорчено радио, остальное в порядке, промышляем до 23, ловим хорошо».

На мачте гаснет последнее тире, радист впивается глазами в англичанина. Он не знает английского языка и записывает буквы. Я слежу за его рукой и ругаюсь, дочитав ответ: «Не понимаю, вызываю сторожевое судно для переговоров с вами».

Я перевел телеграмму, и радист заавралил:



Как ловят тралом:

1. Ваера
2. Траловые дуги
3. Распорные доски
4. Мотня

— Понимают, сволочи,—завопил он.— Только боятся. У них тоже дисциплина на этот счет. Ух, Чемберлены проклятые!—и он ключом выстукал несговорчивому кэмраду крепкую ругань по-русски.

Делать нечего. Надо ждать крейсер, и я командую: «Трал за борт!»

Четыре раза поднимает трал «Комсомолец». Налетела снежица.

Зыбь сразу улеглась, ветер стих, но зато сильно похолодало, и за метр ничего не видно. Сигнальные огни на мачте казались тлеющими угольками, а матросы на палубе копошились, как привидения. Крупная треска в ящике вся засыпана мокрой снежной кашицей. Далеко-далеко раздаются гудки ближайшего соседа, «Комсомолец» гудит в ответ.

Мы стоим на долготе Иоканки, а к осту, полукругом миль в пять, расположились англичане.

Мы были в центре полукруга, и, если бы пошли на норд-вест, нам меньше всего грозила бы опасность столкновения. Так мы и сделали.

Не выбирая трала, ведь, мы не кататься пришли, а рыбу ловить, так вот, с тралом мы взяли курс на норд-вест и пошли, каждые десять минут нарушая тишину снежной полярной ночи хриплым гудком. Гудок англичанина становился все тише и тише, и я успокоился совершенно.

Тут-то и случилось самое худшее.

Только я собрался пойти поспать часок перед вахтой, как мы услыхали гулкий рев сирены откуда-то с веста. Это не мог быть тральщик, и, уж конечно, это не был транспорт, потому что ему там делать нечего.

Оставалось одно: это был крейсер, шедший по вызову англичан. Судя потому, как быстро приближался звук сирены, мы решили, что крейсер идет узлов двадцать. Скоро рев его стал всем хорошо слышен, и у меня мороз пошел по коже от перспективы очутиться на его пути.

Единственно, что мы могли сделать, это гудеть почаще, а все остальное зависело от внимания и счастья. Конечно, было бы неплохо выбрать трал, но для этого надо было остановить судно, а это лишило бы нас возможности в нужную минуту сделать поворот, в котором, может быть, заключалось наше спасение.

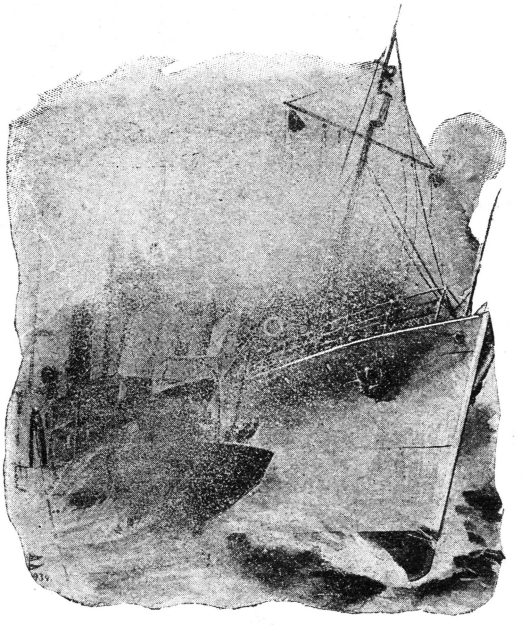
Все мы напряженно ждали. Кочегар нашуровал топку и поднял пар до марки, машинист стоял наготове у телефона, а я вызвал в рубку второго матроса на руль и велел включить паровой штурвал. Все остальные встали на левом борту и всматривались в непроглядную снежную ночь.

Рев сирены раздавался все ближе и ближе. Скоро стало казаться, что он совсем рядом, и каждую минуту мы ждали того момента, когда в темноте покажется сигнальный огонь...

«Только бы не слишком поздно», думал я.

Тут нам подали котлеты, и Никитич накинулся на них, а я попытался представить себе нарисованную им картину.

Я вспомнил такую же снежную ночь. Я стоял тогда на полубаке, на самом



Крейсер несся на нас, вспенивая воду...

носу судна, и смотрел на рубку и на палубу, ветра не было. Судно почти не качало. Впереди был непроглядный, холодный мрак, а сзади—мачта с еле видным трехцветным фонарем, с сигнальными огоньками и с люстрой, освещающей палубу. Свет от люстры разбегался большим треугольником, темно-серым, с белыми крапинками снега. Тяжелый, твердый, крупный снег стремительно сыпался на палубу и, смешиваясь с соленой водой, превращался в густую кашу.

Страшно было подумать, что на сотни километров кругом сыплется такой же снег, вверху тоже снег, а внизу сто метров холодной соленой воды.

Если ко всему этому прибавить возможную смерть, которая каждую минуту приближается в образе острого форштевня тяжелого серого крейсера да еще вопит раздирающим душу воем о своем приближении, становилось совсем жутко, и у меня мороз пробежал по спине. Только забота об остывающей котлете вернула меня к действительности и напомнила, что я не в море, а в довольно шумном ресторане.

Никитич доел свою котлету, пожевал спичку и продолжал:

— Все затихло на нашем судне, и прерывистый рев сирены каждый раз заставлял нас вздрагивать. Вот он раздался совсем близко, и вдруг в темноте мы увидели быстро увеличивающийся огонек, потом еще два, а секунду спустя, сквозь снег и ночь, мы разглядели огромный серый силуэт крейсера, который несся на нас, рассекая и вспенивая воду. Воображение дорисовало очертания судна, и казалось, что столкновение неизбежно.

Я перевел ручку машинного телеграфа на полный ход и скомандовал: «Право на борт!»

Англичанин тоже заметил нас и круто рыскнул влево. Несколько секунд спустя, его низкий борт с тускло светящимися пятачками иллюминаторов пронесся слева от нас.

Опасность миновала. Все облегченно вздохнули и начали расходиться по своим местам. Вдруг наше судно рвануло, оно затряслось всем корпусом, а стопор на лебедке жалобно засвистел и сдал. Один из ваеров страшно натянулся и, казалось, готов был лопнуть.

Мне сразу ясно стало, в чем дело. Я перевел ручку телеграфа на стоп, и когда из машины ответили: «Есть стоп!» — я почувствовал, как бьется у меня сердце.

Дело в том, что мы ловили левым тралом, и, когда взяли «право на борт», ваер попал под корму и теперь запутался в лопастях винта.

Положение было прескверное. Мы теперь остались без радио и без машины, а судя по ветру, который начал дуть с норда, и по тому, как упорно не хотела итти кверху стрелка барометра, должен был начаться хороший штормяга, как только кончится снежица.

Надо было срочно принимать меры, и снова мне пришлось созвать совещание.

Мы решили попытаться с шлюпки распутать ваер.

Спустили шлюпку. Штурман и трое ребят сели в нее, захватив фонарь, маленький дрек, концы и багры. Остальные столпились на юте и старались разгля-

деть, как идет работа. Скоро ребята прокричали нам, что зацепили ваер дреком, но поднять не могут потому, что у судна он натянут слишком сильно. Они решили отойти подальше и попытаться еще раз.

Огонек их фонаря скоро скрылся из глаз, но крики еще долго были слышны. Потом и крики затихли, и на нашем замолкшем судне раздавался только свист ветра, который начал заметно крепчать.

Мы ждали. Пять... Десять.. Пятнадцать минут отмечал нам гудок. Сорок... Сорок пять, а шлюпки все нет и нет.

Ветер все крепчал и крепчал. Зато снег стал много реже, и с юта можно было уже различить мостик мачты и полубак. Скоро снег совсем перестал, и с зюйд-оста опять загорелись разбросанные огоньки англичан. А прямо к югу от нас, милях в полутора, горел маленький огонек нашей шлюпки. Волна еще не поднялась, и скоро мы увидели, что шлюпка хорошим ходом пошла на норд-ост. Потом на секунду огонек ее скрылся от нас, а когда мы снова его увидели, шлюпка шла уже прямо на нас.

Ребята наши хорошо справлялись с парусами и подошли к судну, как по заказу. Им бросили конец, а еще через десять минут шлюпка с убранным парусом висела на талях, точно ее и не трогали.

Оказалось, что, отойдя от судна, ребята упустили ваер и, не видя наших огней, сидели и ждали, когда кончится снежица, поставив на всякий случай парус. Бояться им было нечего, потому что кругом было много судов и ветер мог подняться только тогда, когда кончится снег.

Но ветер стал уже здорово крепким и каждую минуту грозил перейти в шторм, который по всем признакам обещал разразиться на славу. Наше положение было из рук вон плохо: мы были в полутораста милях от берега, и, если бы шторм продержался дней пять, нас могло выбросить на берег около Иоканки, а эта перспектива нам совсем не нравилась. Что-то надо было сделать или, в крайнем случае, дать SOS англичанам, а потом заплатить тысяч сто золотом за спасение «Пятидесятки».

Этого мои ребята нипочем не хотели, и в третий раз в этот злополучный день началось совещание тут же, на юте, на ветру, под открытым небом.

Решили, пока не поднялась волна, рубить ваер на винте.

Для этого одному надо было опуститься в ледяную воду и там в темноте и холоде ощупью пропустить тонкий стальной трос под ваер, который мы думали перепилить тросом.

Послать кого-нибудь на такую работу я не мог, но, ты поверишь, нашлось шесть охотников сделать это.

Наш выбор остановился на Ване-тралмейстере. Он—здоровый парень и плавает, как рыба. Да, ведь, ты его знаешь, он в прошлый год ходил на «Ерше» засольщиком.

Так вот, мы принялись снаряжать Ваню. Притащили конец манильского троса и наскоро связали из него нечто в роде сбруи, в которую должен был залезть Ванюшка. Снизу на свободный конец привязали старый колосник, чтобы не тащило парня кверху, а самого его ребята увели на котел в кочегарку и принялись натирать тавотом. Потом надели на него фуфайку и ватные штаны, и скоро наш водолаз появился на юте, готовый к спуску.

Конец стального троса он крепко зажал в левую руку, а вокруг поясницы обвязал тонкий шкертик, за который обещал дернуть три раза, когда станет невтерпеж.

Сбрую пропустили ему между ног, обвязали вокруг пояса и на груди, а на спине завязали узлом. Боцман двумя руками ухватил канат повыше узла и приподнял немножко Ваню.

— Ладно так?—спросил он.

— Ладно, сойдет,—ответил Ваня, и его скуластая морда разлезлась в улыбку, совсем не подходящую к обстановке.

Наконец, все было готово, и канат перекинули через блок, с которого бросаем лот.

Колосник бросили за борт, а Ваня перелез через поручни и, спустившись на руках, повис над водой.

К этому времени волна была уже порядочной, и страшно было смотреть на

человека, который сейчас должен был погрузиться в воду—холодную и неспокойную. Еще страшней было представить себе, что там, на глубине четырех метров, он должен пробыть минуту или больше без дыхания, без света и не только пробыть, а сделать трудное дело, от которого зависела участь судна и тридцати двух человек.

Но Ванюшка, который покачивался на канате, был внешне совершенно спокоен и твердым голосом гаркнул: «Трави, ребята!»

Ребята медленно стали отпускать канат. Колосник скрылся в воде, и скоро накатившаяся волна обдала ноги Ванюшки повыше колен.

Не знаю, как он, а я за него поежился от холода, который вдруг ощутил всем телом.

Потом волна отлегла, и Ваня снова повис в воздухе, а следующая волна захлестнула его с головой, и он уже не показывался больше до конца своей подводной экспедиции.

Я держал в руке сигнальный шкертик и, должно быть, ничего не слышал и не видел в это время. Все мое чутье перешло в правую руку, которой я ощущал, как он там внизу плавает и копошится.

В этот рейс мы плавали сорок два дня, но думается мне, что все эти дни прошли скорей, чем те полторы минуты, которые Ваня пробыл в воде. Мы замерли на юте и ждали бесконечно долго.

Вдруг я почувствовал один за другим три резких рывка шкертика и не своим голосом, что было силы, заорал: «Вира!»

Ребята сразу потянули канат, и тут я с радостью заметил, что стальной трос, разматываясь с катушки, быстро убегает в воду. Несколько секунд спустя, Ваня показался над водой с зажатым в руке концом.

Дело было сделано.

Как мешок, перетащили ребята закоченевшего парня через поручни и чуть не на руках понесли на котел в кочегарку. Трос закрепили, и все побежали посмотреть на героя. Он стаскивал с себя мокрую робу и явно наслаждался теплом.

— Эх, рюмочку бы ему!—сказал кто-то из ребят. И тут радист вспомнил, что у него осталось полбутылки портвейна, и через полминуты стоял перед Ваней с бутылкой в руках. О кружке никто не подумал. Да она и не нужна была: Ваня духом, из горлышка, выхлестал вино и, одевшись в сухую робу, пошел в кубрик и завалился спать.

Мы все снова собрались на юте. Двое взяли конец троса и принялись пилить, постепенно перепуская трос, чтобы он не перетерся прежде ваера.

Час сорок минут тянулась эта нудная работа, и час сорок минут ни один из нас не ушел со спардека, несмотря на холод и ветер, который дул теперь баллов на восемь.

Волнение опять разыгралось, и «Комсомолец», лежавший в корыте, трепался, как щепка. Ветер жутко свистел в вантах и, срывая с волн гребешки, нес целый дождь соленых брызг, которые, попадая на судно, замерзали покрывая все толстым слоем льда.

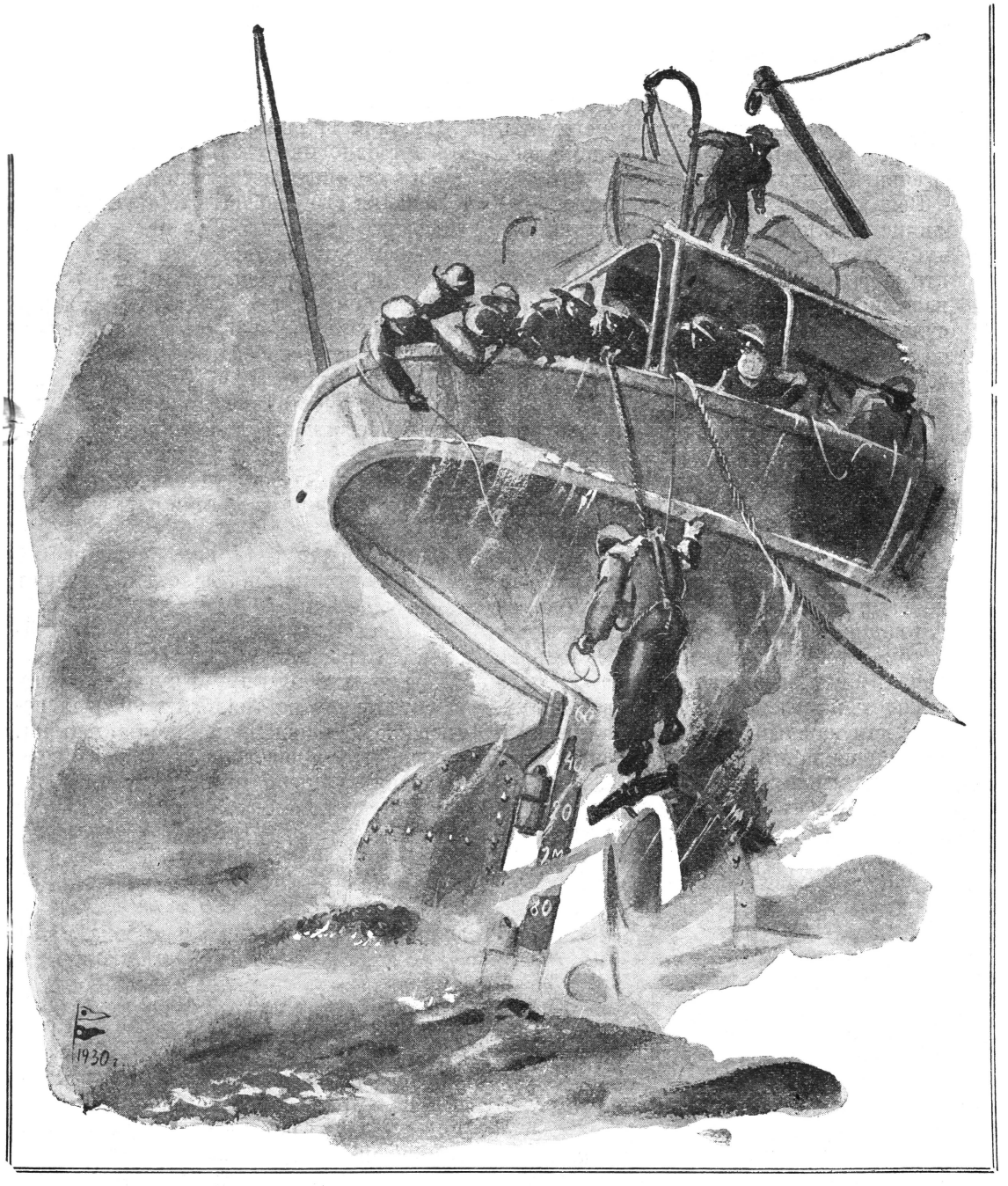
Наконец, трос в руках ребят ослаб, а минуту спустя мы почувствовали легкий толчок, от которого вздрогнуло судно,—это освободившаяся доска трала, превратившаяся теперь в якорь, натянула оставшийся ваер, и судно из корыта стало медленно переходить кормой на волну.

Мы были спасены.

Весело было смотреть, как ребята вытаскивали испорченный трал, хотя это была и нелегкая работа. Надо было руками поднять все тридцать четыре метра сетки с тяжелой доской на конце, но ребята быстро справились с этим, несмотря на разыгравшийся шторм. Наконец, весь трал был на борту, а в ящике лежала, перекатываясь от качки, заснувшая в мотне треска.

Машина опять заработала, и мы встали носом на волну, чуть-чуть подвигаясь вперед малым ходом.

Вот тут мои ребята показали себя настоящими героями. Вместо того, чтобы итти отдыхать, они принялись шкерить и ушли в кубрик только тогда, когда на палубе не осталось ни одной рыбины.



Ребята медленно стали отпускать канат...

Только недолго пришлось им отдыхать. Мороз крепчал, и судно все больше обрастало льдом. Всюду висели сосульки, спардек и мостик превратились в катки, а ванты стали толстыми, как экспортные бревна.

Десятки тонн льда, с каждой минутой утолщавшегося, грозили перегрузить судно, завалить его набок, и пришлось объявить подвахту.

Вся команда, кроме вахтенных, машиниста и кочегара, высыпала на палубу—кто с головорубом, кто с топором, кто просто со здоровым болтом. Я и сам взял железный прут и стал сшибат сосульки со шканцев. Горы льда сыпались на палубу, и волны, перекатывающиеся через фальшборты, смывали весь его за борт, в море.

Все десять дней, пока продолжался шторм, мы через каждые четыре часа проделывали эту скучную операцию, и только когда шторм стих и стало теплее, мы, наконец, вздохнули свободно.

Хотя прошло с неделю, как мы доели хлеб, мясо и сахар, а курильщики подобрали последние крошки махорки из карманов, ребята и слышать не хотели о том, чтобы итти в порт без полного груза. Угля было еще дней на шесть, а посидеть на рыбке для нас не в новинку. Кок нам каждый день готовил треску и окуней на новый лад, а мы снова взялись промышлять.

Починили трал и стали опять таскать рыбу из моря, как из ухи. Уже на другой день трюмы были полны, и ребята, ожидая близкого конца лова, брали шабашку и развешивали на вантах отборных окуней и треску. Больше нечего было делать в море, и, взяв курс прямо на Сеть-Наволок, я скомандовал: «Полный ход!»

Ну, как видишь, все сошло хорошо. Но вот одно мне уж больно обидно: по дороге мы опять встретили англичанина и просили его сообщить «Максиму», что у нас все «ол-райт». Так нет же, опять мерзавец отбрехался, ответил: «Айдон-т», и радист обложил его по-русски.

И чего ему стоило, не понимаю? Ведь, не на базаре мы, а в море, и с каждым может случиться беда.

Нам подали кофе, и Никитич залпом осушил свой стакан. Должно быть, во рту у него пересохло от долгого рассказа.

Мы встали, расплатились, и у двери Колупаев, точно вспомнив вдруг что-то, сказал:

— А, пожалуй, у них большой зуб на нас в этих морях. Уж больно им хвост тогда начесали.

Я понял, что он говорит об английской интервенции в этих местах.

Мы пожали друг другу руки. Никитич зашагал вниз на тралбазу. Он шел нетвердой походкой, какой ходят моряки, только что пришедшие с моря, и скоро скрылся за поворотом.

А. НЕКРАСОВ

★

СЛЕДУЮЩИЙ МИР

Научно-фантастический и политический роман **Э. ЗЕЛИКОВИЧ**

Загадочное исчезновение при взрыве в лаборатории проф. Брукса и его ассистента Брайта вызывает сенсацию. Трупы исчезнувших не найдены. Через некоторое время Брайт возвращается не менее загадочным образом и сообщает, что им и проф. Бруксом была совершена экспедиция. Брайт вернулся для составления отчета о путешествии по линии 4-го измерения и пережитых вместе с профессором приключениях. Таковое краткое содержание предыдущих глав. Ниже продолжается описание путешествия в «Следующий мир».

11. Чудесные спасители [1]

Когда я проснулся, профессор был на ногах. Во время сна он заботливо укрыл меня от палящих лучей солнца, уже высоко стоявшего на небе.

— Что теперь... Брайт?—тихо спросил он, не глядя на меня.

— Теперь надо укрыться в тени,— невозмутимо ответил я.

Как ни странно, но, несмотря на безнадежность положения, мы все еще цеплялись за существование, бессознательно решив держаться до конца. Итак, мы молча двинулись ко вчерашнему месту. Ощущение голода как-будто притупилось, но зато жажда стала буквально невыносимой. Напрягая остатки последних сил, мы с огромным трудом достигли ближайшего убежища и в совершенном изнеможении опустились на «землю».

Солнца заметно передвигались во всем своем великолепии по идеально чистому бездонному небу... Ни разу за все время своего пребывания здесь мы не заметили и тени, похожей на облако. Задумчиво глядя в глубокую и пустую синеву горизонта, я обнаружил внезапно какую-то точку. Лениво вынув подзорную трубу, я нехотя занялся наблюдением.

— Что там?—вяло спросил профессор.

Я не ответил—мое внимание было всецело приковано к девяти предметам продолговатой формы, приближавшимся с большой быстротой.

Профессор поднял голову.

— Что такое?—настойчивее повторил он вопрос.

Я молча протянул ему трубу. Судя по тому, как быстро он выхватил ее из рук, лицо мое, вероятно, сильно изменилось...

— Это—люди! Живые существа!— закричал профессор.—Мы спасены!

Через несколько мгновений недалеко от нас опустились на землю изящные эллипсоиды, метров десяти в вышину и двадцати пяти в длину. Вся поверхность их была отшлифована шестиугольными блестяще-черными, как полированный мрамор, гранями, а металлическая оправа, подобно серебру, сверкала на солнечном свете. Это не было игрою природы— подобные тела могли быть созданы только разумными существами. Было ясно, что это—воздухоплавательные снаряды, хотя крылья, пропеллеры совершенно отсутствовали.

— Брайт! Мы спасены!—опять закричал профессор.—Здесь должны быть не-

[1] Начало смотри в январской книжке ежемесячника «Борьба Миров».

обычайно культурные существа! Их техника выше нашей—они на тысячелетия опередили нас!

В середине каждого снаряда виднелись очертания кругов. Эти круги вращались, как-будто их изнутри вывинчивали. Через несколько секунд они отскочили, подобно крышкам, оставаясь висеть на нижних петлях. Внутри что-то задвигалось и заблестело, и тотчас же снаружи появились живые существа.

— Брайт!—раздалось третье восклицание профессора.—Они прилетели с Сатурна! Это—сатурниты!..

Первым, что бросалось в глаза, была блестящая чешуйчатая поверхность тела этих существ и их вышина, превышавшая, на взгляд, два с половиною метра. Благодаря чешуе они производили впечатление стаи огромных фантастических человекорыб. Широкоплечие и пропорционально сложенные, они были необычайно стройны. Твердой и легкой поступью неведомые существа направились прямо к нам. Казалось, что они н е с л у ч а й н о на нас набрели и даже не искали нас, а з н а л и, что мы именно здесь находимся, и специально и з - з а н а с прилетели. Я сразу же уловил в движениях этой толпы великанов общий гармонический ритм. Они были прекрасны, но вместе с тем и страшны своим ростом и непривычной для человеческого глаза внешностью. Я вздрогнул и растерянно пробормотал:

— Спасение ли это, не преждевременна ли была наша радость?.. Так называемые «цивилизованные народы» — хуже любого зверя..

О сопротивлении или бегстве не могло быть и речи. Сатурниты остановились, один из них отделился от группы и вплотную подошел к нам... Я убедился, что он был человекообразным существом, правда, несколько иного типа, но схема организма была, несомненно, одна и та же. Отсюда следует, что построение нашего корпуса и членов является наиболее целесообразным. Здесь действует, очевидно, общий для организмов всех миров закон, на основании которого филогенетический процесс завершается формой человеческого тела.

Сатурнит протянул вперед руку... Как затравленные карлики, мы испуганно отшатнулись. Сатурнит отошел к своим товарищам, но тотчас же вернулся, протягивая нам какие-то неизвестные плоды. Это был уже явный акт дружелюбия. Никаких сомнений более не оставалось, и мы поняли, что спасены. Я едва не разрыдался: нервное напряжение внезапно ослабело, и наступила реакция.

— Берите же, Брайт! — воскликнул профессор. На лице его светилась радость,— он улыбался и с восхищением смотрел на наших гигантских спасителей.

Я робко взял плод и начал его есть. Он был мясист, сочен и ароматен, как ананас, своею же формой и величиной походил на небольшую дыню.

Сатурниты издали звук — мелодично-протяжное «и́-и», являющееся, повидимому, возгласом одобрения. Итак, у них существует речь. Заметив, что мы голодны, они вынесли нам какую-то пищу. Мы попытались угадать, из чего она приготовлена, но не смогли. Она оказалась, впрочем, необыкновенно вкусной. Пока мы ели, сатурниты продолжали спокойно стоять, очевидно изучая нас. Когда все было съедено, профессор вынул свою фляжку и сделал вид, что пьет. Затем он опрокинул ее вверх дном, показав этим, что фляжка пуста. Сатурнит отошел к товарищам и, тотчас же вернувшись, протянул нам металлический сосуд с самой настоящей и притом холодной водой.

Утолив голод и жажду и придя в себя после первых впечатлений, мы снова почувствовали невыносимую жару. Сатурниты, повидимому, нисколько от нее не страдали: они стояли, как ни в чем не бывало, под палящими лучами солнц с

непокрытыми чешуйчато-безволосыми головами...

Профессор снял свою куртку и начал обмахиваться: это должно было означать, что ему жарко. Сатурнит повернулся к группе и издал несколько мелодичных звуков разной высоты—«у-о́у-и!» Его речь походила на музыкальную фразу. Один из великанов вошел в снаряд и вернулся оттуда с чешуею в руках.

— Это не кожа, это—одежда!—изумленно воскликнул я, повернувшись к профессору.

Мы взглянули друг на друга и расхохотались. Безмолвные зрители издали новую протяжную ноту—«а́-юйи!» Становилось весело. Сатурнит подал нам чешую и знаками предложил переодеться. Мы тотчас же сбросили с себя тяжелое, грубое земное облачение и через минуту щеголяли в новых «костюмах». Они пришлись нам как раз по росту—это был, очевидно, «детский размер».

— Теперь мне остается только выступить в этом «смокинге» в университете на лекции...—бормотал профессор, ощупывая свои блестящие рукава.—Мои дорогие коллеги давно уже подозревают, что я—не совсем в своем уме.

Своеобразный наряд—эластичный и легкий—оказался необычайно прохладным, мы сразу почувствовали себя свободно и бодро. Искусно сотканный из отдельных блесток неизвестного нам металла, он нежно и мягко, но вместе с тем и плотно облегал все тело. Блестящая поверхность отражала максимум солнечных лучей, которые, казалось, совершенно не падали на наши головы.

— Не знаю, как вы,—заявил я профессору,—но я от всего этого в восторге и совершенно не желаю вернуться на Землю!

— А всего только полчаса тому назад собирались пустить себе пулю в лоб.

Сатурнит явно выражал намерение беседовать с нами: плавно двигая руками, он указывал поочередно на нас, на небо и почву, но все это было непонятно. Мы оказались менее сообразительными, чем они.

— Ба!—воскликнул, наконец, профессор.—Они спрашивают нас, откуда мы взялись и как сюда попали! Но как им объяснить это? Вот, действительно, задача!

Сняв чешуйчатую перчатку, профессор вынул карандаши и записную книжку. Несколько сатурнитов окружили его, ожидая, что он будет делать. В течение десяти минут профессор чертил геометрические фигуры и системы координат, желая внушить этим мысль о четвертом измерении. Окончив, он вопросительно взглянул на своих слушателей. Они безмолвно протянули руки, указывая на исписанные листки. Профессор тотчас же вырвал их и отдал. Сатурниты намеревались, очевидно, заняться их изучением.

Неизвестно, поняли ли они данные им объяснения, но во всяком случае временно удовлетворились. Спрятав листки, первый сатурнит издал несколько певучих звуков—«а́и-у́е-йи». Тотчас все остальные расступились, образовав две шеренги. Пройдя несколько метров, сатурнит обернулся, отошел в сторону и крайне вежливо уступил нам дорогу. Мы поняли и смело зашагали вперед. При этом мы забыли о своих вещах, но предупредительные друзья собрали их и взяли с собой. Я бросился назад и схватился за узел, не желая утруждать несшего их сатурнита, но он мягко отстранил мою руку. Это не ускользнуло от внимания проводника: он поднял руку, и узел был немедленно возвращен. Сатурнит решил, очевидно, что мы опасаемся за участь своих вещей и, не желая вызывать никаких сомнений, приказал отдать их.

Нас подвели к одному из снарядов. Указав на открытый люк и на нас, проводник остановился в выжидательной позе; он отнюдь не заставлял нас войти, предоставляя право свободного выбора. Сатурниты были положительно лучше людей, и в течение четверти часа они целиком завоевали наше расположение и чувство глубокого уважения.

Итак, нам предлагали лететь на Сатурн. Это было необычайно заманчиво... Профессор оживился и воскликнул:

— Летим с ними, Брайт!

Несмотря на то, что оставаться здесь все равно было невозможно, меня охватили опасения...

— А не будем ли мы,—сказал я,—раздавлены там чудовищной силой тяжести и давлением атмосферы?

Профессор рассмеялся.

— Разве вы не видели, как легко и свободно они чувствуют себя на этой планете? Если бы в их среде было такое тяготение и давление, как вы думаете, они бы прыгали здесь, как кузнечики, и неминуемо разорвались бы на куски!

Вопрос был решен, и мы уверенно вступили в снаряд. Воздух огласился всеобщим музыкальным одобрительным—«й-и»!

12. Междупланетный полет

Черные блестящие грани были полупрозрачны, и в снаряде царил мягкий, ровный свет. Не разделенный на части эллипсоид походил на большой зал первоклассного трансатлантического парохода. Сложная, гармонично расположенная обстановка говорила о большом вкусе его владельцев. Мозаичные подобия наших земных столов и кресел, а также десятки различных предметов и приспособлений поражали красотой и богатством форм. При повороте головы все меняло свой тон, искрилось и блестело мягко, не режа глаз. Впечатление завершалось неизвестными нам приборами, носившими те же признаки легкости и совершенства. Приятно-прохладный воздух был пропитан едва уловимым ароматом. И никаких следов машин.

— Какая прелесть!—воскликнул профессор.—Но где же машины? Не святым же духом они прилетели!

Лететь же они, повидимому, еще не собирались: люк оставался открытым, и лучи солнца горячими струями вливались через широкий проход. Безмолвно наблюдая за нами, сатурниты следили за всеми нашими движениями, продолжая, очевидно, изучать нас. Одно нас радовало и возбуждало—некоторое чувство гордости: судя по нашему снаряжению, одежде и чертежам профессора, они не могли считать нас пришельцами из некультурной страны.

Обойдя помещение снаряда, мы остановились, считая осмотр законченным. Заметив это, сатурнит вышел наружу и, подавая нам знаки, указал на видневшуюся вдали тряпку. Мы поняли, что он хотел этим сказать, и, захватив с собой некоторые приборы, направились к холмику. Все сатурниты толпой последовали за нами. Хотя это и не могло быть понятным, но, основываясь на данных в чертежах объяснениях, профессор вынул магнетто и начал вращать его ручку. И вдруг послышались жужжание и свист, и в пространстве образовался черный зияющий провал, через который посыпались каскады искрящихся лучей... Я застыл, как вкопанный, магнетто вывалилось из рук профессора и с треском упало на почву... И сразу же все исчезло.

Из уст зрителей хором раздалось громкое и восторженное: «у-ва-у!» Они были поражены так же, как и мы, увидев мир, откуда мы появились.

— Брайт!—закричал профессор.—Сколько событий в один день! Мы сможем вернуться домой и обо всем рассказать! Мы не отрезаны—мы прочно связали два мира! Но не теперь,—прибавил он,—мы полетим сначала с ними и изучим их край!

Затем, окинув взглядом величественную толпу сверкающих на солнцах великанов, он медленно и торжественно произнес:

— Никогда еще, дорогой мой юноша, я не испытывал в жизни такого прилива гордости, как в момент этой невольной демонстрации трудов моей жизни перед этой достойнейшей аудиторией.

— И я горжусь перед ними, мистер Брукс, но не собою, а вами и не жалею, что еще недавно был готов вместе с вами умереть!

Мы яростно пожали друг другу чешуйчатые металлические руки. Но, очевидно, и сатурниты пожелали выразить свою оценку происшедшему: двое из них приблизились, схватили нас и неожиданно подняли вверх. Прижав нас к своим мощным грудям, они пошли по направлению к снарядам, и вся толпа

сопровождала их с громким пением: «И-вý-и!»

Солнца катились к горизонту.

Сатурниты быстро разместились по эллипсоидам, захлопнули люки и герметически завинтили крышки. Внутри было уже темно. Внезапно шестиугольные грани засветились мягким голубым светом, и предметы приобрели фантастический оттенок, причудливо переливаясь голубыми тонами.

Все сели, прислонившись спинами к стенам. Один из сатурнитов подошел к центральному столу и повернул его крышку. Мы ощутили толчок и тяжесть в ногах и почувствовали себя крепко прижатыми к сиденью и спинке: снаряд поднимался, очевидно, с большим ускорением вверх. Все это произошло бесшумно, без малейшего звука мотора.

— Так вот где их машина!—воскликнул профессор.—То, что мы принимали за столы, является на самом деле аппаратами. Но нам так же трудно будет понять принцип их действия, как дикарю —устройство радиоприемника. Брайт,— прибавил он, с трудом потирая отяжелевшие руки,—сколько интересного предстоит еще впереди! Но посмотрим, однако, как далеко мы улетели от нашей луны.

Я повернулся, желая выглянуть через шестиугольные окошки, но ничего не увидел: испуская голубой свет, они потеряли прозрачность...

— Мистер Брукс, вы обратили на это внимание?

— Да. Этот принцип освещения куда лучше наших режущих глаза раскаленных нитей электрических ламп.

Поняв, что мы хотели взглянуть на покинутую планету, сатурнит повернул крышку своего стола, и семь окошек под ногами прекратили свечение и стали кристально-прозрачными. Огромный блестящий серп занял все поле зрения.

— Судя по видимой величине планеты,—сказал профессор,—мы удалились от нее уже на много сотен километров. При ускорении, необходимом для того, чтобы покрыть в течение нескольких минут это расстояние, недостаточно чувствовать только тяжесть в ногах: очевидно, здесь фигурируют иные свойства тяготения этого мира или же, вернее,— специальные приспособления сатурнитов. Какая у них, однако, изумительная техника! Но подождите, мы все это узнаем!

Стоявший рядом с нами сатурнит деликатно взял нас под руки и подвел к одному из круглых столов. Затем он наклонил его доску, и мы увидели на темном фоне изображение Сатурна с четырнадцатью лунами. Представленные в натуральном освещении, т. е. огненно-желтыми, они двигались и вращались.

— Это—кинокартина,—высказал я было предположение, но сразу же запнулся, заметив, что ни под столом ни над ним ничего нет...Он стоял совершенно изолированно, и никаких признаков механизма или связи с каким-либо аппаратом не было.

— Нет!—воскликнул профессор.— Под столом вы ничего не найдете. Я убежден, что это изображение транслируется сюда с их планеты при помощи радиоволны.

Обратив наше внимание на видневшийся в окошках серп, сатурнит указал на один из спутников Сатурна на изображении. Таким образом мы узнали, на какой именно луне мы находились.

— Интересно было бы проверить, действительно ли мы летим на Сатурн...

— Сейчас попытаюсь.

Я обвел руками помещение эллипсоида и протянул палец—сначала в пространство по направлению полета, а затем—к столу. Сатурнит, к моему удивлению, указал не на центральную планету, а на один из ее спутников...

— Неужели он не понял?—я вопросительно взглянул на профессора. Он засмеялся и ответил:

— Нет! Он понял и дал вам правильный ответ: мы летим именно на указанную луну! Я уже раньше предполагал это. Понимаете, в чем тут дело?

— Замечательно!—воскликнул я, сообразив.—Так вот чем объясняется, что сатурниты не страдали на покинутой нами планете от пониженного давления и тяготения! Да они—не с Сатурна!

— Совершенно верно.

Сатурнит внимательно прислушивался к нашим словам, и у меня возникла странная мысль...

— Вам не кажется, мистер Брукс, что он понимает, о чем мы говорим?..

— Возможно. Мы не знаем, что это за существа и какие у них способности...

В этот момент «рулевой» поднял вверх руку, как-будто о чем-то предупреждая, и двое сатурнитов обхватили нас крепко за талию. Затем с магическим столом было что-то проделано, и снаряд внезапно опрокинулся «вниз головой»... Мы забарахтались, как пойманные лягушки, и почувствовали, что потеряли свой вес: тяготение было уничтожено—снаряд пересекал, очевидно, «нейтральную зону» между двумя планетами. Через несколько мгновений мы снова стояли на первоначальном полу, но теперь под ним была уже планета, к которой мы приближались.

Та ловкость и спокойная уверенность, с какой сатурниты проделали этот сложный междупланетный фокус, привели нас в восторг. Когда наши талии были освобождены, мы беспомощно повисли в воздухе, потеряв всякое чувство ориентировки. Потолок, стены и пол смешались, и мы застывали в пространстве в любом положении, а при малейшем движении—стремительно летели по всем направлениям.

— Мы падаем на планету с быстротой, равной ее «земному» ускорению,—рассуждал профессор, упираясь своей головой в мою и заняв по отношению ко мне перпендикулярное положение.

— Почему вы так странно «стоите», мистер Брукс?

— Я-то стою прямо, а вы зачем-то прицепились ко мне под углом!

Я хотел было привести профессора в параллельное себе положение, но при первой же попытке стукнулся носом о его ноги, и мы разлетелись в разные стороны. Ударившись по дороге о какого-то сатурнита, я благополучно достиг головою стены. Профессор же успел пока уцепиться левой ногой за потолок, в то время как правая барахталась в воздухе.

— Брайт!—послышался сверху его голос.—Зачем вы стали на голову?..

— Я думаю о том,—ответил я в тон,—почему резонатор начал вдруг действовать, а в этом положении удобнее всего размышлять.

— Это произошло оттого,—объяснял профессор, плавно покачиваясь, подобно баллону с водородом, вокруг своей ненадежной точки опоры,—что время по Эйнштейну относительно и различно протекает в разных мирах...

Я внимательно слушал, глядя на чешуйчато-блестящее темя своего собеседника.

— И моменты,—продолжал он,—двух одновременно происходящих событий на разных системах могут поэтому и не совпадать. Таким образом, понятие одновременности теряет в этом случае всякий смысл. Возможно, что резонатор пришел в действие немедленно после первого поворота ручки магнетто, но для нас это было не одновременно! Времена различных систем могут иметь определенный кругооборот и периодичность с соответствующими совпадающими моментами. И каждый раз в эти моменты резонатор будет отвечать на призыв магнетто, в прочие же—упорно молчать. Возможно также,—прибавил профессор, энергично взмахнув рукой и отлетев к противоположной стене,—что и первоначальная гипотеза не лишена некоторой доли истины. В таком случае остается предположить закономерную кругообразность вращения планет и пространств с периодически совпадающими точками, и только в моменты этих совпадений возможен переход через границу миров.

Сатурниты привыкли, очевидно, к такого рода полетам: нисколько не смущаясь, они свободно «витали» в пространстве, делая все, что надо, и не испытывая, повидимому, никаких неудобств. Большинство предметов было прикреплено к плоскостям, которые еще недавно назывались «полом», «потолком» и «стенами», фактически же таковых здесь не было—содержимое снаряда было равномерно распределено по всей его эллипсоидообразной поверхности. Все же не-

прикрепленные мелочи собрались под влиянием взаимного тяготения в одну кучу в центре пространства и при малейшей попытке достать что-нибудь разлетались во все стороны. У сатурнитов были для этой цели специальные удочки с крючками, и им не стоило ни малейшего труда «поймать» любой предмет.

— Я размышлял далее,—продолжал профессор, переворачиваясь на потолке на другой бок,—о первой гипотезе прекращения действия резонатора. Если она верна, мы сможем в будущем попасть на другие солнечные системы. Более того: перенеся оборудование на планету сатурнитов, мы перешагнем вторую границу миров и перенесемся в третье пространство... Брайт! Мы облетим с вами десятки миров четырехмерной вселенной!

Нет, профессор был прямо невыносим. Эта чудовищная идея была потрясающей. Охвативший меня бешеный восторг должен был вылиться в движениях. Не будучи в состоянии сдержать порыв и совершенно забыв о «весе» своего тела, я стремительно бросился обнимать профессора.

— Осторожно! Тише!—закричал он.— Разобьете себе голову!

Но было уже поздно: кувыркаясь, я стремглав полетел в пространство, немилосердно размахивая безудержно болтавшимися руками и ногами. Неизвестно, чем бы этот «полет» окончился, если бы после описанных мною нескольких мертвых петель один из сатурнитов не подцепил меня ловко удочкой за ногу. Сняв свою поимку с крючка, он взял меня подмышку и усадил на какую-то стену. Голова моя тотчас же сама поднялась, а тело вытянулось по направлению к центру снаряда.

Убедившись,что все окончилось благополучно, профессор расхохотался.

— Висите спокойно и не шевелитесь,— приказал он.—Своей неудачной выходкой вы прервали течение моих мыслей!

Я не мог, действительно, не согласиться, что мой сентиментальный порыв окончился не совсем удачно, вылившись в несколько неожиданную форму...

— Я хотел только прибавить,—продолжал профессор,—что мы войдем в контакт с сатурнитами и будем в дальнейшем вместе работать. У них должны быть ученые, по сравнению с которыми мы окажемся школьниками. Мы воспользуемся их техникой и посвятим их в наши планы. Затем мы перенесем их снаряды на землю и облетим всю нашу солнечную систему!

— М-да...—осторожно промычал я, стараясь всеми силами спокойно висеть. Богатый опытом, я на сей раз успешно сдержал свой восторг.

13. Два сюрприза

Наши тела начали снова тяжелеть, и все мы плавно опустились вместе с предметами на пол: ускорение падения, очевидно, уменьшалось.

— Наконец-то, я могу спокойно размышлять,—обрадовался я,—не рискуя разбиться головою о стену!

Параллельно со мною на ногах—и притом вверх головой—профессор. Но ввиду нашего малого веса, я все же предпочитал держаться от него подальше.

Один из сатурнитов указал на окошко под ногами, и мы увидели огромную, испускавшую яркий белый свет планету в фазе полнолуния; затем открыли новые семь окошек сбоку, в которых показался маленький желтый серп покинутой нами луны. Планета же, на которую мы стремительно падали, быстро увеличивалась, выходя за пределы поля зрения.

— Через несколько минут мы прибудем, — объявил профессор, держа в руках свой хронометр.—Сатурниты пересекают пространство с головокружительной и непостижимой для наших земных понятий быстротой.

Смешанные чувства волновали меня, и действительность опять показалась мне сном... А на «нашей» луне виднелись уже черные океаны и матовые материки.

— Чувствуете, как стало жарко? Температура все повышается,—заметил профессор.

— Да, мы находимся, очевидно, в сфере влияния тепла планеты.

— Неверно: это происходит вследствие трения снаряда о воздух. Вы забыли разве причины возгорания метеоров в земной атмосфере?

Едва профессор закончил последнюю фразу, как все сели. Мы сразу ощутили быстрое увеличение веса и вторично оказались пригвожденными к сидению и спинке. Через несколько секунд почувствовался легкий толчок, а затем крышка снаряда отскочила на почву. Я зажмурил глаза от ворвавшихся ярких лучей солнца.

— Полет продолжался 6 часов и 23 минуты!—восхищенно воскликнул профессор.—Это изумительно и невероятно! Вы не оценили еще, Брайт, в полной мере их бесподобной, блестящей техники: междупланетный полет далеко не так прост, как это кажется! Я преклоняюсь перед ними: они—гении по сравнению с нами!

Сатурниты собрались у выхода, вежливо уступив нам первым дорогу. Наши отяжелевшие члены плохо слушались, но все же с волнением и трепетом мы вступили на почву новой планеты.

— И-и!—мелодичным хором раздалось снаружи из тысячи уст.

— У-ва́-у!—как эхо, ответили наши спутники.

Мы смущенно остановились, походя на привезенных в Европу дикарей.

На огромной блестящей площади стояли сотни граненых снарядов, которые, подобно бриллиантам, ярко сверкали в солнечных лучах. А кругом, кругом нас стояли залитые ослепительными лучами тысячи блестящих великанов. К нам подошли и заговорили с нашими провожатыми. Но нет, не заговорили, ибо вместо разговора послышалось пение. Нас оглядывали, и маленькие сатурниты, не более нас ростом, подбежали, взяли нас за руки, повели и усадили в небольшой открытый эллипсоид без верхней половины, в роде лодки. Один поворот столика—и аппарат поднялся в воздух, влетев через минуту в огромное здание. Мы не успели ничего рассмотреть, как стало темно. Еще одно мгновение—стена осветилась, мы увидели восходящие солнца и—изумлению нашему не было пределов—самих себя, сидящих в пустыне!.. Это было кинофотографией спутника, на котором мы находились, заснятого с этой планеты с увеличением во много тысяч раз...

В течение получаса перед нашими глазами развертывались в последовательном порядке события того кошмарного дня, когда, изнемогая от голода, жары и жажды, жалкие, потерянные и несчастные, мы впали в отчаяние и готовились к смерти.

— Так вот зачем они прилетели!—закричал я.—Так вот почему они так быстро нашли нас! Теперь понятно, почему, выйдя из снаряда, они сразу же направились к нам!

В ответ на мое восклицание мелодично раздалось: у-ва́-у! Но этим дело еще не кончилось—в зале «рассвело», и нас вывели наружу.

— И-и!—послышалось на улице.

— У-ва́-у!—раздался неизменный ответ.

Нас пригласили пересесть в другой, закрытый и большой эллипсоид. Солнечный свет опять был заменен голубым. Поворот стола—и мы снова куда-то неслись... Прошло около получаса, снаряд замедлил полет и опустился на почву. Люк открыли, и мы вышли наружу. Здесь была уже ночь: восходил Сатурн, и сияло несколько лун.

— Брайт!—воскликнул профессор.—Мы в полчаса облетели половину планеты и находимся на противоположной ее стороне. Это равносильно перелету из Европы в Америку!

Нас ввели в колоссальное здание, освещенное тем же мягким голубым светом. Как и прежде, свет быстро померк, и только где-то вдали виднелся яркий кружок. Нас осторожно подвели к нему.

— Брайт, смотрите...

В кружке отчетливо виднелась пустыня, а на ней... на ней холмик с привязанной нами сверху тряпкой!..

Я был ошеломлен. Что это значит?..

— Телескоп!—громко объявил профессор.—Телескоп, какой еще не снился астрономам земли!

— У-ва́-у!—послышалось снова в ответ.

Кружок померк, и прояснилось голубое свечение. Никаких ламп нигде не было, к чему мы уже успели привыкнуть: светил состоявший из шестиугольников круглый выпуклый потолок и верхние части стен. Мы находились в огромном цилиндрическом зале, напоминавшем собой Колизей. Это была обсерватория с целым рядом сложнейших приборов, помещавшихся не только на полу, но также и в пространстве, на стенах и потолке.

— А где же трубы?—спросил я, оглядываясь кругом.

Но таковых нигде не оказалось...

— Не ищите,—торжественно произнес профессор,—ибо ничего не найдете. После того, как я раз заглянул в это маленькое отверстие, не остается ничего иного, как выкинуть все наши телескопы в мусорный ящик!

Внезапно до моего сознания дошло ощущение сильной усталости.

— Я утомлен,—сказал я профессору,—и с трудом держусь на ногах.

— Сочувствую. Сообщим им это.

С помощью жестов я показал, что мы голодны и устали. Поняв это, сатурниты вывели нас наружу и усадили в открытый полуэллипсоид, который быстро взвился вверх.

Попав вскоре в новое здание, мы очутились в густом и прохладном тропическом лесу среди цветов, лиан и деревьев. Невидимая крыша утопала во тьме, а свет походил на фосфоресцирующий иней. Кругом искрились фонтаны, и раздавалась музыка (значение этой музыки мы узнали позднее). Я вспомнил далекое детство, вспомнил волшебный бал у сказочных гномов... А сквозь чащу деревьев, отливая цветами и оттенками спектра, сверкала чешуя сатурнитов.

Нам предложили умыть у фонтана руки. Мы подставили их под прохладную воду, и грязь, пропитавшая за все это время кожу, бесследно и быстро исчезла. Руки немедленно высохли, издавая легкий аромат.

— Волшебный фонтан!—пробормотал профессор.

Мы сели за один из накрытых для еды столов, утонув в глубоких и мягких креслах. Откинув назад свои блестящие каски, наши спутники впервые показали нам лица. Да! они были так же подобны нам, как и мы походим на пещерных людей. Все свидетельствовало о громадном расовом прогрессе и производило сильное и неизгладимое впечатление: орлиные носы, резко очерченный правильный профиль, высокие лбы, тонкие линии губ, длинные ресницы, спокойный, проницательный взор карих сияющих глаз и гладко зачесанные назад блестящие черные волосы... Но что-то их отличало от нас и говорило о том, что они— не люди Земли. Быть может, тайна скрывалась в глазах, в их слишком длинных и узких разрезах, в этом неподвижном и странном, до жути глубоком нечеловеческом взгляде.

— Какие красавцы!—с восхищением воскликнул профессор.—Мы по сравнению с ними не более как обезьяны. По крайней мере,—я. Но кто это? Смотрите...

Взор профессора остановился на одном сатурните с более нежным овалом лица, несколько меньшей головой, точно так же зачесанными назад волосами, но более длинными и обвитыми наперед вокруг шеи. Из глаз струилось мягкое, убаюкивающее тепло...

Это—женщина! — снова воскликнул профессор.—Их несколько с нами.

Да, это была женщина. Она уловила наш взгляд, поняла восклицание, улыбнулась и мелодично пропела:

— И-и.

— У-ва́-у, у-ва́у!!—закричал я в восторге на весь зал и сразу же сконфузился... Все рассмеялись. О, они умели смеяться, но как благородно, спокойно, почти беззвучно.

— Ешьте, невоспитанный мальчик!— осадил меня профессор.

Перед всеми стояли сосуды с фруктами, и лежали разного сорта и цвета булки—от оранжевых до снежно-белых. Сильно отличаясь от земного хлеба, они были необычайно нежны и приятны на вкус.

Когда все было съедено, крышка стола внезапно поднялась вверх и исчезла во тьме потолка. Удивленно следили мы за ее «полетом», пока смех сатурнитов не заставил нас опустить головы. А на поверхности стола осталось зеркало, в котором я увидел свое поглупевшее лицо... Через полминуты крышка опустилась на место, нагруженная всякого рода «вторыми блюдами», неизвестно из чего приготовленными. Они оказались, впрочем, превосходными. Им не уступали также и напитки—легкие, густые и ароматные.

— Нектар и амброзия! — воскликнул я.

Разноцветные граненые сосуды, ложки, вилки и прочее были прозрачнее стекла, но прочны, как металл, не разбиваясь даже о камни, и все это— необычайно онкой, художественной работы.

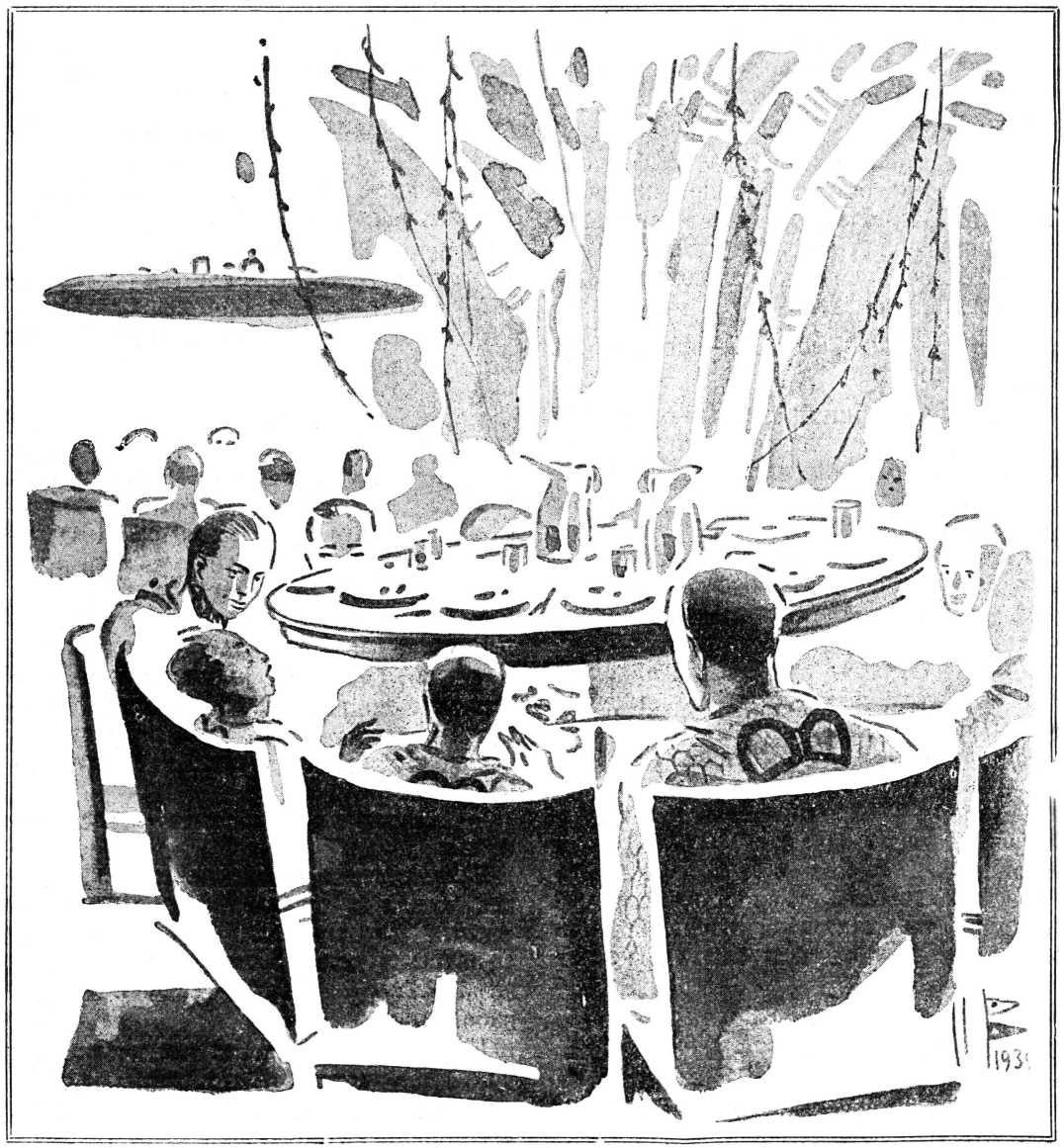
Кругом нас ужинали сатурниты. Все время слышалось пение, тихая музыка и журчание фонтанов. Это был,очевидно, «ресторан», но без малейшего запаха кух-

ни, без обычных шума и гама, звона подаваемой и убираемой посуды, снования прислуги и говора посетителей. Все спокойно сидели в удобных кресл.х, блестя чешуей под мягким светом, струящимся со всех сторон. Я заметил, что никто ничего не заказывал, а уходя—не платил.

Ужин окончился, и мы поднялись.

Э. ЗЕЛИКОВИЧ

(Продолжение в мартовской книжке)



ВОКРУГ ВИНТА

Рассказ
МИХАИЛА КОВЛЕВА

Рисунки
И. ФРАНЦУЗ

Гнев, взрыв возмущения вызывает иногда небольшая газетная заметка. Так было и в этот раз. Молодой беллетрист М. Ковлев прочел в газете заметку и... принес в редакцию рассказ. События 1919 года вновь всколыхнулись под пером М. Ковлева в московской квартире, воспроизводя далекий Хабаровск и колчаковские времена.

1

Чутко напрягаясь, палец повернул рычажок. В сверкающей никелем коробке родилось струистое шипение. Маленькие кривые лопасти медленно двинулись, дрогнули, загудели и вдруг кинулись вперед, сливаясь в стремительных поворотах. Упругий ветерок дунул, пронесся над столом, закрутил и отшвырнул в сторону восковую бумагу чертежей. Тонкие серебряные пружинки распрямились, звеня, как струны. Крошечная машина подпрыгнула с неоструганных грязных досок забросанного картофельной шелухой стола, задрожала мелкой лихорадочной дрожью, снова подпрыгнула и плавно рванулась вверх, сверкая блестящими лепестками лопастей, как бабочка пестрыми надкрыльями. Спиральным полетом пронеслась она, неуклонно поднимаясь к закоптелым растрескавшимся балкам некрашеного потолка, описала полукруг и, замирающе гудя, опустилась на прежнее место. Снова, сжимаясь, зазвенели пружинки. Лопасти замедлили движение и, блеснув, застыли в последнем повороте.

Гелико—спираль, винт; птерос—крыло.

— Ну?—человек у стола распрямил сутулые плечи, затянутые в ветхое сукно потертой студенческой куртки. Ну?—повторил он, поднимая прямо в упор своему собеседнику угрюмые, застенчивые глаза.

Жирный человек, сидевший напротив, качнул раскормленным, с трудом умещавшимся на дряхлой табуретке крупом, поперхнулся едкой гарью сигары, и, нарочито зевая, нарочито лениво промямлил:

— Игрушка!

— Игрушка?!—почти выкрикнул тот, кто казался студентом,—ошибаетесь!— Кулак его обрушился на стол, и звук удара прозвучал, как победный бой барабана.

— Не игрушка, а разрешение труднейшей задачи, задачи вертикального полета! Поняли?

— Сколько?—вместо ответа сказал, словно пролаяв, толстяк.

Изобретатель внезапно нахмурился.

— Что это значит «сколько»?—настороженно спросил он.

Толстый ерзнул задом по табуретке.

— Сколько полноценных, конечно. Долларов или фунтов. Вы знаете: бегство «спасателей великой и неделимой»

идет ускоренным темпом. Не стану же я предлагать вам за такую штуку «здешние», обеспеченные разве только морозным воздухом Верхоянска!

— Так вы хотите купить?—изобретатель отшатнулся, кривя губы в презрительной усмешке.—Купить!—подчеркнул он.—Вот в чем дело. Ошибаетесь. Ни я, ни моя машина не продажны.

Неловкое молчание наполнило комнату. Толстяк, скрывая лицо, усиленно запыхтел сигарой.

— Так как же?—почти растерянно произнес он из-за струистого дымного клубка.

— Как же?—задыхаясь в волнении, повторил изобретатель.—Да очень просто! Или вы меня обманули? Вы торгаш, а не большевик? Что же вы говорили о вашей связи с подпольным комитетом, о переправе меня через фронт? Купить? Я не продаюсь! Я хочу завершить исполненную мною работу там, в моей стране. Истекающей кровью, искусанной вшами, но строящей неслыханно сияющее будущее. Кому еще отдать эту машину? Здешним господам полковникам, пустоглазым болтунам-адвокатам, толстосумам-первогильдейцам? Или «доблестным» хапалам-союзникам? Чтобы они учились с нее бросать бомбы? Нет!—он наотмашь взмахнул рукою, точно разрубая кого-то,—никогда! Моя машина будет там. Только там. Чтобы, как и все там, строить новую жизнь!

Толстый, колыхая животом, юрко вскочил со своего места и цепко стиснул руку изобретателя:

— Вот, вот,—настороженно закатывая оплывшие жиром белки, сдавленно загудел он.—Теперь я вижу—вы наш! Подлинно наш! Э, батенька! Да я, ведь, испытать вас только хотел! Думаю—не за деньги ли, мол, он, не от мобилизации ли через фронт бежать хочет. Милый вы мой!—сентиментально забормотал он, не выпуская руки изобретателя из своей потной ладони,—как мне все это понятно! Ведь, и я такой же... энтузиаст!—после паузы нашел он нужное слово.—Я бы и сам вместе с вами туда поехал. Потрудиться за великое дело. Бросить этот проклятый костюм, воротничок, сигару... блузу рабочую, засаленную надеть. Наш родной вырви-глаз в козью ножку завернуть. Да нельзя-с!—непомерно глубоко и шумно вздохнула широкая грудь,—партийное задание! Дисциплина! Сижу вот в тылу у белых. Галстук ношу, для вида интендант, спекулянт даже, жуир, чорт возьми, а на деле—подпольщик, революционер!—напыщенно закончил толстяк.

Изобретатель в упор, исподлобья заглядывая ему в глаза, освободил руку:

— Так это вы только испытывали меня, Эдмунд... Васильевич, кажется?—осторожно спросил он.

Толстый, морща лоб, стремительно закивал.—Ну, конечно же, конечно. Родной вы мой! К чему недоверие? Ведь, мы старые товарищи. Привелось же вот вчера на улице случайно встретиться? Через шесть лет! А я, ведь, вспомнил, сразу вспомнил нелюдимого буку с математического факультета. Эх, Петербург!—снова вздохнул он,—университет, наши милые аудитории, профессора, общие товарищи, так сказать! Разве забудешь?!.

— Ну, товарищами мы, положим, не были,—перебивая его, холодно отчеканил изобретатель.—Я был ниже вас на два курса, учился на другом факультете, и потом... ваш мундир, белые перчатки и неизбежная шпага всегда казались очень далекими такому голоштанному, как я.

Толстый всплеснул ладонями:

— Э, батенька мой! Да, ведь, нужно было так. Это, видно, уж моя судьба весь век маску носить. Вы-то были в стороне от политики, с головой в науку ушли, а у нас массовки, явки, брошюрки, конспирации там разные. Все для них. Нужно было вращаться в обществе титулованных хлыщей. А через них проникать в кабинеты сановных папаш. Все для партии, батенька. Вот, как и сейчас, я среди офицеров, сволочи золотопогонной, акул буржуазных вращаться должен. Для того и перчатки и сигара.

— Так, так...—изобретатель отвернулся и, пряча глаза, прошелся по комнате.—Возможно. Я, действительно, с головой уходил в свои цифры и, к сты-

ду моему, почти не видел жизни и не знал людей. Именно не знал людей. А это очень плохо. Так было шесть лет. Но сейчас работа кончена. Глаза у меня открываются, и я начинаю понимать, на какой стороне мое место. На той, где, по вашим словам, и вы. Переправьте же меня, Эдмунд Васильевич, туда, если только вы не лжете. Я лгать, к сожалению, не умею. К сожалению...— задумчиво повторил он.

— Родной мой, мы, конечно, можем сделать это,—поспешно заговорил Эдмунд Васильевич,—но к чему, подумайте-ка? С вами машина, вещь деликатная. И вдруг ползком, ночью, через фронт, под пулями. Затруднительно будет. Да и зачем?—опять придавленным басом продолжал толстяк.—Наши, т.е. белые,—поправился он,—отступают. И со всех ног; кругом партизаны, восстания мужицкие. Армия разлагается. Через 2-3 месяца красные, т. е. наши, несомненно будут здесь. Не лучше ли подождать? А модели, чертежи мы раньше перешлем. В нашей революционной красной столице Москве и без вас начнут по ним постройку больших машин. А после занятия Омска и вы приедете. Это лучший выход. Давайте-ка модель да планы свои мне, я все это устрою... А?

Ленивые, заплывшие жиром глаза превратились в стальные клинки. Изобретатель почувствовал жгучую напряженность вопроса.

Стиснув кулаки, он выпрямился. Что-то в роде улыбки дернуло его синеватые губы.

— Нет,—решительно сказал он.—Машина будет в Советской России только вместе со мною.

Глаза Эдмунда Васильевича погасли.— Как хотите,—криво усмехнулся он,—ваше дело. Но имейте в виду, что один я не имею права, да и не могу организовать ваш переход через фронт. Нужна санкция комитета, демонстрация ему модели. Мы не можем рисковать нашим конспиративным аппаратом из-за пустяков,—он замялся в раздумьи.—Вот что, если хотите,—медленно продолжал он,—я заеду за вами завтра. Часов... ну, так... в пять вечера. Мы отправимся за город, и там вы покажете машину в действии, на ветру, не только мне, но и членам подпольного комитета. А затем, если дело будет признано важным, возможно и осуществление вашего желания.

Изобретатель молчал. Глаза его испытующе впились в бегающие зрачки собеседника.

— Ну, так как же вы? Поедете?— Толстый не выдержал взгляда и отвернулся.

— Поеду ли? Возможно.

— Значит, заехать?—весело шевельнулся толстый.

— Заезжайте...—зрачки изобретателя испытующе застыли на жирном лице.

— Прекрасно!—шумно двинулся вперед Эдмунд Васильевич.—Так я пошел. До завтра!

Руки изобретателя медленно спрятались в карман. Кисть Эдмунда Васильевича нелепо качнулась в воздухе и уцепилась за спасительный лацкан пальто.

Закрываясь, взвизгнула дверь.

Изобретатель, покачиваясь на длинных худых ногах и не вынимая рук из карманов, долго стоял посреди комнаты.

— Похоже, что жулик...—медленно сказал изобретатель и снова задумался.—А если так...

Выйдя из оцепенения, он постучал в стенку комнаты. За стеной кто-то зашевелился, длинно закашлялся, и, наконец, в дверях показалась древняя старуха-соседка.

— Марья Васильевна,—просительно сказал изобретатель,—не управляюсь я с печкой... Все дымит проклятая. А мне вот картофель нужно сварить к ужину... Пособите...

Старуха неодобрительно глянула на него тусклыми глазами, пожевала беззубыми деснами и махнула безнадежно рукой.

— Эх ты, дитя малое,—презрительно зашамкала она,—тебе бы все только картинки рисовать да щепочки клеить... Непутевый... Ну, да что с тобой поделаешь. Давай уж протоплю.

Она вытащила кучу щепок, разбитые куски досок от какого-то забора и лязгнула ржавой заслонкой хромой железки.

— Бумаги бы. На подтопку,—сердито буркнула она.

— Бумаги?—переспросил изобретатель.—Бу-ма-ги,—со странной четкостью повторил он.—Найдем!

Затем поднял истертый, белыми нитками залатанный ветхий брезентовый портфель, вытащил из него толстую пачку сияющих меловой белизной ватманских листов и присоединил их к лежащим на столе чертежам.

Кривые линии пропеллеров и осей, выведенные на них аккуратной тушью рисовальщика, мелькнули в воздухе, и тяжелая кипа шлепнулась на грязные доски пола.

— Вот бумага, Марья Васильевна, топите!

Старуха в шумливом недоумении воздела руки:

— Да это, ведь, картины твои. Ты еще давеча беречь велел?—удивленно протянула она.

— Ну что-ж! А теперь не нужны они,—спокойно улыбнулся изобретатель. — Жгите, Марья Васильевна, не сомневайтесь. Жгите!

2

Расшатанный, в защитный цвет выкрашенный форд нырнул в ухаб, захлебнулся горьким облаком вонючей смеси и, через силу дернув рессоры, повернул за угол. Трусивший навстречу, во главе запыленного казачьего взвода, лохматый урядник пытливо осмотрел машину. Трепавшийся на радиаторе трехцветный флажок и значок военного интендантства на дверце сделали свое дело. Урядник лениво отвернулся и, зевая, проехал мимо.

Последние дома окраин отшатнулись назад, и впереди открылось туманное марево степи. Направо, зубчатым клином перегораживая горизонт, поднялась лесная опушка. Иссушенные колеи проселочного пути вбежали под смолистую сень, и дорога путанно закрутилась в пряной сырости зеленой лесной ночи. На истертой коже автомобильных подушек покачивались три человека: изобретатель, понуривишись и прижимая к груди необструганный квадратный ящик; толстый, развалившись рядом и мягким, горячим, как растопленное масло, плечом подпирая сухой локоть соседа, и юркий человек, притулившийся напротив, нервно вертелся на месте; зрачки его бегали, как и короткие пальцы узловатых, нечистых рук.

— Далеко это?—нервно спросил изобретатель.

— Я уже говорил вам. Первая полянка. Представители комитета не могут показаться в городе,—успокаивающе заговорил толстый.—А без их санкций пересылать вас через фронт...

Изобретатель закусил губу:

— Все это прекрасно,—перебил он.—Но, говорю еще раз, я вам не верю. Совсем! Вы то по-коммерчески предлагаете деньги, то устраиваете свидание с подпольщиками... Здесь что-то неладно. У меня нет иного пути — передать изобретение не здешним пьяным зверям, а моей настоящей родине. И я рискую. Но, помните!

— Милый мой, милый мой!—поспешно забасил толстяк,—не волнуйтесь, все будет хорошо. Ей-богу, никто

не собирается вас обманывать.—Жирная рука ласково и успокаивающе погладила колено изобретателя.— И, наконец, не я ли сам, чтобы успокоить вас, передал вам хорошую восьмизарядную штучку?

Изобретатель рванул карман. Матовая сталь браунинга качнулась у него в ладони.

— Да, вы правы. И только поэтому я здесь. Вас двое, я один. Кто знает, быть может, в ваших карманах дюжина таких браунингов, но смотрите!..

Автомобиль, колыхаясь, проскакивал вдоль стройного сочно-зеленого забора из молодого ельника. Изобретатель вытянул руку. Большой палец скрипнул скобкой предохранителя. Вороненое дуло, раскачиваясь в такт перевалке колес, выставилось в опущенное окно. Упруго и весело рванул выстрел. Чешуйчатый гребешок пушистой елки брызнул зелеными каплями хвои и бессильно надломился.

— Видели?

— Молодцом!—пряча глаза, сказал толстый,—ей-богу, молодцом. Такого урока не испугались бы разве записные негодяи. А мы—честные люди. Честные,—подчеркнул он,—не правда ли, Павел Николаевич?

Сидящий напротив приосанился, тщетно силясь приостановить нервный бег зрачков.

— Ну, конечно же, Эдмунд Васильевич, конечно. Вы, право, напрасно беспокоитесь, молодой человек!—повернулся он к изобретателю.—Посмотрят машинку вашу, решат, поблагодарят за помощь делу Интернационала, все честь честью.

Усатый профиль шофера мелькнул в переднем стекле.

Здесь, что ли?—чуть слышно спросил он.

Тот, кого называли Эдмундом Васильевичем, кряхтя, высунулся в окно и радостно выкрикнул:

— Здесь, здесь! Стойте, Петр.

Фордик сипло вздохнул в последний раз и застыл. Щелкнула дверца. Изобретатель вышел последним и, не вынимая руки из разорванного кармана, ступил на шуршащую траву лесной поляны.

Под отрывистыми всплесками ветра волновались, шумели деревья. По небу проносилась взлохмаченная вата облаков.

Автомобиль неуклюже повернул и, гудя, скрылся из глаз.

Эдмунд Васильевич внимательным, испытующим взглядом обвел опушку, глубоко засунул жирные руки в карманы пальто и медленно произнес:

— Еще никого нет. К слову говоря, члены комитета будут располагать, вероятно, очень малым количеством времени. Только-только посмотреть опыты. А между тем, я и тов. Павел,—как-то особенно раздельно и четко произнес он,—уполномочены выслушать ваши объяснения.

— Да, да!—притопнув, бойко выдвинулся вперед его товарищ,—безусловно, без объяснений нельзя. Что это у вас за машина такая, и на что она служит... Благоволите...

Изобретатель молча откинул крышку ящика и вытащил слабо зазвеневшую пружинками модель. Юркий жадно заглянул ему через плечо, осклабился и, нерешительно вытянув палец, щелкнул грязным кривым ногтем по сверкающим лопастям.

— Ловко выточено!—глупо сказал он.

Изобретатель резко откинул чужую руку.

— Машина эта называется геликоптер,—не поднимая глаз, хмуро заговорил он.

рил он.—Здесь только модель, конечно, но напрасно Эдмунд Васильевич назвал ее игрушкой. Из таких игрушек вырастает великое. Слыхали ли вы про игрушку Гиппократа—коробку с дырочкой, через которую на лопастное колесо нажимал пар? Эта игрушка—тоже «игрушка», созданная за 2500 лет до нас—через котел Паппина, цилиндры Уатта, золотники Стефенсона привела к тысячесильным корабельным турбинам. На это понадобилось 2500 лет, а здесь... здесь все вымерено и сосчитано.—И уже увлекаясь, изобретатель продолжал:—Увеличьте и усильте эту модель во всех ее частях в сорок раз, и перед вами готовая машина.

Все пропорции будут сохранены. Тут нечему удивляться. Знайте: еще современник Монгольфьеров Понтон д'Омекур в конце XVIII столетия разрешил принцип. Вертикальные всасывающие винты—это им суждено поднять человечество к небу.

Принцип был разрешен, но задача осталась задачей до сих пор! Максим и Лильенталь, Жискар, Каролла и геликоплан Сиервы указали путь. Все дело в пропеллере.

Где винт, достаточно мощный, чтобы поднять в воздух тяжесть в тысячу раз большую, чем весит он сам? Перед нами видоизмененная задача мотора. Помните? Лошадь на фунт. Ее разрешили ученики великого Дизеля. Я разрешил задачу винта. Только этот винт дает настоящий полет. Не тот неуклюжий взлет аэроплана, что, ковыляя, разбегается по специальной, утрамбованной площадке. Поднимается косо, спускается нехотя, боится, как трус, земли. Знаете ли вы, что лучший летчик считает себя в опасности не на высоте трех тысяч метров, а в пяти метрах от земли? Это не парадокс, это—истина. Вы хотите победы над стихией? Так не опирайтесь на нее, а преодолевайте! Силой сокрушайте силу. Пароход разрезает океан железной грудью носа. Динамит разрывает скалу. Струя помпы разбивает, захлестывает огонь. А крылья аэропланов опираются на прозрачную грудь врага. Грудь сотрясается от ветров и бурь, и хрустят доверчивые крылья. Не верьте врагу! Стихия—враг. Ее надо не покорять, а сокрушать. Грузный дирижабль—мягкий, беспомощный пузырь, легкокрылая стрекоза—моноплан, гибнущий под первым ушибом бури, разрывающем мускулы тросов—все это архаизмы, отмершее былое. На смену приходит вольный полет. Вонзиться в эфир, ниспровергнуть ветер, раздавить бурю, издеваться над штормом—вот что сможет совершить мой геликоптер. Эдмунд Васильевич видел—он поднимается вверх свободно и прямо. Он опускается на то же место, откуда вспорхнул, ему не нужен аэродром больше того, с которого он поднялся. Плоская крыша, аллея сада, узкий двор, зажатый между бетонными громадами столичных небоскребов—на все смогут опускаться большие геликоптеры, ничем не связанные, свободные, всепобеждающие. И мало того,—стоять на одном месте в воздухе. Поняли? Человечество окончательно покорит атмосферу на моей машине... Что? Вы не согласны? Порча мотора?—думаете вы. Поломка винта? Отсутствие крыльев уничтожает спасительное планирование? А во-первых, к чему оно? К чему, если запасный мотор и два лишних пропеллера весят неизмеримо легче и займут во много раз меньше места, чем размахнувшиеся поверхности аэропланов. Во-вторых, я предусмотрел все это и объединил принципы. Еще Сиерва предуказал путь. При подъеме и спуске—винт. На высоте—крылья. Геликоплан! Он сэкономит горючее, он даст лишнюю гарантию безопасности. Крылья в союзе с винтом! Но крылья я заменил иным. А мой винт—смотрите, вот он!

Человек замолчал и широким жестом костлявых рук, точно распахивая створки ребер и на ладонях подавая слушателям собственное трепещущее сердце, вытянул вперед модель. От резкого жеста мягко двинулись грушевидные выступы двух пропеллеров. На тонкой никелированной оси висели они друг над другом, сверкая, как насильно распрямленные бутоны ландыша, каждый с четырьмя серебряными лепестками хитро изогнутых спиральных лопастей.

Толстый жадно посмотрел на винты и, нервно переступив с ноги на ногу, снова перевел глаза на опушку. Он явно кого-то ожидал.

— Видите эти извивы?—кипя волнением, продолжал, между тем, изобретатель.—Это им отдал я шесть лет жизни. То, что еще до войны, в тринадцатом году, начал голодный студент «Санкт-Петербургского университета», закончил в девятнадцатом, в сарае столицы господина Колчака попрежнему голодный бродяга-репетитор. Тысячи опытов, десятки тысяч вычислений отданы этим винтам. Но зато они ввинчиваются в воздух, как алмазный бурав ввинчивался бы в масло. Ни одного атома атмосферы не пропадает даром. В каждом находят они опору. Идеально всасывающий пропеллер—вот сущность моего изобретения. Таких пропеллеров, как видно, два, и крутятся они в разные стороны, нейтрализуя друг друга, чтобы сам аппарат не приобрел коловратного движения. Все остальное — известно. Здесь,—и узловатый палец коснулся коробки, — на месте трехсотсильного, шестицилиндрового бензинового мотора, который будет в настоящем аппарате, пока лишь простая закручивающая пружина. Тут,—палец скользнул ниже,—рессоры, смягчающее толчки при подъеме и спуске, то, что заменит собою колесные шасси аэропланов. Но все дело в пропеллере.

— А горизонтальный полет?—перебивая, чутко спросил толстый.

— Горизонтальный? Он возможен, конечно, и, поверьте, выходит не хуже, нежели у любого аэроплана. Смотрите!

Изобретатель присел на корточки, поставил модель на траву и достал из кармана похожую на граммофонную заводную ручку. Затем, придерживая винты, тщательно надел ее на шпенек, сбоку модели. Монотонно застрекотала сворачивающаяся пружина. Гнутая скобка под пропеллерами, подчиняясь движению длинного тусклого ногтя, скользнула влево. Ручка легла на траву. Прежним нервным движением палец перевел рычаг. Звон пружинок, ветер, скачок. Вспорхнув, модель щелкнула, на одно мгновение качнулась и стремительно, точно падая, рванулась вниз. Но одновременно с треском пропеллеры наверху раздвоились. Две лопасти от каждого продолжали сверкать в бешеном вертикальном кружении, а четыре, наклоняясь, заработали уже по горизонтали. Серебристая коробка скользнула вперед, плавным широким полукругом огибая просторную поляну. То сверкая, то скрываясь в тени листвы, уже с другой стороны подлетела она к людям, снова щелкнула, качнулась и на вновь выпрямленных, замирающе гудящих винтах мягко стала на прежнее место. Рессоры звякнули, задрожали, застыли.

— Видели?—спросил изобретатель. И, не ожидая ответа, захлебываясь словами, продолжал:—в этом—мое второе. Те же пропеллеры дают поступательные движения. Плоское дно машины опирается о воздух, заменяет крылья. Оно не велико, но четыре оставшихся свободными лопасти помогают ему вертикальной поддержкой. Смотрите, сейчас аппарат будет летать уже спирально,—изобретатель опять поставил модель на траву и взялся за рычажок...

3

Слабое звяканье, донесшееся до его слуха, остановило его движение. Он вскинул глаза. С другого конца полянки, направляясь прямо к ним, тяжелым размашистым шагом двигалось несколько человек. Впереди, бряцая и путаясь шпорами в высокой траве, шел высокий сутулый офицер.

Тяжелые сапоги солдат шуршали за ним.

Не дойдя до изобретателя, офицер остановился и, обводя всех по-рачьи выпученными глазами, негромко спросил:

— Что за люди?

Потом пригляделся к блиставшей в траве модели, сощурился, сдавил челюсти и, медленно вынимая наган, кивнул на изобретателя:

— Взять!

Цепкие руки опеленали плечи. Из тяжело дышащих солдатских ртов пахнуло махоркой и хлебом.

Рука изобретателя метнулась было к карману, но повисла, полураздавленная жесткими пальцами. Он выпрямился и почти спокойно спросил:

— Что такое? За что?

Офицер качнул наганом, промолчал и лениво повернулся к толстому:

— Вы господин Креев?

— Совершенно верно-с!

— Эдмунд Васильевич?

— Так точно.— Толстый кланялся, нервно потирая влажные ладони.

— Поставщик интендантства? Ну, ну... Этот?—дуло нагана вскинулось, указывая на изобретателя.

— Совершенно правильно!

— А этот кто?—дуло мягко скользнуло, указывая теперь на юркого. Тот слабо взвизгнул и сжался в комок.

— Это со мной. Компаньон мой!— раскланиваясь, заспешил Креев.—Мы, ведь, вместе заявляли. Господин Кулешов, Павел Николаевич. Мы вместе.

— Ага! Обыскать!—дуло опять ткнулось в грудь изобретателя.

Солдаты, тесно обступив пленника, дружно рванули истертую тужурку. Грязные оборки рубашки мелькнули по ней. Изобретатель шатнулся и провел языком по пересохшим губам. Понимание и ненависть зажгли его тусклые зрачки.

— Сво - лочь!— раздельно и четко сказал он, точно плюнул в лицо Крееву. И потупился.

— Оружие, господин капитан,—и вислоусый унтер, обрывая ветхую подкладку тужурки изобретателя, вытащил браунинг.

— Есть? Так-так... Давай!—офицер оживленно шагнул вперед и, заткнув наган в кобуру, взял пистолет.

— Адские машины пробовать?—указал он пальцем в сторону модели. И сразу, распрямляясь, побагровел.—Оружие носить?! В разведку его!

Хрустнуло колесико зажима. Через круглые прорезы длинной, похожей на портмоне обоймы блеснули золотые червонцы гильз.

— Заряжен, так!.. Стой, а здесь что?— тонкие пальцы капитана юркнули в рукоятку. Свернутая в трубку тоненькая красная книжечка выпала ему на ладонь.

— Партбилет?! Так ты «товарищ?» Хам-унист?!—горячей кровью заливая щеки, выдавил офицер.—Хам-унист?!— смачно повторил он, вплотную подходя к изобретателю. И коротким грузным размахом ударил его кулаком в лицо.

Изобретатель тонко по-заячьи вскрикнул и судорожно забился в солдатских руках.

— Вот, вот!—весело затараторил Креев.—Явный коммунист. Представьте, уговаривал нас взорвать интендантство! Машины, вот, такие-то у него.

— Известно... гадина! — расторопно выдвигаясь вперед, вставил Кулешов.

— В разведку!—не слушая их, прохрипел офицер.—А это подобрать! Да осторожно!—взмахнул он пальцем в сторону модели. Солдаты, подталкивая пленника, двинулись вперед. Колени изобретателя зыбко дрожали, но шел он молча, твердо отбивая шаг. Дойдя до ящика, унтер выпустил рукав тужурки и неуклюже наклонился к аппарату.

Внезапно изобретатель дико рванулся, поднял ногу и с силой грянул ею по хрупким винтам. Круглоносый, прорванный американский ботинок отчаянно нажал. Алюминий жалко хрустнул и рассыпался звонким дождем измятых пружинок и колес.

— Что, взял?—почти визжа, выкрикнул изобретатель, порываясь к толстяку,—взял, сволочь?! Предатель!

Капитан, с дергающейся челюстью и тесно сузившимися глазами, прыгнул к пленнику.

— Ты что, гад? Ты ломать, а?! Ты ломать?!—Он нелепо притопнул, хватаясь за кобуру, скрипнул зубами, тяжело задышал, сдержался и, помолчав, просипел:

— Ну, чего стали, ведите! Я догоню!

Когда конвой и сразу затихший изобретатель прошли мимо, офицер угловато присел на корточки, обнажил голову и, обшаривая траву, собрал в фуражку части разбитой модели.

— Не взорвалась все-таки... Да и заряда не видно. Но все переломал, подлец. Все... Слушайте!—неожиданно взглянул офицер на Креева.—А, ведь, это не похоже на бомбу, а? Вертушка

Изобретатель поднял ногу и... грянул по хрупким винтам...

какая-то!—В испачканной кисти капитана слегка дрожала погнутая и надломанная алюминиевая розетка пропеллеров.

— Ей-богу, не знаю, господин капитан,—совсем спокойно ответил толстый.—Ей-богу. Он сам говорил—бомба. А я в военных делах—профан. Разрешите взглянуть.—Он небрежно принял винты, округляя пухлые щеки, подул на лопасти, отчего они плавно закрутились, и вопросительно повернулся к Кулешову:—в роде мельницы... деткам на забаву. Поди, и правда не бомба, а?

— Словно бы и не похоже,—вздохнул юркий,—а только где уж нам разобраться. Мы люди штатские. Вот господин офицер, тот...

— Ерунда! — решительно перебил Креев и, плавно взмахнув рукой, отшвырнул пропеллеры в сторону.

— Ну, ну!—офицер встал, ладонью отряхивая галифе,—там разберутся. Пожалуйте за мной. Вас, как заявивших, а потом свидетелей тоже, должно быть, допросят.

И он, оглядываясь, заспешил за удаляющимся отрядом.

— Вот вам и фунт изюма, Эдмунд Васильевич,—бросившись вперед, горячо зашептал Кулешов,—это что же значит? Пропали старания? Даром и заявляли? В разведку-то? Даром билет партейный доставали. Машинка, выходит—тю-тю. Ах ты, боже мой, боже мой! Как же быть?

— Хоть эти винты подобрать, что-ли?—холодно процедил Креев.—Вы что, инженер? Без машины? Я тоже не инженер. На что нам одни винты?

Он помолчал и, густо вздыхая, добавил:

— Вы ступайте, Кулешов. Я сейчас, только оправлюсь.—Он стал спиной к собеседнику и взялся за пуговицу гладко разутюженных английских брюк.

Кулешов горестно покачал головой и, отвертываясь, шагнул вперед.

Больно стискивая свое брюшко, Креев стремительно наклонился, рука его ящерицей кинулась в траву. Мгновение—и в глубокий карман пиджака удобно улегся недавно брошенный маленький алюминиевый цветок.

— Ложная тревога, Кулешов,—догоняя приятеля, мягко прогудел бархатистый бас,—у меня просто катар мочевого пузыря.

4

Через десять лет, 28 июня 1929 года, на оцепленном тройными рядами колючей проволоки и часовыми секретном плацу военного аэродрома у Гринвича, инженер Крейф принимал поздравления высших чинов воздухоплавательного министерства.

Геликоптер «КІ», только что блестяще закончивший свой испытательный полет, увенчанный короной винтов, возвышался алюминиевой громадой за его откормленной спиной.

Инженер Крейф сосал сигару, блестел манжетами, перстнями и ногтями, ломаясь пополам в почтительных поклонах жал холеные жесткие, как тщательно оструганные доски, руки затянутых в ремни и краги, до блеска выбритых генштабистов. Сияло солнце, улыбки... и весело звучали гортанные «Олрайт».

Да и как было не веселиться? Геликоптер «КІ» не только поднимался по вертикали, но и, неподвижно вися в воздухе, с идеальной точностью метал пока еще учебные бомбы.

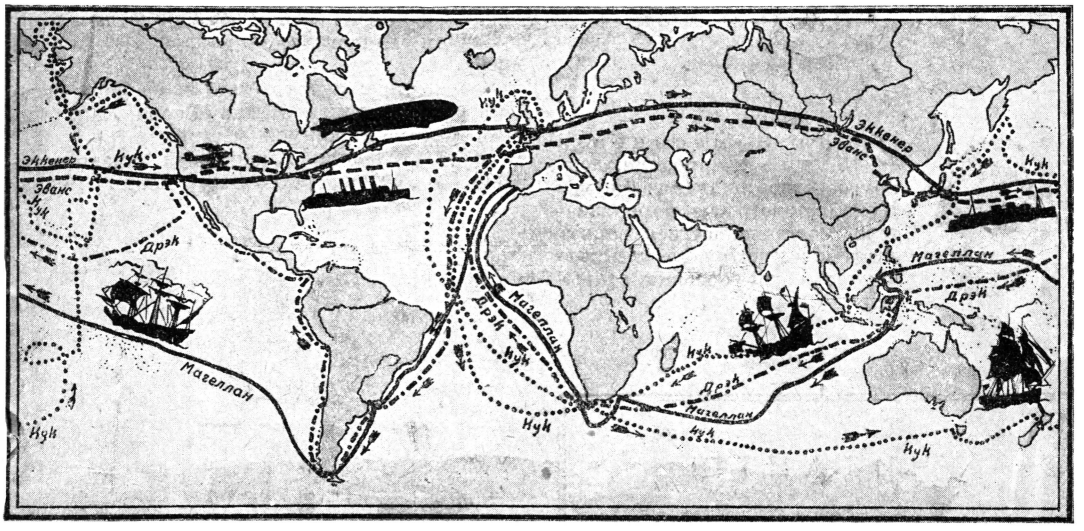
Все были веселы, ласковы, а инженер Крейф не только ласков, но и толст. Никто не знал, как сумел он пронести через паническую эвакуацию Владивостока, настигающий перестук партизанских пулеметов, гнилые трюмы, вонючие кабачки эмигрантского Харбина и проплеванные закоулки Монмартра свое добродушное брюшко.

Брюшко и винт.

М. КОВЛЕВ

ОТ МАГЕЛЛАНА ДО ЭККЭНЕРА

К. ГРИГОРЬЕВ



МАГЕЛЛАН

Первым, дерзнувшим предпринять кругосветное путешествие, был находившийся на испанской службе португальский капитан Фернанд Магеллан. 20 сентября 1519 года из гавани Сан-Лукарде Баррамеда вышла испанская эскадра, состоявшая из 5 кораблей с 205 чел. экипажа.

18 месяцев плыл Магеллан, огибая южноамериканский континент и пересекая необозримые водные пустыни Тихого океана. За время плавания были четыре бунта, от голода и болезней погибло более половины экипажа.

«Сухари, которыми мы питались,— писал позднее один из спутников Магеллана Пигаретта,—обратились в пыль, в которой копошились черви. Вода, которую мы пили, была мутная и горькая. Чтобы не умереть с голода, мы принуждены были есть кожу, которой обиты были реи для защиты канатов от трения об дерево... Много раз нам приходилось питаться древесными опилками, и даже крысы, столь противные человеку, являлись таким лакомым блюдом, что за них платили по полдуката».

Достигнув Филиппинских островов, Магеллан ввязался в войну местных князьков и был убит в одной из стычек (27 апреля 1521 г.). Команду над судами принял капитан Эль-Кано, который после долгих злоключений вернулся, наконец, 6 сентября 1522 г. в гавань Сан-Лукар с одним кораблем и всего лишь семнадцатью спутниками. Итак, первое плавание вокруг света длилось 2 года 11 месяцев и 16 дней и стоило жизни трем четвертям отправившихся.

ДРЭК

Через 45 лет после возвращения капитана Эль-Кано кругосветное путешествие было совершено английским пиратом Дрэком, отправившимся в 1567 г. из Плимута с 5 кораблями и 160 чел. экипажа. Разграбив испанские города на Тихоокеанском побережьи и захватив в море ряд судов с золотом, Дрэк вернулся в Плимут 3 ноября 1580 г. с одним кораблем и 77 спутниками, но зато привез добычи на 800 тысяч фунтов стерлингов.

Второе кругосветное путешествие заняло времени лишь не многим менее, чем первое, и продолжалось 2 года 9 месяцев и 13 дней. После Дрэка кругосветные путешествия совершал ряд мореплавателей: Кавэндиш, Де-Ноорт, Вуд Роджер, Джордж Атономибр.

Несмотря на все успехи в технике мореплавания, все путешествия эти продолжались в среднем от $2^1/_2$ до 3 лет. Рекордным по ско-

рости было плавание Вуда Роджера, отправившегося из Бристоля 2 августа 1708 г. и вернувшегося в этот же порт 1 октября 1710 г.

КУК

2 года 10 месяцев и 15 дней продолжалось кругосветное плавание Джемса Кука, первого из мореплавателей «отправившегося вокруг света исключительно с целью научно-географических открытий».

ЧИТАЙТЕ!

в мартовской книжке „БОРЬБА МИРОВ": Две морали и ряд загадок — главы 14—18 романа Э. Зеликович — СЛЕДУЮЩИЙ МИР. УРАЛЬСКИЕ БЫЛИ—очерк П. Лопатина. НЕРАЗОРВАВШАЯСЯ БОМБА — рассказ А. Гарри. ГРОЗА В ЗАРД-ТЮБЕ—рассказ Тэмира. НУР ИЗ БИСКРЫ — рассказ В. Арендт. ГЕРОИ 1929 ГОДА—очерк А. Топс, и ТЕЛЕГРАММЫ Б. ГРОМОВА.

Подписывайтесь на „СМЕНУ" с приложением ежемесячника „БОРЬБА МИРОВ".

В апрельской книжке будут напечатаны рассказы: А. Гарри—ЧЕЛОВЕК—ПТИЦА, с иллюстрациями художника К. Кузнецова. Г. Клэнч — БОЛОТО МОСКИТОВ. Продолжение романа СЛЕДУЮЩИЙ МИР—Э. Зеликович.

Прошли годы, и море перестало быть единственным удобным путем для далеких путешествий: гигантские железнодорожные пути пересекли континенты, и пароходы сменили старые парусные пакетботы. Пятьдесят лет назад французский писатель Жюль Верн говорил в одном из своих романов о комбинированном путешествии вокруг света в 80 дней.

Путешествие вокруг света в 80 дней было для современников Жюль Верна фантастикой, мало выполнимой мечтой.

Действительность наших дней далеко оставила за собой фантастику Жюль Верна.

УЭЛС и ЭВАНС

Два американца, Уэлс и Эванс, объехали свет комбинированным путем по железной дороге, на пароходе и аэроплане—в 28 дней 14 часов и 26 минут. Еще скорее совершили кругосветное путешествие Кольер и Меарс, пробывшие в пути всего 23 дня 14 часов 36 минут.

Но и приведенные выше рекорды превзойдены последним кругосветным полетом Эккэнера на дирижабле «Граф Цеппелин», доказавшим возможность «облета вокруг земли в 12—14 суток».

ЭККЭНЕР

НИ ЧЕРТА НЕ ПОНИМАЮ

(Загадочный рассказ)

Чтобы быть совершенно последовательным, начну рассказывать все по порядку, так как это не особенно длинная история. История же эта мне кажется достаточно интересной для всех тех, кто любит революционную романтику. Таких людей, я думаю, найдется не мало, и мне кажется, что и вы со мной также согласны. А если это так, то вы можете слушать дальше мое, несколько сбивчивое повествование—я не особенно умею и люблю рассказы, а больше люблю читать. Интересная книга, живой увлекательный рассказ, насыщенный действием, революционной романтикой,—моя страсть. Жаль только, что до сих пор мне удавалось удовлетворять ее лишь в небольшой степени. У многих авторов, произведения которых, к сожалению, мне приходилось читать, совершенно недвусмысленно проглядывало только одно желание: окрасить все во что бы то ни стало в красный цвет. Результат же вследствие этого был плачевным: вода, разбавленная красным, получалась розовой—и только! Некоторые же произведения перечитывались мною по нескольку раз, настолько они меня увлекали. Авторы у нас все-таки есть. Литературы выпускается много. Беда же моя заключалась в том, что произведения этих авторов нужно было разыскивать, покупать отдельные книги, ждать очереди в библиотеке, и вот я стал думать: как было бы не плохо, если бы существовал сборник, посвященный романтике революции и строительства. Однажды, проходя мимо витрины книжного магазина, я взглянул на выставленные книги и прямо ахнул—моя идея! Решительно открываю дверь. Быстро вхожу в магазин и навожу справку о заинтересовавшей меня книге.

— А-а, вот о чем вы спрашиваете!—улыбнулся продавец,—если говорить точно, то это не книга.

— Мне,—говорю я, рассматривая книгу,—кажется, что это именно то, что я ищу.

История кончается тем, что я приобрел эту книжку. Рекомендую и вам поступить так же, как я. Очень рекомендую.

Вот в сущности и все, что я хотел вам рассказать.

★

— Да, позвольте, вы не сказали мне самого главного, не ответили на мой вопрос. Я же вас спрашивал—чем вы так довольны? Очевидно, только купленной книгой? Что это за книга?

Уверяю вас, что рассказанного мною совершенно достаточно для того, чтобы понять все.

★

Предлагаем читателям решить этот рассказ-задачу и совершенно точно, не руководствуясь только догадками, ответить на вопрос—что хотел сказать автор рассказа?

И не только ответить, но делать, чтобы быть довольным, как и автор рассказа-задачи.

Торопитесь!

Борьба Миров

ЕЖЕМЕСЯЧНИК РЕВОЛЮЦИОННОЙ РОМАНТИКИ, ПУТЕШЕСТВИЙ, ОТКРЫТИЙ, НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ, ИЗОБРЕТЕНИЙ И ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОПАГАНДЫ ГЕНЕРАЛЬНОГО ПЛАНА.

12 ИЛЛЮСТРИРОВАННЫХ КНИЖЕК СЮЖЕТНЫХ РАССКАЗОВ, ЗАНИМАТЕЛЬНЫХ ОЧЕРКОВ.

„БОРЬБА МИРОВ“—приложение к массовому иллюстрированному журналу рабочей молодежи

СМЕНА

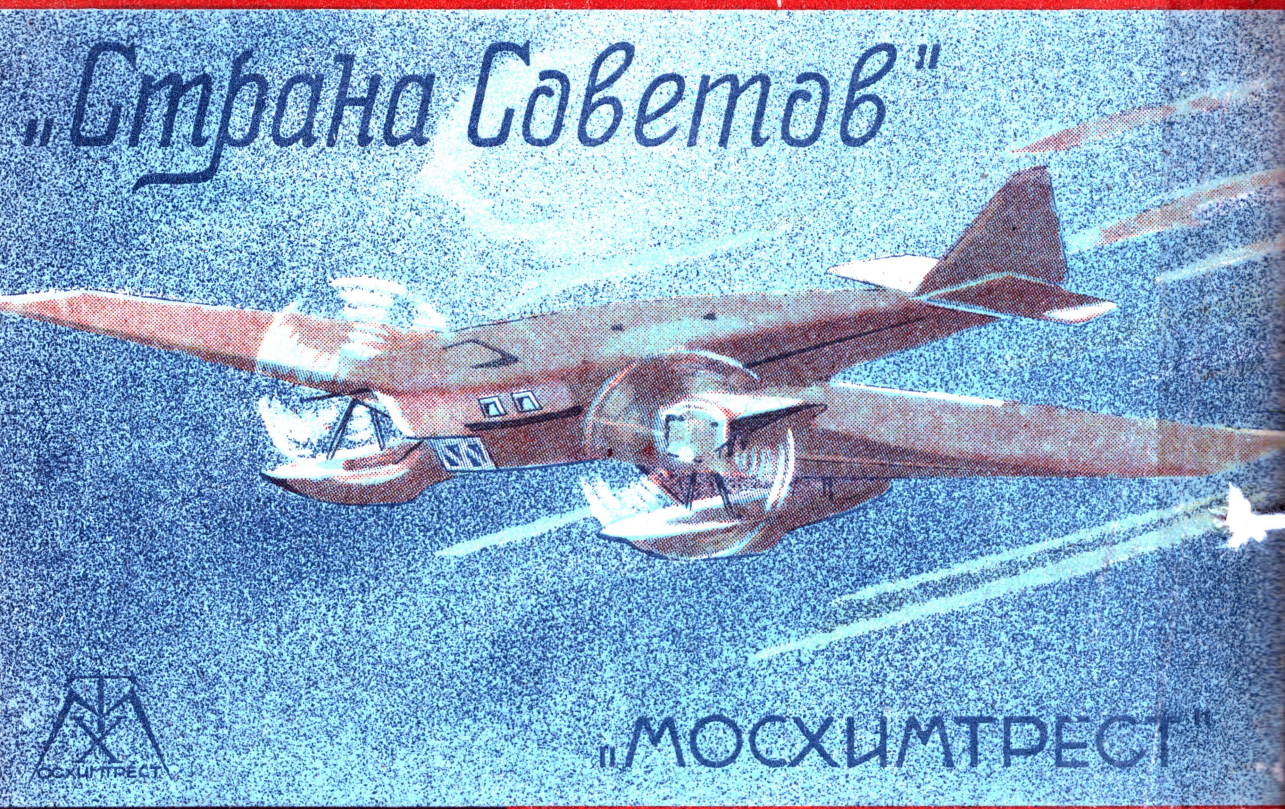
Подписная плата—36 номеров „СМЕНЫ“ и 12 сборников „Борьба Миров“: на год—7 руб., на 6 мес.—3 р. 70 к., на 3 мес.—1 р. 95 к., на 1 мес.—70 коп.

Подписка принимается: Москва, Центр, Новая пл., 6, изд-во „Молодая Гвардия“, всеми отделениями издательства и повсеместно на почте.

ТРЕБУЙТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНИК „БОРЬБА МИРОВ“ ВО ВСЕХ КИОСКАХ, У ГАЗЕТЧИКОВ И НА СТ. Ж. Д.

ХИМИЧЕСКИЙ КОПИРОВАЛЬНЫЙ КАРАНДАШ

„Страна Советов"



„МОСХИМТРЕСТ"

МОСХИМТРЕСТ

MADE in USSR

ЧИТАЙТЕ ЕЖЕМЕСЯЧНИК
„БОРЬБА МИРОВ"

ПИШИТЕ КАРАНДАШАМИ
МОСХИМТРЕСТА

„МОСПОЛИГРАФ", 5-Я ЛИТОГР.